

ПРОШЛОЕ КАЗАХСТАНА
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ
ИСТОЧНИКАМ

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

ПРОШЛОЕ КАЗАХСТАНА
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ
ИСТОЧНИКАМ

Издательство «Наука» Казахской ССР

АЛМА-АТА 1976

Прошлое Казахстана по археологическим источникам.
Алма-Ата, «Наука» КазССР, 1976.
236 с. с 88 ил.

Сборник посвящен некоторым итогам раскопок преимущественно Отрара, памятников одноименного оазиса и региона Каратау. В него включены также материалы археологических исследований, проведенных в других районах республики, но тематически связанных с отрарской проблематикой или проливающих свет на генезис древней культуры Казахстана в целом.

В книге публикуются статьи по археологии, нумизматике, керамике, палеозоологии, имеющие принципиальное значение для решения ряда вопросов позднесредневековой истории и палеоэтнографии Казахстана.

Издание рассчитано на археологов, историков, аспирантов и студентов вузов, музейных работников и всех, интересующихся историческим прошлым народов Казахстана.

Ответственный редактор
К. А. АКИШЕВ

П 10602—078 78—76
407(07)—76

© Издательство «Наука» Казахской ССР. 1976 г.

ОТЧЕТ О РАСКОПКАХ НА ГОРОДИЩЕ ОТРАРА В 1974 ГОДУ

К. А. Акишев,
К. М. Байпаков,
Л. Б. Ерзакович

В полевой сезон 1974 г. Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция продолжала изучение верхнего слоя городища древнего Отрара. Исследовалась его восточная часть — раскоп площадью 7500 кв. м (150×50 м). На востоке он почти вплотную примыкает к крепостной стене, а на западе кончается магистральной дорогой, на которую перпендикулярно выходят пять внутриквартальных улиц (рис. 1).

С помощью раскопа выявлены строительные конструкции двух горизонтов, датируемых XVI — первой половиной XVII в. и второй половиной XVII—XVIII в.

Верхний строительный горизонт прослеживается лишь на некоторых участках, постройки же основного (нижнего) горизонта верхнего слоя проступают довольно четко (рис. 2).

Площадь раскопа включает остатки семи кварталов, из них пять вскрыты почти полностью. Структура кварталов, их планировка, облик жилых домовладений такие же, какие были установлены за время раскопок Отрара в прош-

лые годы¹. В результате работ 1974 г. получены новые данные о ремесленной специализации кварталов и культовых постройках средневекового города. Дадим характеристику кварталов.

*Квартал керамистов (Л)*². В нем насчитывается 11 домовладений, два из них принадлежали гончарам. Квартал в плане прямоугольный. Его размер: длина в глубину 65 м, ширина по фасаду около 32 м. Общая площадь немного больше 2000 кв. м. Внутриквартальная улочка, идущая от магистральной улицы, упирается в крепостную стену. Длина улочки 65 м, ширина около 3 м. В 22 м от начала улочки под прямым углом в северном направлении отходит тупичок (?) длиной 14 м.

Рис. 1. Общий вид раскопа IV.

Три домовладения образуют массив, расположенный по левую, т. е. северную сторону внутриквартальной улочки, если следовать в глубину квартала от магистральной улицы.

Дом 1 (рис. 3) состоит из пяти помещений различного назначения. Центральное помещение 35 в плане прямоугольное площадью около 25 кв. м. В нем имеются тандыр и гончарная печь, которая сооружена в северо-западном углу впритык к двум стенам (рис. 4). При расчистке печи внутри обнаружен плотный завал из сырцовых кирпичей, истлевшего камыша, мусора, кусков стен обжиговой каме-

¹ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ермакович Л. В. Отрар XVI—XVIII веков по итогам раскопок 1971—1973 годов. — В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975, стр. 3—48.

² С 1971 г. литера дается каждому полностью раскопанному кварталу.

ры. Печь двухъярусная, сложена из сырцового кирпича. Сохранность ее удовлетворительная. Высота обжиговой камеры 0,7 м, диаметр пода 1,2 м. Огневая камера примерно такого же размера (диаметр 1,1 м, высота 0,9 м) впущена под суфу. Пол ее вымощен обломками жженого кирпича, стенки ошлакованы. Под печи целый, из прокаленной до кремowego оттенка глины. В нем сделано семь овальных отверстий-жаропроводов диаметром 9—15 см. Топка сложена из жженого кирпича, в ней обнаружен слой золы и угля. Она прямоугольной формы размером 0,7×0,45 м и расположена примерно под углом 45° относительно уровня суфы. В правой стенке топки на расстоянии 0,4 м от устья расширен горизонтальный канал сечением 0,3 м и длиной около 2 м. Видимо, через него воздух поступал в огневую камеру. Устье топки с внешней стороны оформлено рамкой из сырцовых кирпичей.

Из огневой камеры дым выходил через вертикальный дымоход, устроенный в стыке северной и западной стен помещения. В обжиговой камере с южной стороны имелось овальное отверстие диаметром 0,4 м для загрузки посуды в печь (рис. 5).

В противоположном углу помещения в суфу вмазан тандыр, у которого диаметр венчика 0,5 м, высота стенок 0,45 м. Квадратная топка размером 0,2×0,2 м расположена напротив дымохода. Длина дымохода, проложенного в суфе, 1,45 м. К суфе высотой 0,45 м примыкает площадка ташнау размером 1,85×1,3 м. Пол ее вымощен обломками жженого кирпича. Юго-восточный угол помещения занят завромом прямоугольной формы размером 1,2×1,5 м.

Почти в середине южной стены находится проход шириной 0,9 м в помещение 36. Оно в плане прямоугольное, размером 3,5×6 м, вдоль восточной стены помещения устроены три закрома. У южной стены, рядом с выходом на улицу, расположен открытый очаг, сложенный из сырцового кирпича. В западной стене имеется проход в помещении 15 размером 5,1×8,8 м. В его юго-западной части сложены из сырцового кирпича размером 30×20×10 см две гончарные печи. Обжиговые камеры сооружены над подом, устроенным на одном уровне с полом помещения, и несколько опущены вниз.

Одна из печей угловая, сохранилась плохо. Под ее обрушился. Диаметр верхней части обжиговой камеры 0,85 м, расстояние от пола огневой камеры до верха обжиговой 1,6 м. Пол огневой камеры выложен жженым кирпичом, который, как и стенки, покрыт слоем сажи. На стенках обжиговой камеры изнутри имеются потеки серо-зеленого цвета. Топочное отверстие овальной формы (0,35×0,45 м) находится под подом обжиговой камеры в стене печи. Загрузочное отверстие не обнаружено. Вторая печь лучшей сохранности, но с южной стороны она разрушена поздней мусорной ямой: повреждены стенка обжиговой камеры и край пода. Под печи состоит из желто-зеленой, сильно ошлакованной, ноздреватой в изломе массы. В центре пода имеется жаропровод с отверстием в виде квадрата со стороной 0,3 м. Против каждой стороны квадрата расположено еще по одному овальной формы (11×16 см) жаропроводу. Диаметр верха печи 1,35 м, высота от

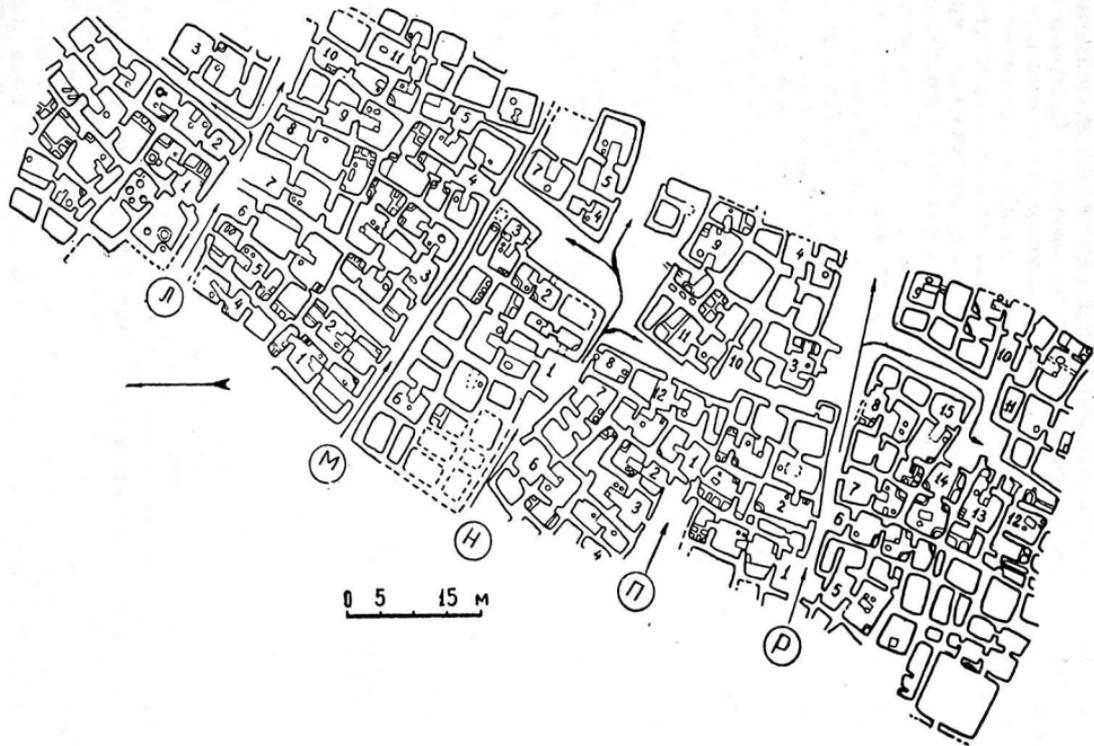

Рис. 2. План раскопа IV (буквами обозначены кварталы, цифрами — дома).

верха до пода 0,5 м. Топочное отверстие округлой формы (0,3×0,33 м) сделано под углом 45° к полу помещения. Почти напротив топки в стенке обжиговой камеры находится загрузочное отверстие диаметром 0,5 м. Площадка перед печами вымощена обломками жженого кирпича.

В северной стене помещения имеется проход шириной 0,9 м в помещение 14. Оно в плане квадратное со сторонами 4,55 м. По функциональному назначению это одно из подсобных помещений дома гончара. В центральной части помещения устроены четыре ямы, а в северо-восточном углу — вымостка из жженого кирпича. С западной стороны оно соединяется дверным проемом с помещением 7.

Помещение 7 в плане квадратное, площадью 20 кв. м. В центре его прослежена утрамбованная площадка. По форме это правильный круг диаметром 2 м. Пол площадки находится на одном уровне с полом помещения. Площадка выделена желобоподобным углублением, ограничивающим площадь круга. Видимо, здесь замешивали глиняное тесто. При расчистке помещений мастерской найдены большой каменный пест, каменный тигель для плавки поливы, шарики поташа, палитра для красок, куски стекломассы.

Дом 2 (помещения 47, 48, 49) также совмещен с мастерской.

Помещение 47 прямоугольное в плане, размером 5,0×4,2 м. В его северо-восточной части находится гончарная печь. Обжиговая камера круглой формы, сложена из сырцового кирпича. Изнутри на ее стенках имеются потеки шлака беловато-зеленоватого цвета. Под устроен на уровне суфы, но он не сохранился, осталась лишь беловатая полоса шириной 5 см в месте соединения пода со стенкой обжиговой камеры. Диаметр пода 0,7 м. Лаз для загрузки печи топливом вынесен далеко вперед и соединен с топкой каналом длиной 0,9 м, идущим под углом 45° к полу печи. Лаз отстоит от печи на расстоянии 0,6 м. Топочное отверстие диаметром 0,4 м сделано параллельно полу. Огневая камера разрушена.

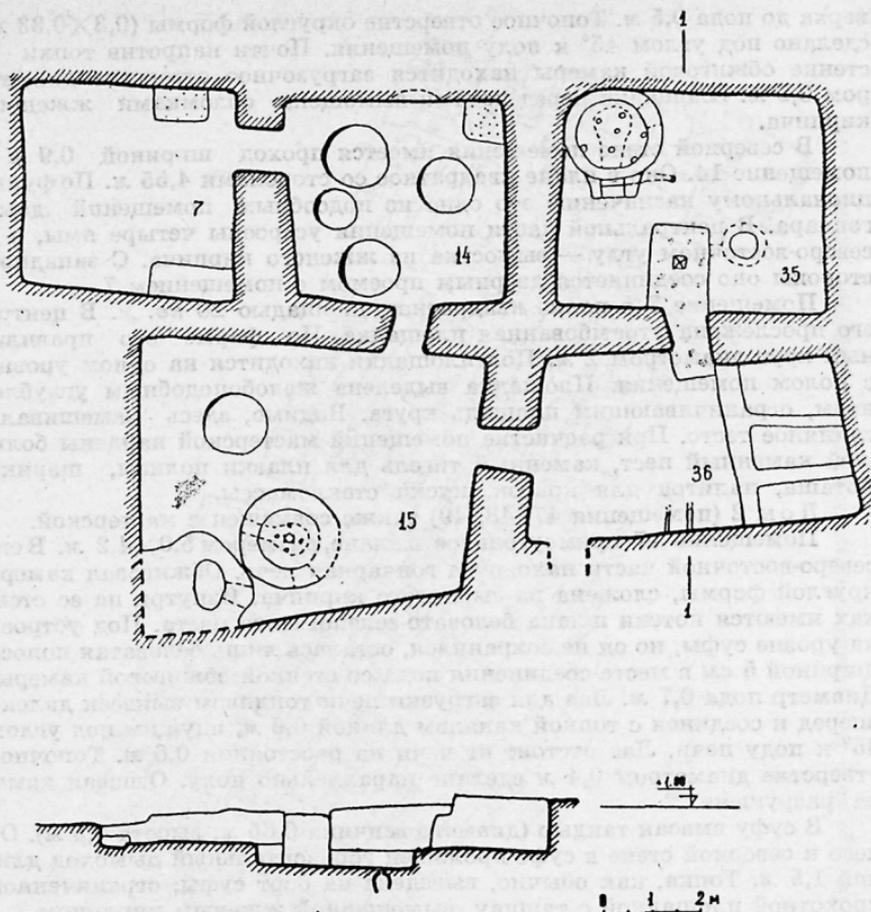
В суфу вмазан тандыр (диаметр венчика 0,65 м, высота 0,5 м). От него к северной стене в суфе проложен горизонтальный дымоход длиной 1,5 м. Топка, как обычно, выведена на борт суфы, ограниченной крохотной площадкой с ташнау, вымощенной жженым кирпичом.

В юго-западном углу помещения находится заком в форме сектора со сторонами 0,5 и 0,4 м. Его пол и стенки изнутри тщательно обмазаны глиной.

Помещение 48 прямоугольной формы размером 5×4,65 м. В его восточной части обнаружен сильно разрушенный тандыр с примыкающей к нему площадкой ташнау. Оно закрыто кирпичом с желобками и сливным отверстием в центре.

Третье помещение дома-мастерской (49) площадью 13,5 кв. м. В нем имелся выход на внутриквартальную улицу.

Дом 3 (помещения 61, 66, 67). Вход в дом со стороны тупичка (?) приводил в помещение 66, почти квадратное в плане, размером 5,25×5,5 м. Северную часть его занимала суфа высотой 0,5 м, пол по-

РАЗРЕЗ 1-1

Рис. 3. План и разрез дома 1 квартала Л.

мещения вымощен обломками жженого кирпича. В центральной части находилось устье ташнау, закрытое квадратным кирпичом с отверстием в центре для стока воды.

Помещение 67 — центральное в доме, размером $4,9 \times 6,2$ м. Рядом с проходом в северной стене устроена площадка ташнау размером $0,7 \times 1,5$ м. В северо-западную часть суфы вмазан тандыр. Из-за разрушенности его размер установить не удалось. Рядом с тандыром в суфу вмазан хум. В северо-восточном углу помещения находится закром (1×1 м). Третье помещение дома (61) служило, по-видимому,

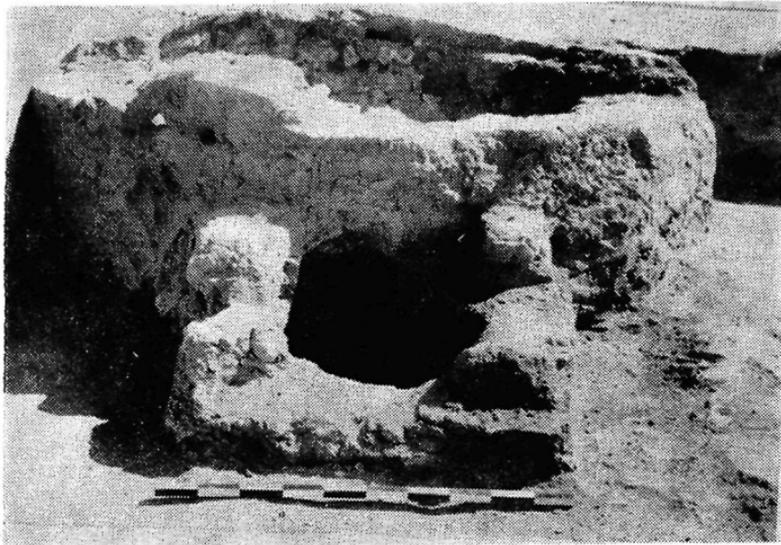

Рис. 4. Гончарная печь в помещении 35 дома 1 квартала Л.

кладовой (размер $6,5 \times 2,5$ м), ее восточная часть перегороджена глинобитной стенкой толщиной около 0,5 м.

Южная половина квартала Л состоит из восьми домовладений.

Дом 4 (помещения 16, 17, 18). С улицы проход ведет в его центральное помещение 16, имеющее тандыр. Пол площадки ташнау земляной, к центру он заметно понижается. Стенки суфы высотой 0,4 м сложены из сырцового кирпича. В южной стене помещения устроен проход шириной 0,6 м в соседнюю комнату 17, достопримечательностью которой является секторальный закром в северо-западном углу. Дверной проем в южной стене этой комнаты соединяет ее с помещением 18 размером $3,85 \times 3,4$ м.

Дом 5 (помещения 23, 24, 25). В нем центральным является жилое помещение 24, прямоугольное в плане, размером $5,05 \times 4,45$ м (рис. 6). В его северо-восточном углу в суфу вмазаны два тандыра. Оба хорошо сохранились. Диаметр венчика меньшего 0,35 м, он обложен по краю сырцовыми кирпичиками ($15 \times 10 \times 4$ см), высота тандыра 0,45 м. Дымоходное отверстие диаметром 0,08 м расположено напротив топочного. Длина горизонтального дымохода 0,66 м. Топочное отверстие снаружи (по борту суфы) облицовано прямоугольной керамической плитой размером $0,41 \times 0,35$ м с высоким утолщенным волнистым краем, образованным защипами. Поле плиты украшено орнаментом из растительных побегов. Тандыр закрывался сверху массивной крышкой диаметром 0,4 м. По ее краю сделаны пальцевые вдавления.

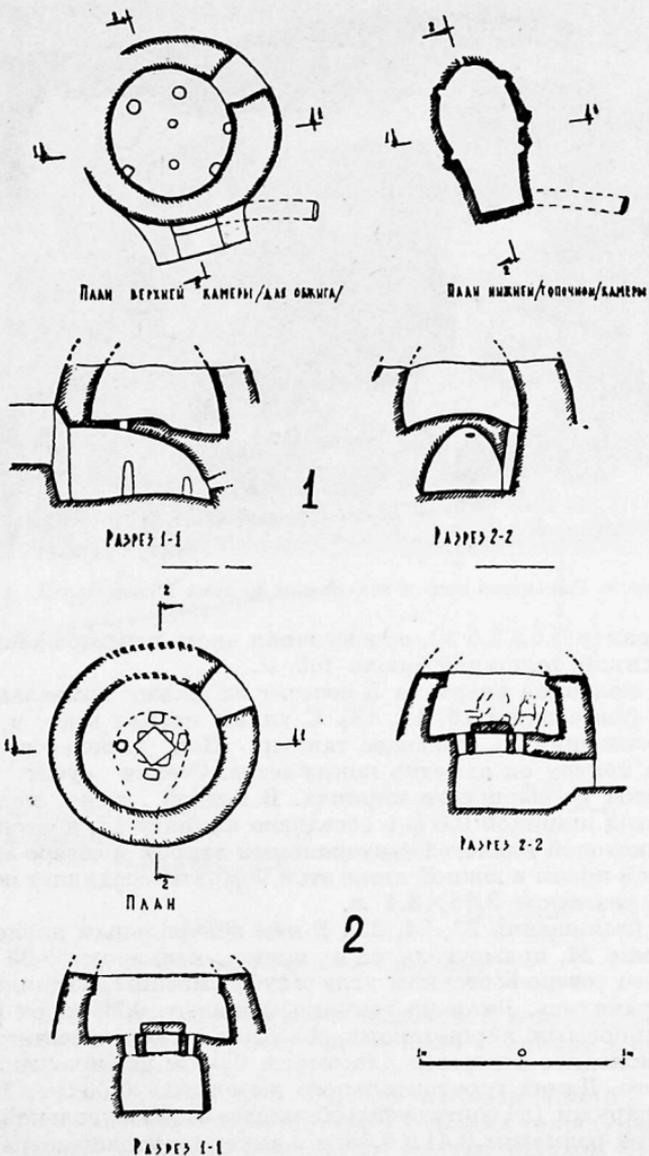

Рис. 5. Планы и разрезы гончарных печей в доме 1 квартала Л (1—в помещении 35; 2—в помещении 15).

Второй тандыр высотой 0,55 м с венчиком диаметром 0,5 м. Дымоходное отверстие диаметром 0,09 м расположено под углом к топке. Длина горизонтального дымохода 0,8 м. Вертикальный дымоход сечением 0,2×0,25 м проложен в северо-восточном углу помещения. К нему подведены горизонтальные дымоходные каналы от тандыров. Снаружи топочное отверстие второго тандыра также украшено керамиче-

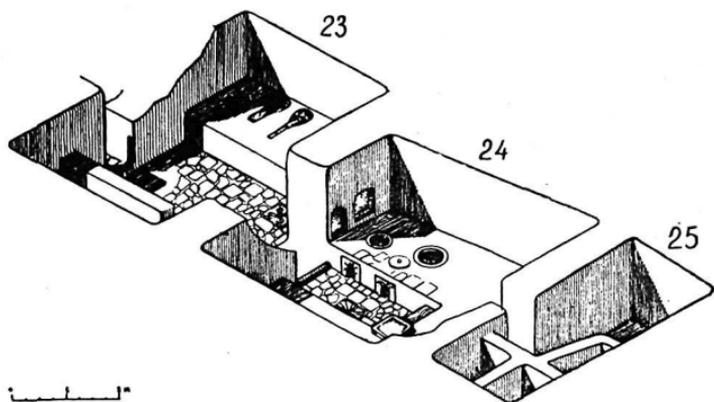

Рис. 6. Дом 5 квартала Л (аксонометрия).

ской плитой прямоугольной формы (0,49×0,39 м) с высокими бортиками. Поле плиты орнаментировано растительными завитками и «жемчужинами». Суфа, в которую вмазаны тандыры, высотой 0,45 м обложена жженым кирпичом и обмазана толстым слоем глины. К тандырам примыкает площадка с ташнау, вымощенная жженым кирпичом (25×25×5 см) и его обломками. Площадка имеет уклон к центру для стока воды. Устье ташнау закрыто керамической плитой специально изготовления размером 35×35 см. Края плиты в виде широкого валика высотой 1,5 см и шириной 2,5 см. В месте пересечения сливных канавок оставлено круглое отверстие диаметром 1,5 см (рис. 7).

В юго-западном углу площадки ташнау сделан глинобитный очаг кубической формы со сторонами 0,45 м. В северной стене рядом с тандырами устроены две ниши. Высота первой 0,5, второй 0,55 м, ширина соответственно 0,43 и 0,6 м, глубина 0,32 и 0,4 м. Основания ниш выложены кусками жженого кирпича, скрепленного раствором из желтой глины. Этой же глиной ниши тщательно обмазаны и внутри.

С северной и южной сторон помещения 24 имеет проход шириной 0,8 и 0,95 м, посредством которого соединяется с соседними комнатами.

Помещение 23 — ближайшее к внутриквартальной улице размером 3,2×5,4 м. Пол его вымощен обломками жженого кирпича. Рядом

с проходом в помещении 24 сооружено ташнау, устье которого находится намного ниже общего уровня пола и закрыто керамической плитой размером $0,33 \times 0,33$ м со сквозным отверстием в центре. Плита отличается от других плит аналогичного назначения узором, обра-

Рис. 7. Интерьер помещения 24 дома 5 квартала Л.

зуемым сливными канавками. Это розетка с овально-вытянутыми лестницами. У восточной стены расположена суфа высотой 0,45 м. В ней устроены два открытых очага грушевидной формы, заглубленных по сравнению с уровнем суфы. Западную часть помещения занимает крохотная кладовка (22).

Помещение 25 ($5,0 \times 2,15$ м) представляет собой амбар для хранения продуктов. В нем имеется три отсека закромов размером $0,5 \times 1,0$; $0,8 \times 0,95$; $0,65 \times 0,95$ м. Высота перегородок закромов 0,5 м. У входа рядом с закромами вымощена жженым кирпичом площадка размером $1,45 \times 1,0$ м. В центре ее проходит устье ташнау, заглубленное по отношению к уровню вымощки.

Дом 6 (помещения 26, 37, 38, 39).

Помещение 39 ($6,9 \times 5,5$ м). Его большую часть занимает суфа с тандыром. Диаметр устья тандыра 0,45 м (рис. 8).

К тандыру примыкает площадка ташнау, пол которой вымощен обломками жженого кирпича. В юго-западном углу помещения расположен погребок с двумя уступами-ступеньками с обеих сторон. Размер устья погребка $0,3 \times 1,0$ м, глубина 0,6 м. С западной стороны помеще-

ние связано проходом с амбаром (26), в котором устроены закрома, под уровень пола впущены хумы.

Проход в северной стене ведет в третью комнату дома (38) размером $6,5 \times 5,5$ м. Восточную часть помещения занимает суфа. Она пло-

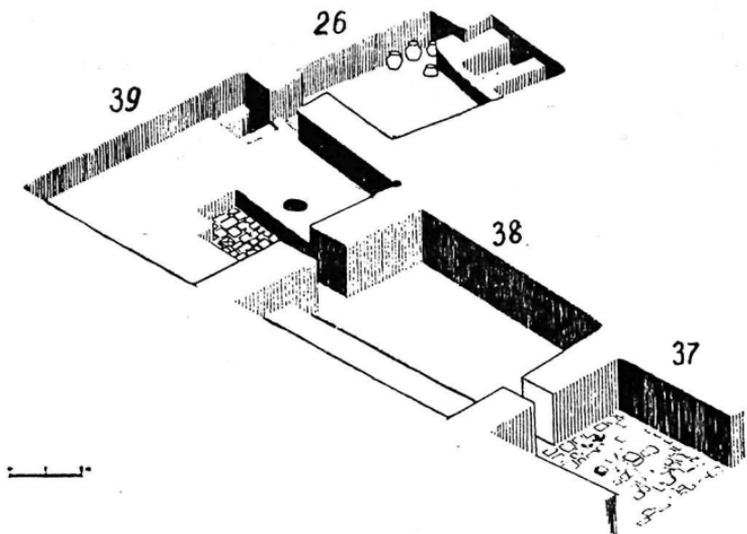

Рис. 8. Дом 6 квартала II (аксонометрия).

хо сохранилась, возможно, на суфе были устроены открытые земляные очаги, как и в помещении 23 соседнего дома 5. На некоторых участках пола обнаружены остатки вымостки из жженого кирпича. Дом 6 открывается в сторону улицы айваном (помещение 37) размером $4,15 \times 3,75$ м.

Дом 7 (помещения 51, 52, 53). В нем центральное помещение 52, квадратное в плане, со стороной $5,5$ м. В северо-западном участке суфы находятся два плохо сохранившихся разновременных тандыра, один немного больше другого. Дверными проемами в северной стене шириной $0,85$ м и в южной — шириной $0,7$ м помещение 52 соединяется с соседними. Проход в южной стене оформлен порогом высотой 10 см из жженого кирпича.

Помещение 53 служило кладовой. Оно длинное и узкое размером $6 \times 2,7$ м. В его юго-восточном углу располагается закроем размером $1 \times 0,65$ м, сохранившаяся высота бортиков $0,3$ м. Пол и стенки закрома изнутри и снаружи хорошо обмазаны желтой глиной. У входа находится площадка с ташна, вымощенная жженым кирпичом.

Третье помещение дома (51) — айван, его северная сторона открыта в сторону улицы.

Дом 8 (60, 61, 62) повторяет планировку предыдущего дома.

Помещение 61 жилое, в плане квадратное, площадью 26 кв. м. В северо-восточном углу в суфе устроен тандыр (диаметр устья 0,6 м). В южной стене имеется дверной проем шириной 0,7 м, ведущий в помещение 62 — кладовую с пятью отсеками закромов. Три расположены в ряд вдоль восточной стены, ширина у всех одинаковая — 0,8 м, длина разная: 0,6, 1,1, 0,95 м. Еще один закром у южной стенки, его размер 1,0×0,5 м. Северо-западный угол кладовой также занят закромом размером 1,2×0,4 м. У входа в помещение на полу сделана кирпичная вымостка, в центре которой устроено сливное отверстие ташнау.

Помещение 60 размером 5,9×4,25 м. Каких-либо деталей интерьера в нем обнаружить не удалось.

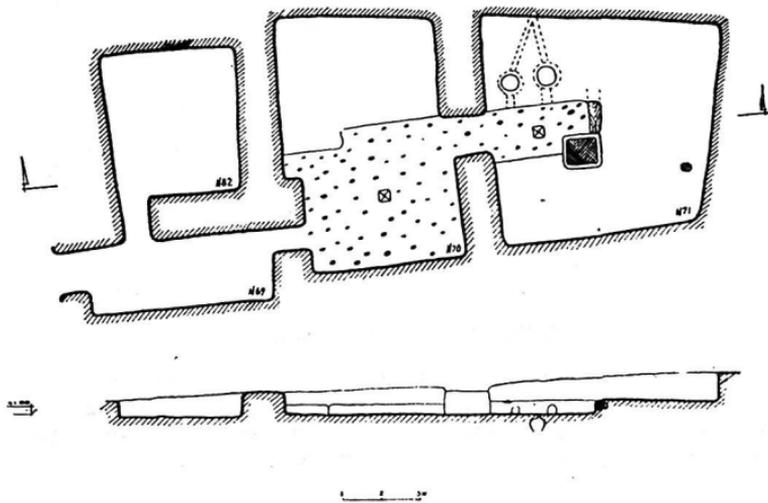

Рис. 9. Дом 9 квартала Л. План и разрез.

Дом 9 насчитывает четыре помещения: 69, 70, 71, 82 (рис. 9). Центральное помещение (71) площадью 30 кв. м расположено в глубине дома. В нем имеется два одновременных тандыра (диаметр устья 0,55 м) и площадка с ташнау, пол ее выложен жженым кирпичом. К устью ташнау площадка несколько понижается.

В дом входит помещение с односторонней суфой (70) размером 4,25×6,7 м. Пол его вымощен крупным жженым кирпичом (30×30×6 см), а также его обломками. Поверхность пола неровная: в двух местах выявлены небольшие понижения для стока воды. Проходом с северной стороны (ширина 1,2 м) помещение соединено с передней комнатой (69) — узкой и длинной (4,6×2,1 м), через которую выхо-

дили на улицу. В северной части дома есть еще одно помещение (82), видима, кладовая.

Дом 10 состоит из помещений 83 и 84. Помещение 84 в плане прямоугольное, размером $4,7 \times 2,9$ м. Площадка с ташнау и тандыр находятся не перед выходом из помещения, как обычно, а внутри него, у противоположной от входа южной стены. Пол площадки глинобитный, серого цвета, к центру слегка понижается. В середине северной стены имеется проход шириной $0,55$ м, ведущий в помещение 83, которое дверным проемом (ширина $0,65$ м) соединяется с улицей. Оно длинное и узкое размером $6 \times 3,5$ м. Это своеобразная кладовая. Справа от входа вдоль стены устроены два закрома шириной $0,7$ м и длиной $1,15$ и $0,8$ м.

Дом 11 (помещения 85, 89, 90, 91, 97, 98) сохранился очень плохо. Планировка его не совсем понятна, так как проходов между некоторыми помещениями найти не удалось. Дом, несомненно, перестраивался вследствие выделения дополнительной комнаты с тандыром. В результате в нем оказались две жилых комнаты (85 и 98) с тандырами.

Помещение 98 в плане неправильный квадрат со стороной $3,5—3,6$ м. Слева от входа в суфе устроен тандыр высотой $0,5$ м с венчиком диаметром $0,55$ м. У тандыра дымоходное отверстие расположено под углом к топке. Длина горизонтального дымохода в суфе $1,25$ м. Топка прямоугольная размером $0,15 \times 0,2$ м, глубина ее $0,35$ м. Перед тандыром имеется площадка ташнау размером $0,75 \times 1,5$ м, вымощенная жженым кирпичом, в центре площадки находится устье ташнау. Проход шириной $0,7$ м в северной стене этого помещения соединяет его с помещением 97 (размер $3,9 \times 2,7$ м), а проход в западной стене — с помещением 90 площадью 24 кв. м. В нем ближе к южной стене обнаружен очаг открытого типа. Помещение проходное, к северу от него расположено помещение 89, к югу — помещение 91, через которое можно попасть во вторую комнату (85) размером $3,9 \times 3,9$ м с тандыром, который устроен справа от входа. В северо-западном углу этой комнаты сделан небольшой секторальный загром.

Квартал М расположен вдоль узкой внутриквартальной улочки (ширина $2—3$ м), отходящей от магистральной улицы под прямым углом. Квартал прямоугольный в плане, вытянутый с запада на восток с небольшим отклонением. Его длина около 60 м, ширина 22 м, площадь около 1500 кв. м. Здесь имеется пять домовладений, они сосредоточены в северной части квартала, по левую сторону внутриквартальной улочки. Напротив через улицу насчитывается только два домовладения, остальные постройки, очевидно, нежилые.

Дом 1 находится в начале улочки. Его помещения (19, 20, 21) расположены анфиладой. Первая, ближайшая к улице, комната (21) прямоугольная в плане, размером $5,8 \times 4,1$ м. По обе стороны вдоль длинных стен устроены суфы, на одной из них сделан земляной очаг. Участок пола между суфами утрамбован. Проход в северной стене ведет в помещение 20, оно центральное в комплексе, размером $4,7 \times$

×5,5 м. В его юго-восточном углу зафиксирован тандыр, вмазанный в суфу. Длина дымохода 1,3 м, топка по отношению к дымоходу расположена под углом. Площадка перед тандыром размером 1,4××2,0 м вымощена кирпичом. В центре находится устье ташнау, перекрытое квадратным кирпичом с отверстием. В северо-восточном углу комнаты обнаружен небольшой погреб.

Третье помещение дома (19) размером 5,2×5,2 м. Первоначально это была кладовая, у ее западной стены устроены два закрома с глинобитными перегородками. Позднее кладовую превратили в жилую комнату: стенки закровов срубили на высоту 0,3 м, из строительного мусора соорудили суфу и слева от входа вмазали тандыр. Площадка ташнау перед ним размером 1,2×1,2 м.

Дом 2 по планировке аналогичен описанному (рис. 11). В нем также отмечено три помещения. Центральное (28), квадратное в плане, размером 4,7×4,6 м. В нем ближе к юго-западному углу имеется вмазанный в суфу тандыр диаметром 0,6 м. Вторая комната (27) служила кладовой, третья (29) — прихожей. В прихожей по обе стороны от входа расположены суфы. На восточной суфе расчищен земляной очаг.

Дом 3. Это крупное домовладение из трех жилых секций с общей прихожей (56) площадью 17 кв. м. Из прихожей два входа ведут в секции. Наиболее обширная из них центральная, состоящая из трех помещений. Летняя комната (55) размером 5,2×4,1 м. У ее восточной стены отмечена суфа шириной 2 м. Край суфы обложен жженым кирпичом. Центральной в этой секции была комната (54) с двумя тандырами. Один из них диаметром 0,8 м, второй — 0,5 м. Дымоходы тандыров выведены в общий колодец, устроенный в восточной стене. Устье меньшего тандыра облицовано керамической плитой с округлым отверстием для топки. Плоскость плиты заполнена барельефными завитками и шашечками. Площадка перед тандырами вымощена обломками жженого кирпича. В южной стене рядом с тандырами сделаны три ниши.

При расчистке помещения выявлены следы пожара: найдены куски обгорелых балок, камышовой кровли, зола, стены обожжены и обуглены.

Кладовая (63) секции площадью 17 кв. м, у ее стен расположены закрома, проходы между ними вымощены жженым кирпичом. К центру пол понижается, здесь устроено ташнау, перекрытое жженым кирпичом.

Следы пожара обнаружены и тут. Стенки закровов обожжены, а в некоторых местах прогорели насквозь. На полу лежали обгорелые балки и камыш — остатки рухнувшего перекрытия.

Из летнего помещения данной секции проход ведет во вторую секцию дома, которая состоит из двух комнат. В жилой комнате (42) имеется тандыр, а в кладовой (41) площадью около 9 кв. м — три закрома.

Третья секция дома соединялась проходом с общей прихожей.

Секция двухкомнатная. Одна комната (65) была с тандыром, другая служила кладовкой (64).

Юго-западный участок дома 3 занимает небольшое помещение 43 с самостоятельным выходом на улицу. Не исключено, что эта лавка.

Дом 4 (помещения 71, 72, 73, 74, 75, 76, 78). Домовладение состоит из двух секций, объединенных общей прихожей (76).

Первая секция однокомнатная (78) размером $5,0 \times 4,3$ м. У западной стены находился тандыр диаметром венчика 0,5 м. Перед тандыром вымощена жженым кирпичом площадка. В северо-восточном углу комнаты обнаружен столик кубической формы с очажком наверху и деревянная балка для опорного столба.

Вторая секция дома насчитывает пять связанных проходами помещений. Центральное (73) размером $4,2 \times 3,8$ м. В северо-восточном углу расположено тандыр. Помещение 75 коридорообразное размером $5,2 \times 3,2$ м. Через него попадали в помещения 72, которое использовалось как кладовая (в ней устроены два закрома), и 71. В последнем вдоль восточной и западной стен сделаны суфы. Центральная часть помещения вымощена жженым кирпичом. На полу обнаружено несколько раздавленных широкогорлых сосудов. Два хума вмазаны в пол до уровня венчиков. Помещение 74 площадью около 15 кв. м, смежное с помещением 71, выполняло функцию кладовой. В ее восточной части выявлено три больших закрома.

Дом 5. В нем три помещения (77, 86, 87). В дом входили с узенькой улочки-тупичка. Прихожая (87) квадратная в плане, двумя дверными проемами соединялась с другими помещениями дома. Помещение 77 центральное, в нем имелся тандыр. К тандыру примыкает площадка ташнау прямоугольной формы размером $1,3 \times 1,9$ м. В помещении прослеживаются следы сильного пожара, стены его обгорели, на суфе найдены куски обгорелого дерева. Помещение 86 размером $4,0 \times 4,2$ м служило кладовой.

В южной половине квартала М было, по-видимому, два домовладения. Одно из них — дом 6 — состоит из двух комнат: прихожей (124) и помещения (117) с тандыром. Выяснить связь с другими расположенными рядом помещениями и улицей не удалось из-за отсутствия проходов. Еще один дом (7) находится в глубине внутриквартальной улицы, у крепостной стены. Планировка его точно не выяснена, определены лишь контуры центрального жилого помещения (69) размером $6,6 \times 4,2$ м с тандыром.

Квартал Н. Его дома группируются вокруг внутриквартальной площади и по обеим сторонам четырех улиц, выходящих на площадь с разных сторон. Первая улица, подходящая к площади с западной стороны, соединяет площадь и квартал с магистральной дорогой, вторая и третья вливаются в площадь с северной и южной сторон, а четвертая — с восточной стороны. Последняя заканчивается тупиком у крепостной стены. Размер квартала около 2000 кв. м.

В северной части квартала обнаружено пять домов, они сохранились удовлетворительно.

Дом 1 (рис. 10) имеет две самостоятельные жилые секции, объединенные айваном (136), открытым с южной стороны на внутриквартальную улицу. Одна из секций состоит из двух комнат: кладовой (143) и жилого помещения (142) с тандыром в юго-восточном углу, другая — из трех (134, 135, 141). Это летнее помещение (135) с двусторонними суфами у торцовых стен, кладовая (141) с парными закромами у южной стены и жилое помещение (134) размером $5,85 \times 4,30$ м с тандыром. В северо-восточном углу помещения имеется крохотный заком.

Дом 2. В нем три помещения (155, 156, 157). Дверной проем дома предположительно открывался в сторону площади. В помещении 157 проход не выявлен, но конструктивно включение его в дом оправданно.

Жилое помещение 155 ($3,6 \times 2,9$ м) расположено в глубине комплекса, большую часть его занимает Г-образная суфа с вмазанным в юго-западном углу тандыром. Оно сильно разрушено поздними ямами. В помещении 156 ($3,65 \times 3,7$ м) в северо-западном углу устроен маленький заком.

В доме 3 имеется два помещения. Одно (154) размером $4,55 \times 3,75$ м с парными тандырами в северо-восточной части суфы. Она занимает почти все помещение, за исключением небольшого участка перед проходом в переднее

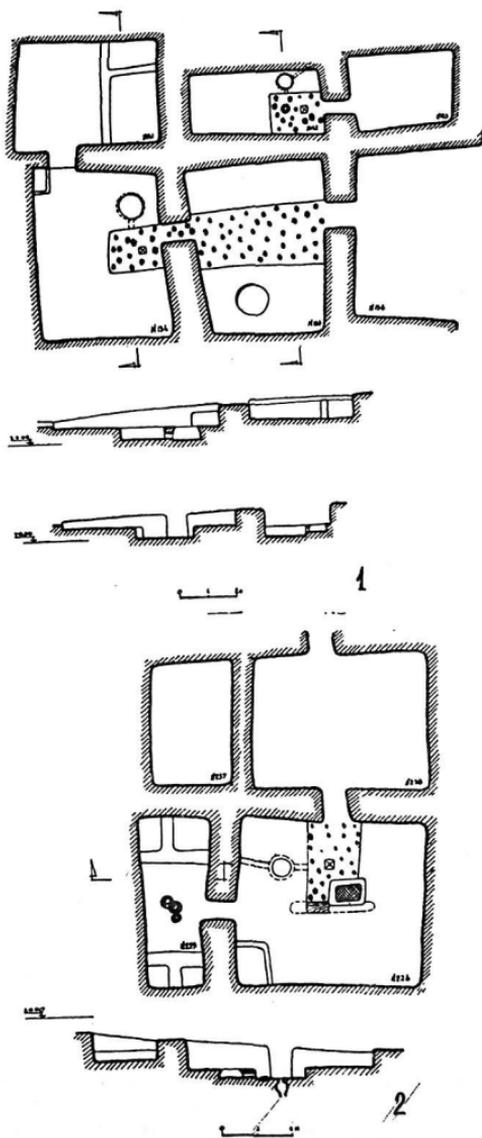
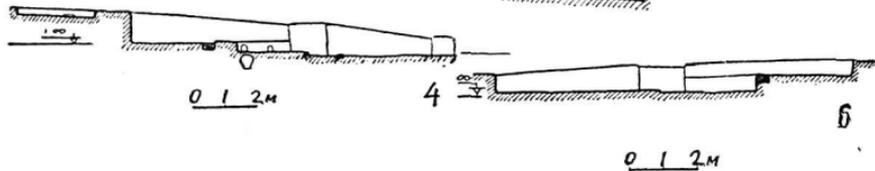
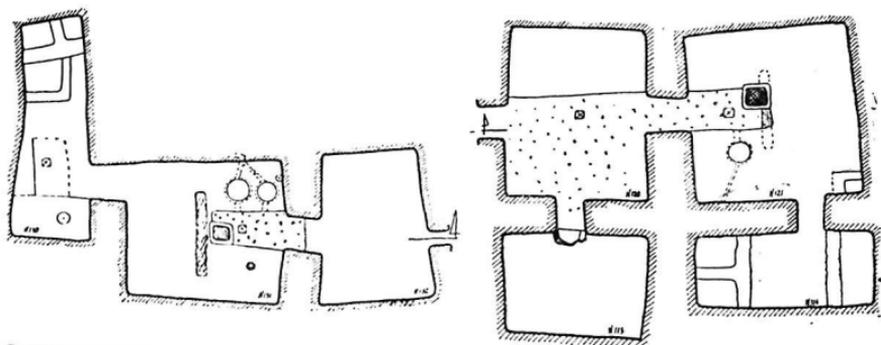
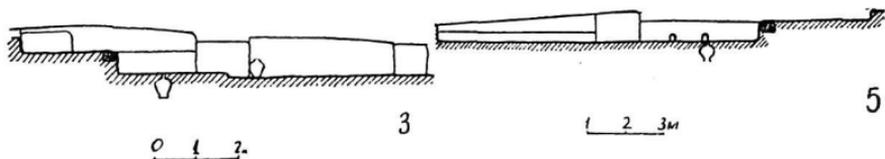
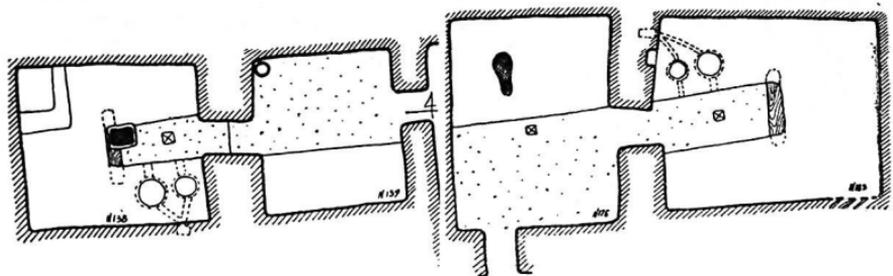

Рис. 10. Планы и разрезы домов: 1 — дом ла П; 5 — дом 5 квартала Н;

1 квартала Н; 2 — дом 13 квартала Н; 3 — дом 2 квартала II; 4 — дом 3 кварта-
6 — дом 6 квартала Н.

помещение 163 (3,8×3,3 м). В углах этих помещений имеются небольшие закрома. Помещение амбарного типа 153 (7,9×1,4 м) примыкает к дому с северной стороны. В нем зафиксировано два закрома в восточной части и три — в западной. Помещение разрушено поздними ямами. Выход из дома на внутриквартальную площадь предположительно был через помещение 163.

В северо-восточной части квартала отмечено два дома.

Дом 4 двухкомнатный (170, 171). Одна — небольшое жилое помещение (3,55×2,7 м) с тандыром и другая — кладовая (2,8×2 м).

Дом 5 также двухкомнатный (176, 183), но значительно больше по площади (рис. 10). Жилое помещение (183) с парными тандырами, расположенными в северо-западном углу, дымоходы, сделанные в суфе, подведены к вертикальному колодцу в западной стене. Помещение 176 (5,7×4,2 м) летнего типа, для него характерна односторонняя суфа у северной стены с очагом открытого типа грушевидной формы. Перед суфой в полу, выложенном жженым кирпичом, устроено ташнау.

Южная часть квартала Н.

Дом 6 (рис. 10) состоит из четырех комнат: летнего помещения 120 (4×5,1 м) с суфой у восточной стены и вымощенным участком пола, жилого помещения 121 (4,9×5,1 м) традиционной планировки с тандыром в северо-западном участке суфы, амбара 114 (5,15×2,35 м) с закромами у северной и южной стен и помещения 113 (4,1×3 м), смежного с летней комнатой, по-видимому, кладовой. В помещении 121 сохранились остатки деревянных конструкций: опорная база центрального столба в виде плахи длиной 2,3 м, толщиной 0,25 м и шириной 0,3 м и опорный столб перекрытий длиной более 2 м и диаметром 20 см. С одного конца он заострен, на другом имелся паз. У южной стены лежала подбалка опорного столба в виде плахи трапециевидной формы с пазом в середине. По всему помещению разбросаны многочисленные обломки тонких поперечных жердей, остатки камыша, скрученного в жгут.

Дом 7 — помещения 129 (5,6×2,65 м), 137 (5,25×3 м) и 144 (5,3×5 м). Жилая комната (144) с двумя, видимо, разновременными тандырами. Суфа с трех сторон ограничивает небольшую П-образную площадку с ташнау, выложенную жженым кирпичом. В этом помещении базой центрального опорного столба служила не деревянная плаха, а крупный камень размером 1,25×0,7 м и толщиной 26 см. Ровный край его выведен на борт суфы. Судя по глубокому рельефному изображению типа меандра и стилизованной арабской надписи (?), часть которой отбита, камень использован в помещении вторично. Сверху в нем имеется узкое (4 см) и глубокое отверстие. Помещения 137 и 129, видимо, кладовые.

Дом 8 однокомнатный (149) размером 4,85×3 м. У южной стены расположен тандыр, перед топочным отверстием которого устроена маленькая кладовка с ташнау.

В юго-восточной части квартала находится крупный дом 9. Он спланирован линейно и состоит из четырех помещений (165, 172, 181,

185). Первое включено в дом условно, так как проходов в него не обнаружено. Оно размером $5,15 \times 4,6$ м амбарного типа, с парными закромами у южной стены. Аналогичного назначения и помещение 172 ($5,3 \times 4,4$ м), в котором у западной стены устроены три закрома. По-видимому, еще один загром, судя по отпечаткам перегородки на полу, был приставлен к передней перегородке пристенных закровов. Помещение 181 ($6 \times 5,5$ м) первоначально было единственным жилым помещением в секции. В его северо-западном углу находился тандыр, а в северо-восточном — погреб традиционного устройства: в заглубленной по сравнению с уровнем суфы прямоугольной площадке имеется узкое впускное отверстие погреба. Второе жилое помещение 185 ($6,35 \times 3,15$ м) появилось, видимо, позднее, в связи с выделением еще одной семьи в доме. Подсобное помещение стало жилым благодаря сооружению тандыра и суфы, занимающей почти всю комнату. К южной стенке приставлены парные закрома. По обеим сторонам улицы, которая с южной стороны выходит на площадь, расположено еще несколько домовладений.

Дом 10 с помещениями 259 ($3,35 \times 3$ м) и 273 ($4,35 \times 1,8$ м), судя по отсутствию каких-либо признаков отопления, не жилой. Другой дом (11) жилой, с традиционным комплектом помещений: комнатой 174 ($4,7 \times 3$ м) с суфой и печью-тандыром слева от входа, летним помещением 167 ($4 \times 3,4$ м) с суфой в северной половине, кладовой 166 ($5,3 \times 3,25$ м), которая занята четырьмя закромами. В юго-западном углу помещения жженым кирпичом вымощен участок пола с ташнау.

На южной стороне внутриквартальной улочки имеется два дома.

Дом 12 (помещения 145, 146, 150, 151, 152), по-видимому, перестраивался, так как в нем два жилых помещения: 146 ($4,4 \times 4$ м) и 151 ($4,15 \times 3,85$ м). Какое из них более раннее, установить не удалось. Тандыр в помещении 146 вмазан в двухстороннюю суфу, сооруженную в северной части комнаты, в юго-восточном углу находится погреб. Помещение связано проходами с кладовой 145 ($3,15 \times 2,85$ м) и прихожей 150 ($6,7 \times 3,5$ м). Через последнюю попадали в жилую комнату 151 ($4,15 \times 3,85$ м) с тандыром и очажной тумбой. В южной стене сделан проход в подсобное помещение 152 ($5 \times 2,55$ м), примечательностью которого является ташнау у западной стены комнаты.

Дом 13 — помещения 225, 226, 237, 238 (рис. 10). Обширная передняя комната 238 ($4,85 \times 3,85$ м) проходом в середине западной стены связана с жилой комнатой 226 ($5,25 \times 4,6$ м). В ней справа от входа в суфу П-образной формы вмазан тандыр. Напротив входа у борта суфы находится очажная тумба и деревянная плаха центрального опорного столба. Перед топочным отверстием тандыра устроено ташнау в полу, выложенном жженым кирпичом. С северной стороны помещения имеется проход в амбар 225 ($5 \times 1,75$ м), парные закрома в нем приставлены к восточной и западной стенкам. Еще одно помещение 237 ($3,5 \times 2,25$ м), по-видимому, кладовая, проход в нее обнаружить не удалось.

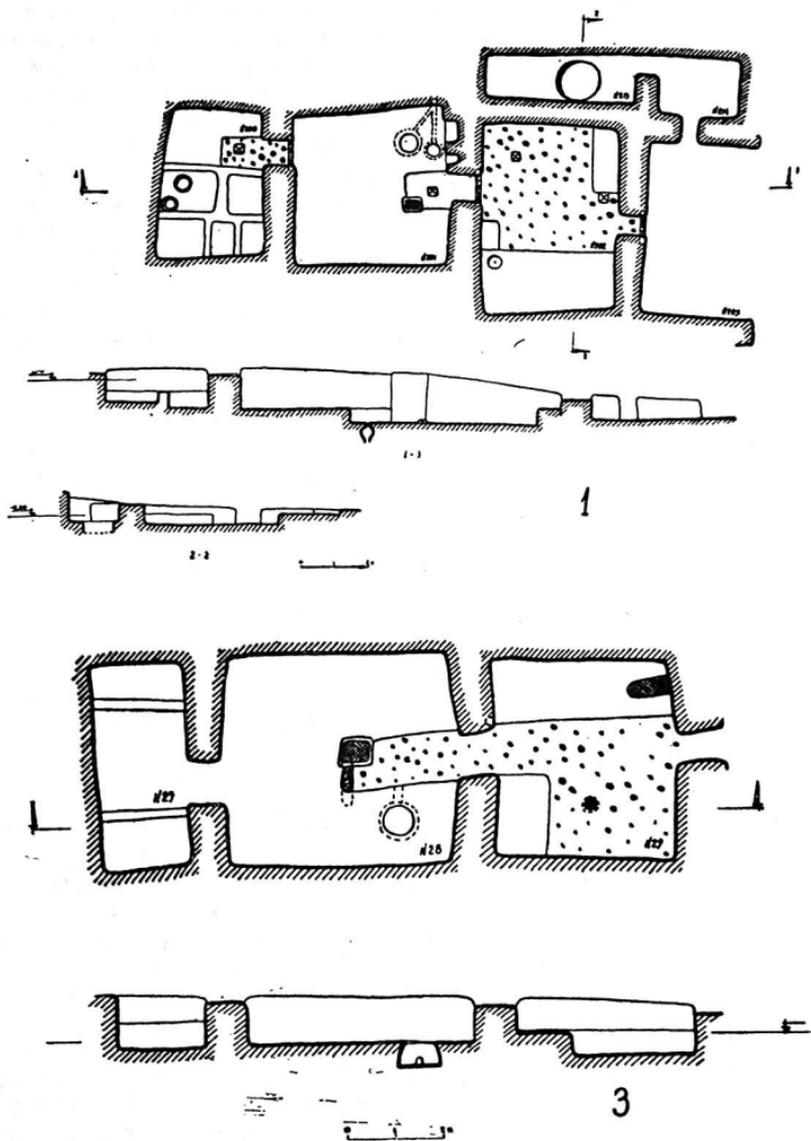
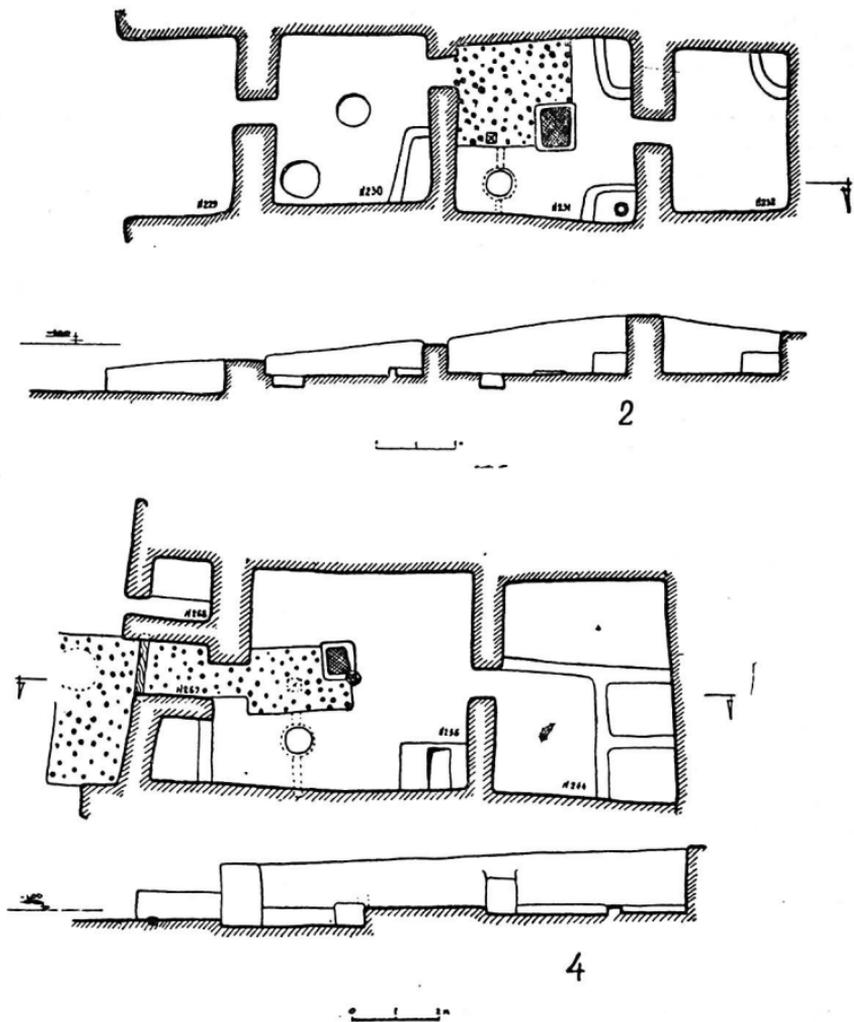

Рис. 11. Планы и разрезы домов: 1 — дом 1 квартала Р; 2 — дом 6 квар

гала Р; 3 — дом 2 квартала М; 4 — дом 13 квартала Р.

Квартал II состоит из четырех домовладений, расположенных по обеим сторонам крохотного тупика, с западной стороны открытого на магистральную улицу. Протяженность тупика около 17 м, ширина 5 м, площадь квартала немногим больше 400 кв. м.

Дом 1 с помещениями 147, 148, 211, 212 линейной планировки очерчивает восточную границу квартала. Центральное жилое помещение 211 (5,4×4,6 м) с тандыром в северо-восточном углу и секцией из четырех закровов у западной стенки. С южной стороны в нем имеется проход в кладовую 212 (5×1,65 м), а с северной — в легкое помещение 148 (4,8×3,2 м) с суфой у восточной стены и помещение 147 (4,7×2,35 м), большую часть которого занимает суфа с пониженным участком пола ташнау в центре и секторальным закровом в северо-западном углу. По-видимому, данное помещение — амбар.

Дом 2 (рис. 10) состоит из помещений 138 (4,1×3,9 м) и 139 (3,75×3,25 м). Последнее, очевидно, летнее, с традиционной суфой у западной стены и полом, вымощенным жженым кирпичом. В его северо-восточном углу на вымостке устроен очаг открытого типа, стенки которого обложены фрагментами хума. Помещение 138 отапливалось парными тандырами, расположенными в юго-западном углу помещения, к ближайшему углу подведены самостоятельные дымоходы тандыров. Перед тандырами имеется площадка с ташнау, очажный столик и деревянная плаха, вмазанная в суфу. В северо-восточном углу помещения устроен закров прямоугольной формы.

Дом 3 (помещения 130, 131 132) Г-образной планировки (рис. 10). Через переднюю комнату 132 (5×3,35 м) попадали в центральное жилое помещение 131 (5×4,6 м). Как и в предыдущем комплексе, помещение 131 с парными, но разновременными тандырами у восточной стены, остальные детали интерьера совпадают. Проход в северной стене ведет в помещение 130 (7,15×2,1 м) амбарного типа. В нем у западной стены сооружена суфа и перед ней вымощен участок с ташнау, у восточной стены сделано три закрома.

Дом 4 попал в раскоп частично, полностью выявлена планировка лишь помещений 122 (5,4×2,5 м) и 123 (3,9×5,4 м). Вероятно, дом насчитывал четыре комнаты. Помещение 122 с суфой, в которую у восточной стены вмазан тандыр. Суфа Г-образная, что обусловлено размером помещения, вытянутого с севера на юг. Остальные комнаты подсобного характера. В помещении 123 на полу найден жернов диаметром около 1 м.

Квартал Р находится в западной части раскопа IV. Это крупный жилой массив, плотная застройка которого разрежена двумя внутриквартальными улицами. Одна из них начинается от магистральной дороги и заканчивается у крепостной стены, расширяясь в глубине квартала до размера площади. С южной стороны на площадь выходит другая внутриквартальная улица Г-образной планировки. Ее южный отрезок заканчивается тупиком. Площадь квартала 2600 кв. м, на его территории находится 15 домовладений. Дадим характеристику домов, начиная с магистральной улицы.

Планировка дома 1 (рис. 11) несколько необычная. Четыре расположенные по оси комнаты — 214 (5,35×3,2 м), 202 (5,75×4 м), 201 (4,75×4,5 м), 200 (4,55×2,9 м) — дополняют с восточной стороны еще два помещения — 213 (4,35×1,4 м) и 214 (2,3×1,8 м). Функциональное назначение помещений выяснено точно. Часть фасада дома занимает айван (214), который связан боковым проходом с кладовой (213) и проходом в задней стенке с летним помещением (202). В западной половине его сооружены две разновысокие суфы, в юго-восточном углу — одна. Пол легкого помещения тщательно выложен жженым кирпичом, одно ташнау устроено у прохода в айван, другое — в северо-восточном углу. Из помещения 202 проход ведет в центральную жилую комнату 201. В проходе сохранились остатки деревянного порога и глинобитные выступы для дверной рамы. Помещение 201 — традиционный тип жилой комнаты с двумя тандырами, обширной суфой, очажной тумбой и ташнау перед тандырами. В стене рядом с проходом сделаны две ниши. В глубине дома находится амбар (200). Западную половину его занимают пять отсеков закровов, остальную — суфа с мощеным участком пола и ташнау перед проходом.

В доме 2 выявлены три помещения и крохотная лавочка (?) у восточной стены на внешней стороне дома, не связанная с ним проходом. В доме имеется два помещения с печью-тандыром — 227 (8,3×3,7 м) и 228 (6,75×4,1 м). Вначале жилой комнатой было помещение 227 с тандыром в северо-восточном участке суфы и нишей в восточной стене. В его северо-западном углу устроен загром, а в юго-восточном — погреб, который плохо сохранился. Второй тандыр сооружен позднее в помещении 228.

Дом 3 — помещения 261 (4,25×4 м), 260 (2,65×2,6 м), 274 (4×3,75 м) и 275 (3,7×1,5 м). По-видимому, перед домом были айван и лавка. Центральное жилое помещение 261 с тандыром в юго-восточном углу, перед ним вымощен участок пола с ташнау. В восточной стене сделан проход в помещение 275 типа амбара, у южной и северной стен его имелись закрома.

Дом 4 состоит из четырех помещений: жилой комнаты (291) размером 5,7×3,3 м с печью-тандыром в юго-западном участке суфы и подсобных трех (284, 285, 286).

Дом 5 — многокамерный, для него характерно двухрядное осевое расположение комнат. Часть фасадной стены дома занимает айван 203 (4×2,2 м), открытый на внутриквартальную улицу. Из айвана проход ведет в переднюю комнату 204 (5×3 м), из которой можно попасть в центральное жилое помещение 205 (5,85×5 м). В нем имеются парные тандыры в восточной части суфы с единым внутрстенным дымоходом. В юго-западном углу находится загром, в центральной части помещения — очажный столик и массивная деревянная база опорного столба. Из помещения 205 проход, расположенный в юго-восточном углу, ведет в восточную половину дома, где зафиксировано четыре небольших подсобных помещения (216, 217, 218, 219), назначение которых трудно определить. Обильные

остатки плотно слежавшегося гумуса обнаружены на полу в помещениях 216 и 217.

Дом 6 — четко спланированная секция из четырех помещений (рис. 11). Все комнаты расположены анфиладой, их функциональное назначение выяснено. Помещение 229 — айван ($4,6 \times 2,7$ м) во всю ширину фасадной стены, 230 — прихожая ($4,35 \times 3,6$ м) с закомом в юго-западном углу, 231 — центральное жилое помещение ($4,4 \times 4,5$ м) с двусторонней суфой и печью в северо-западном углу, закромами в углах у противоположной стены, 232 — амбар ($4,1 \times 2,9$ м) с закромами у восточной стены. Дом хорошо сохранился, стены высотой до 1,6—1,7 м, первоначальная высота перегородок закомов 1,1 м.

Дом 7 двухкомнатный, вытянутый в глубину квартала. Центральное жилое помещение 242 ($4,2 \times 4,5$ м) с двумя одновременными тандырами. Первоначальный тандыр находился в северо-восточном углу и сохранился очень плохо, как и площадка ташнау перед ним. Тандыр забит костями и обломками керамики. Новый тандыр устроен в юго-западном углу помещения. Проходом в центральной части северной стены помещение соединено с прихожей или айваном 241 ($4,8 \times 4,3$ м), у которого неполная передняя стенка.

Дом 8 состоит из помещений 263 ($4,2 \times 2,7$ м), 264 ($4,35 \times 4$ м), 278 ($3,25 \times 2,3$ м), 279 ($3,8 \times 2,9$ м). По-видимому, к дому относятся и помещения 252 ($4,25 \times 3,25$ м) и 253 ($4,1 \times 2,1$ м). Для планировки дома характерно двухрядное осевое расположение комнат. Функциональное назначение комнат выяснить трудно, так как отсутствуют какие-либо характерные детали, указывающие на это. Удалось определить лишь жилую комнату 264 с одновременными тандырами в юго-западном углу, один из них находится ближе к западной стене помещения — он более поздний. С его устройством изменились и контуры суфы, часть которой в северо-западном углу убрана. Помещение 263 — прихожая с парными закромами у западной стены.

Дом 9 насчитывает четыре помещения: 292 ($3,6 \times 3,6$ м), 293 ($3,85 \times 4$ м), 300 ($3,85 \times 4,5$ м), 301 ($4,2 \times 3,6$ м). Центральное жилое помещение 300 с тандыром у восточной стены в суфе, которая занимает большую часть комнаты. В ней имеется пониженный участок с ташнау перед проходом в помещении 301. Помещения 292 и 293 условно включены в дом, так как проходы в них не найдены, но, судя по конструкции, это могут быть подсобные помещения. Не обнаружен также проход, связывающий дом с улицей.

Юго-восточную часть квартала Р занимает крупное домовладение 10, состоящее из двух секций. С улицей они сообщались проходами, выходящими на айван (295). Одна из секций четырехкомнатная (294, 302, 303, 304). В ней центральное жилое помещение 303 размером $4,35 \times 3,5$ м с печью-тандыром в юго-восточном углу и с секторальным закомом в северо-западном углу. В помещении есть традиционный очажный столик и деревянная плаха — база центрального опорного столба, которая вмазана в суфу у северного борта. Помещения 294 и 302, по-видимому, кладовая и амбар. Помещение

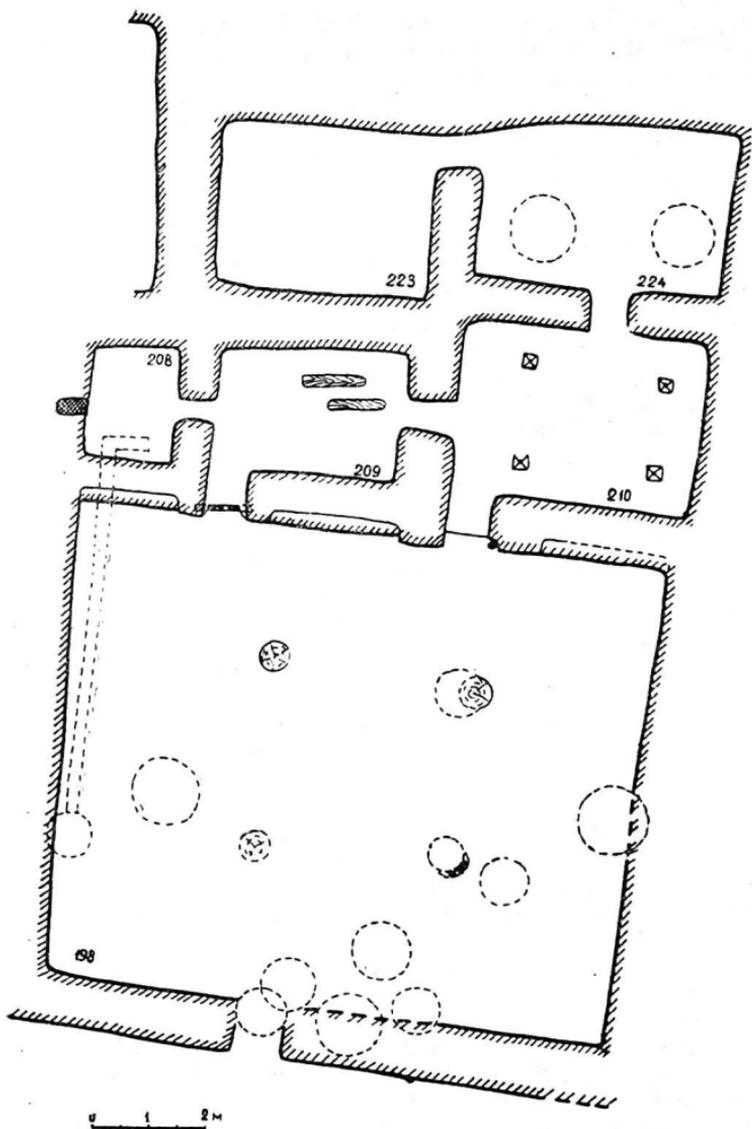

Рис. 12. План мечети.

304 (4,3×1 м), судя по односторонней суфе у южной стены, летнее. Пол вымощен кирпичом, в северо-западном углу он понижен для стока воды.

Вторая секция дома также имеет четыре помещения. Жилая комната 297 (6,6×5 м) расположена в глубине комплекса. В ней зафиксирован тандыр в восточном участке суфы, перед ним выложена кирпичная вымостка с ташнау, очажная тумба. Тандыр перестраивался, в начале он сооружался на 30 см южнее, переделывался и канал горизонтального дымохода в суфе. С восточной стороны помещение связано с амбаром 297 А (5,3×2 м). У торцовых стен его — закрома, в полу между ними устроено ташнау. Под полом из жженого кирпича, у передней стенки северного закрома обнаружен «клад» из бараньих астрагалов (91 шт.). Помещение 296 (5×2,35 м) и 305 (4×2,5 м) подсобного назначения.

Дом 11 с шестью помещениями, вытянутыми в два ряда, сохранился очень плохо. В центральном помещении 289 (5,6×3,85 м) обнаружен лишь тандыр, интерьер помещения не выяснен. Большую часть помещения 290 (5,5×? м) занимает двухсторонняя суфа, а юго-западный угол — ташнау. Помещение 281, по-видимому, угловой айван, западная (боковая) стенка которого не сохранилась.

Дом 12 многокомнатный с довольно сложной планировкой, в которой, однако, выдерживается осевое расположение комнат. Характерная особенность дома — два помещения с тандырами: 257 и 271 А. Основное помещение 257 (5,8×3,7 м), в нем участок с ташнау расположен в центре и заглублен по сравнению с суфой. В юго-восточном углу помещения устроено два земляных очага, у северной стены на суфе стояли два хума. В помещении 271 А (5,65×1,4 м) у западной стенки имеется два закрома, тандыр сильно разрушен. Анфилада комнат дома завершается помещением амбарного типа 248 (5,7×2,25 м), с парными закромами у южной и западной стен и смежными помещениями 245 (2,25×1,5 м) и 246 (3,65×1,4 м). В помещении 246 у восточной стены выявлен необычный заком в виде «пенала» длиной 4 м и шириной 0,4 м. Он тщательно оштукатурен.

Дом 12 сохранился плохо, особенно его восточная часть. До раскопок этот участок «демаскировался» растительностью и воспринимался как «улица», ложбина которой с южной стороны уходила за пределы раскопа, а с северной шла по участку, занятому домами 7 и 14 (см. далее). Как выяснилось, в последний период жизни города эти дома использовались под выброс мусора (судя по характеру их заполнения) из жилых построек второй половины XVII—XVIII вв., расположенных западнее заброшенного участка.

Выявлена осевая планировка дома 13 (рис. 11), который включает помещения 244 (2,7×2,25 м), 256 (5,75×5,1 м), 267 (1,4×1,25 м), 268 (1,35×1,45 м). Участок улицы перед домом выложен жженым кирпичом, вымостка продолжается и в небольшой прихожей (267), с южной стороны которой имеется крохотная лавочка (268) с суфой у южной стены. В центральном жилом помещении (256)

большую часть занимает суфа, у его северной стены помещен тандыр, в центре расположены ташнау и очажная тумба. От опорного столба перекрытий в западном борте суфы сохранился округлый паз. В северо-западном углу помещения устроен погреб. В глубине комплекса находится помещение 244 типа амбара с закромами у южной и западной стен.

В доме 14 помещение 243 ($5,75 \times 4,9$ м) с тандыром. В нем участок пола с ташнау. Три угла комнаты заняты закромами. Среднее помещение комплекса 255 ($5,5 \times 4$ м) — амбар. На улицу дом открывался айваном 266 ($4,85 \times 2,8$ м) на ширину фасадной стены дома.

Рис. 13. Участок зала мечети с водостоком.

Дом 15. Анфилада из трех помещений, вытянутых с востока на запад, — 254 ($3,7 \times 2,9$ м), 265 ($5 \times 4,3$ м) и 280 ($4,85 \times 3,6$ м). Состав помещений дома традиционный: в центре комплекса жилое помещение (265) с тандыром, в глубине — амбар (254) с пятью закромами в южной половине, на восточной стороне — прихожая (280), через которую выходили на улицу.

Юго-западный участок раскопа IV занимает большое здание площадью 200 кв. м, состоящее из шести помещений. Сохранность здания плохая вследствие того, что участок перепланировался под помещения верхнего строительного горизонта. Жженный кирпич почти весь выбран, стена и полы нарушены поздними ямами. С западной стороны к комплексу вплотную примыкает огромная грабитель-

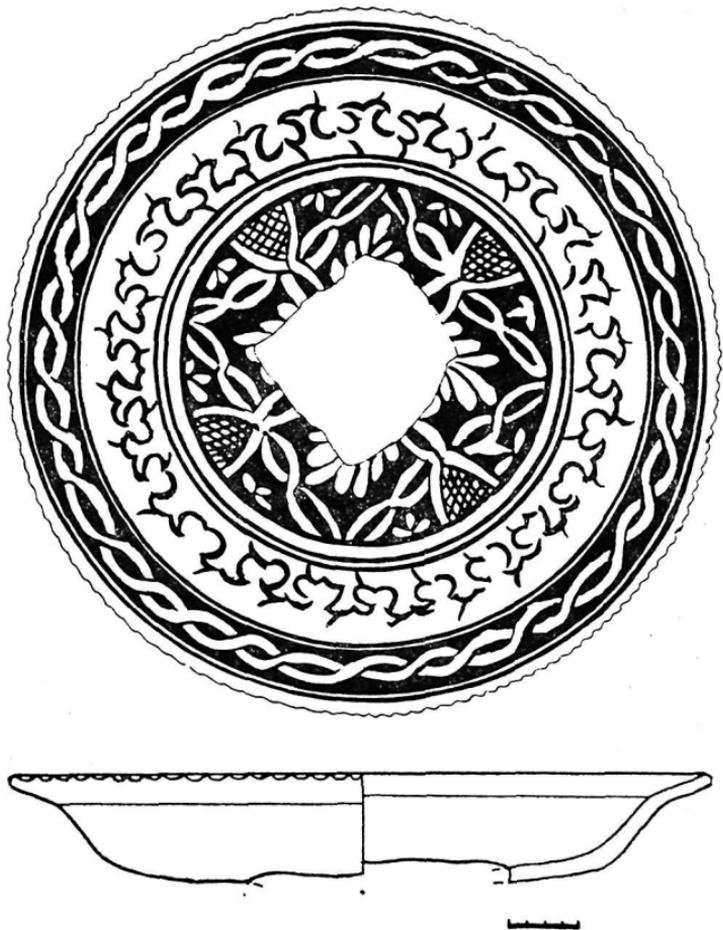

Рис. 14. Керамика верхнего слоя Отрара.

ская воронка, траншея аналогичного происхождения проходит по южной окраине комплекса. Несмотря на это, планировка здания восстановлена полностью (рис. 12). Определено два периода жизни здания, которые можно различить по уровням полов и некоторым изменениям в планировке.

Первоначально комплекс состоял из огромного зала (10,1×8,5 м) и примыкающей к нему с восточной стороны двухрядной анфилады из трех и двух помещений, расположенных поперечно. В здание

входили через дверной проем в центральной части западной стены зала (198). Противоположная восточная стена оформлена неглубокими нишами на высоте 0,9 м от пола. Сохранившиеся участки стен прекрасно оштукатурены в несколько приемов, пол также неоднократно обмазывался и плотно утрамбовывался. Перекрытия покоились на четырех колоннах, симметрично установленных в центральной части зала.

Дверной проем в восточной стене (ближе к юго-восточному углу) шириной 0,78 м приводил в помещение 210 размером 4,25×3 м. Пол его выложен жженым кирпичом, в углах устроены ташнау. В качестве водосливных колодцев использованы сосуды специального изготовления в виде цилиндра диаметром 20 см, высотой 1,3 м с сильно раздутым туловом (0,46 м). Венчик горловины отогнут наружу диаметром 40 см.

Помещение 210 проходное: с северной стороны в нем есть проход в смежные помещения 208 и 209, а с восточной — в помещения 223 и 224.

Помещения 209 размером 3,3×2,25 м, его пол выложен сырцовым кирпичом, у восточной стены на полу лежали деревянные плахи длиной 1,1 м, по-видимому, остатки перекрытий. Помещение 208 размером 2×1,55 м. В его северной стене устроен очаг каминного типа шириной 28 см и глубиной 45 см. Стенки очага сильно обгорели (на 15—18 см), топка очага находится на высоте 0,4 м от пола, она забита белой золой и несгоревшими остатками хвороста. В помещении под полом проложен водосток. Он начинается в 0,45 м от южной стены, идет вдоль западной, затем под прямым углом поворачивает на запад, проходит под стеной и далее тянется (6,75 м) вдоль северной стены зала. Где кончается водосток, обнаружить не удалось, он нарушен поздней ямой. Сам канал сложен из жженого кирпича (рис. 13).

С восточной стороны помещение 210 связано проходом со смежными помещениями 223 и 224. Полы помещений вымощены жженым кирпичом, который почти весь выбран.

На уровне верхнего пола прорублен новый проход в восточной стене зала (ближе к северо-восточному углу) в помещении 209, возобновлен водосток, в остальных помещениях подняты полы.

Здание явно не жилое, скорее всего это остатки мечети. Фасадом оно открывается на площадь, на которую с юго-западной, северной и западной сторон выходят три улицы. Последняя улица ведет на главную дорогу города, связывающую городские ворота. Здание выстроено из высококачественного сырцового кирпича, оно неоднократно штукатурилось. Судя по найденным фрагментам, в отделке здания применялся фигурный резной кирпич, полы его вымощены жженым кирпичом. Местонахождение михраба установить не удалось. По-видимому, он находился в южной стене помещения 198³,

³ Если строго придерживаться ориентации здания, то это юго-западная стена.

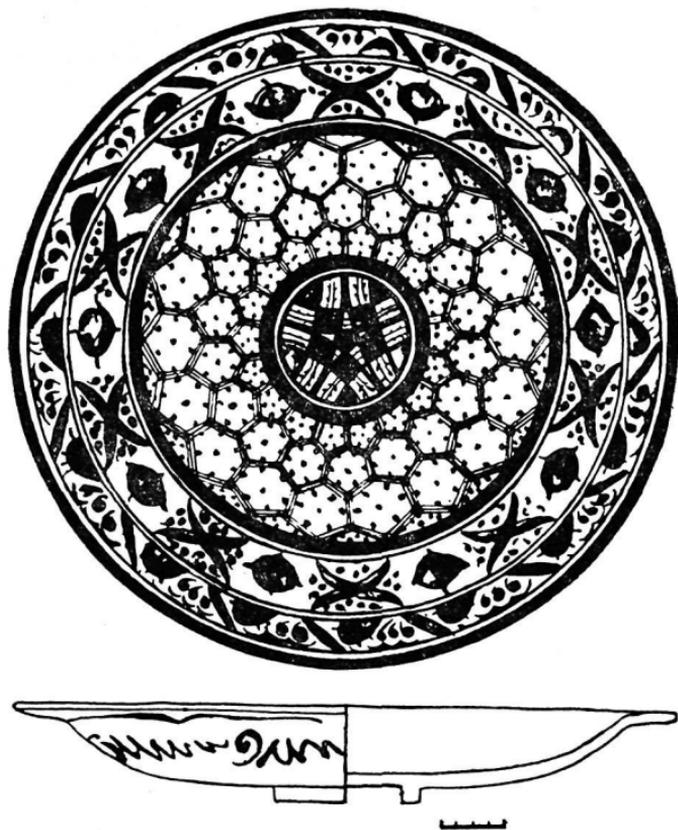

Рис. 15. Керамика верхнего слоя Отрара.

причем в том месте, где яма верхнего горизонта прорезала стену. Комнаты мечети имели разное назначение, в ней были зал для прихожан (помещение 198), кухня для приготовления ритуальной пищи (208), комната для омовений (210), комнаты служителей культа (223 и 224).

При раскопках на полах помещений, в завалах, на поверхности улиц и площадей собрано около 150 медных монет. Кроме этого, найдено два клада монет. Особо интересен клад, который содержал наряду с монетами их заготовки. Видимо, в Отраре в XVI в. еще функционировал монетный двор.

Как и в прежние годы, основной материал из раскопок — керамика (рис. 14, 15). Она представлена неполивной (хумы, двуручные

горшки, кувшины, кумганы и тагора) и поливной (чаши, блюда, кувшины) посудой.

Имеются изделия из железа. Это обломки ножей, подков, скоб, гвоздей. Обнаружено много криц. Способ приготовления кричного железа очень прост. В неглубокую яму загружают шихту — смесь древесного угля и руды, разводят огонь и затем яму плотно закрывают. В процессе горения при естественном дутье окислы железа воспанавливаются и образуется тестообразная масса — крица.

Ювелирные изделия представлены поделками из меди и серебра. Найдены также перстни со стеклянными вставками, гладкие браслеты из узких металлических пластин, разнообразные бусы из сердолика, граната и бирюзы.

Как и прежде, обнаружено много поделок из камня. Это жернова, зернотерки, различных размеров песты, отбойники. Петрографический анализ сколов с каменных орудий свидетельствует о том, что поделочный материал привозился в Отрар из Каратау (расстояние 50—70 км).

Таковы предварительные итоги работ 1974 г. на Отраре. Они дополняют наши представления о жизни позднесредневекового города, его топографии, материальной культуре и некоторых сторонах социальной жизни.

ВОДОХРАНИЛИЩЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОТРАРА

В. А. Грошев

Наряду с раскопками Отрара и исследованиями археологических памятников его периферии Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция (ЮЖКАЭ) в течение двух полевых сезонов (1973—1974 гг.) обследовала и средневековые гидротехнические сооружения. Наземное изучение древних инженерных сооружений с привлечением материалов аэрофотосъемки 1969 г. позволило сделать вывод о некогда высоком и развитом уровне поливного земледелия в Отрарском оазисе¹. Остатки магистральных каналов, защитных дамб, водоподъемных сооружений — чигирей, водохранилищ — это документальные страницы истории орошаемого земледелия, которое являлось основой социальной и экономической жизни средневековых городов Отрарского оазиса.

Особое место среди гидротехнических сооружений занимают водоемы — хаузы. Они вместе с сардобами (водоемы закрытого типа) были обязательной частью архитектуры средневекового города

---

¹ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Отрар по итогам работ 1969 г. — «Вестник АН КазССР», 1970, № 6, с. 60—64.

Средней Азии и Казахстана². Так, например, исследователь древностей Туркмении Г. А. Пугаченкова о значении воды в жизни древних укреплений пишет следующее: «Снабжение крепости водой являлось одной из основных проблем с самого момента ее сооружения. Большой запас воды был необходим не только ввиду возможной осады, но и в обычных условиях мирной жизни; помимо бытовых нужд она требовалась также на полив тех деревьев и цветников, которые, несомненно, когда-то произрастали на территории, свободной от застроек, дворов и проездов»³.

Определенный интерес в аспекте динамики гидротехнического строительства, связанного с водоснабжением городов Южного Казахстана в эпоху средневековья, представляют данные, полученные в результате археолого-топографического исследования Отрарского водохранилища.

Общий вид водохранилища был получен в 1969 г. при изучении топографии Отрара и его окрестностей с помощью плановой и перспективной аэрофотосъемки (рис. 1). При дешифрировании аэрофотоснимков на них отчетливо видно водохранилище, расположенное «у южной стены главного бугра на расстоянии 80—100 м»⁴. Наземное обследование показало, что водохранилище это «восьмеркообразный котлован (500×200 м) с плавно понижающимися стенками, которое заполнялось водой из магистрального канала, устроенного жителями Отрара»⁵.

В 1974 г. ирригационный отряд* ЮККАЭ АН КазССР параллельно с археолого-топографическими исследованиями оросительных систем Отрарского оазиса изучал и водохранилище Отрара. С этой целью на его территории было заложено шесть шурфов, доведенных до материкового водоносного слоя, снят инструментальный топографический план, проведена нивелировка профилей дна и стенок, сделаны обмеры, вычерчена схема. Обследование показало, что водохранилище — довольно сложное по инженерной конструкции и универсальное по назначению гидротехническое сооружение.

К инженерным конструкциям водохранилища кроме основного резервуара относятся два бассейна-отстойника, которые предназначались для предварительной очистки воды, поступающей из магистральных каналов, бассейн-отстойник в месте забора воды в городской водопровод, а также сам водопровод, состоящий из керамических труб, устройство которого, безусловно, требовало определенного навыка в гидротехническом строительстве. Водоем возводился с учетом реше-

² Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950, с. 41.

³ Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. — «Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции». Т. 6. М., 1958, с. 37.

⁴ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с. 50.

⁵ Там же.

* Работы проводились под руководством автора.

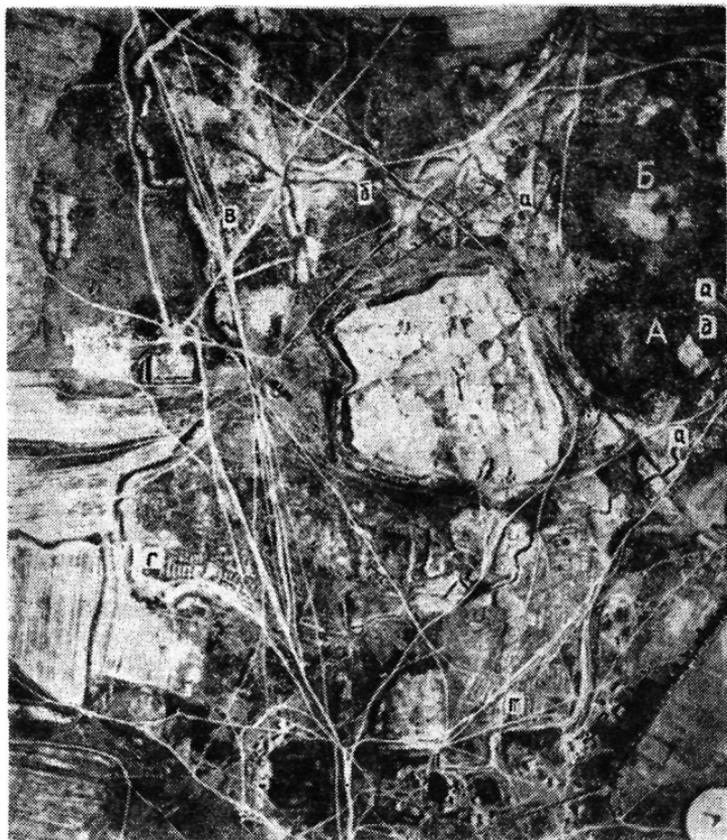

Рис. 1. Городище Отрар и водохранилище (аэрофотоснимок): А — северный котлован, Б — южный; а — каналы X — начала XIII в., б — каналы XIII—XIV вв., в — каналы XV—XVIII вв., г — бахчи, д — арык XVIII в.

ния разнообразных водохозяйственных проблем города. Он мог использоваться как для снабжения городского населения питьевой и технической водой, так и для полива земельных участков и т. д.

Регулирование воды, поступающей в водохранилище, производилось, по-видимому, с помощью временных земляных перемычек, так как следов от специальных шлюзов-регуляторов не обнаружено⁶.

⁶ В главе, посвященной истории ирригационной техники Хорезма, Я. Г. Гулямов пишет, что дерево или земля были строительным материалом для возведения регуляторов. См.: Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма. Ташкент, 1957, с. 237—267.

Дешифровка аэрофотоснимков на основе признаков полевого и камерального дешифрирования⁷ и данные, полученные в процессе обследования водохранилища, говорят о том, что его своеобразная (восьмеркообразная) форма не случайна, она была создана в два этапа. Первоначально был вырыт северный котлован (А), затем южный (Б)⁸. Три шурфа (1, 2, 3) вскрыли осадочные слои на котловане А и три шурфа (4, 5, 6) — на котловане Б.

Котлован А с оплывшими стенками имеет в основании почти круглую в плане форму диаметром около 200 м (площадь 31 400 кв. м; теоретический расчет). Сохранившаяся глубина около 2 м.

Шурф 1 (2×3×2,6 м) заложен в северной части котлована А в месте забора воды из водохранилища в городской водопровод. В его разрезе прослежено семь последовательных слоев: 1) темно-серый суглинок — 0,1 м; 2) песок мелкий, желтоватого цвета с тонкими прослойками супеси — 1,1 м; 3) тяжелый суглинок ржавого цвета — 0,15 м; 4) песок пылевидный с растительными остатками — 0,08 м; 5) песок серый мелкий — 1 м; 6) растительные остатки — 0,02 м; 7) глина желтоватого цвета, плотная — 0,20 м⁹.

На уровне этого слоя пробит водоносный пласт.

Керамический материал, полученный в ходе раскопок, очень разнообразен. Опишем керамику по слоям.

В шурфе на глубине 0,1—0,7 м (слои 1 и 2) встречены в основном фрагменты поливной керамики — донца чаш и пиал на кольцевом поддоне. Тесто хорошего качества, без примесей, обжиг полный. Черепки в изломе красноватого цвета. Орнамент нанесен главным образом на внутреннюю сторону. В основе орнамента круг, расположенный в центре дна и опоясанный двумя концентрическими линиями. Пространство между ними заполнено геометрическими фигурами. Все заключено в две кольцевые линии. Имеется также фрагмент боковинки сосуда с орнаментом из синей и голубой красок в виде чередующихся широких концентрических поясов на внешней поверхности.

Из неполивной керамики обнаружена часть боковинки хума, внешняя сторона его покрыта косыми насечками.

В целом керамика, выявленная на этой глубине, аналогична керамике из VI строительного горизонта стратиграфического раскопа Отрара и датируется XV—XVII вв.¹⁰, а также материалу с поселения Жалгыз-там¹¹.

⁷ О признаках см.: Андрианов Б. В. Дешифрирование аэрофотоснимков при изучении древних оросительных систем. — В кн.: Археология и естественные науки. М., 1960, с. 261—267.

⁸ В дальнейшем для удобства описания мы будем обозначать водохранилище по частям — котлован А, котлован Б.

⁹ Определение механического состава слоев произведено по методу Н. А. Качинского. См.: Чуприн Г. И. Справочник гидротехника орошаемого хозяйства. М., 1972, с. 76—77.

¹⁰ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с. 110—116.

¹¹ Жолдасбаев С. Раскопки укрепленного поселения Жалгыз-там (XV—XVIII вв.). — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1973, с. 173—187.

На глубине от 0,7 до 1,3 м (слои 2 и 3) собраны поливные фрагменты венчиков, боковинок и донцев, отличающихся от керамической посуды предыдущей группы.

Один фрагмент донца чаши на кольцевом поддоне внутри покрыт свинцовой поливой по красновато-коричневому ангобу. Под поливой имеется роспись из темно-коричневой краски в виде широких переkreцивающихся под прямым углом полос. Другой фрагмент украшен с наружной стороны зеленой поливой до поддона, а с внутренней — бесцветной.

Фрагмент боковинки поливного сосуда с яркой желтой поливой, имеет подглазурный орнамент, сделанный темно-красной и темно-зеленой красками.

Обнаружен также фрагмент венчика от чаши без орнамента. Венчик покрыт с обеих сторон бирюзовой поливой, закраина его отогнута наружу. Другой венчик украшен с обеих сторон синей поливой и подглазурным линейно-геометрическим орнаментом, сделанным гравировкой.

Комплекс керамики, выявленный в нижней части слоя 2 и в слое 3, подобен поливной керамике VII строительного горизонта (XIII—XIV вв.) стратиграфического шурфа Отрара¹².

На глубине от 1,3 м и ниже (слои 4 и 5) найдена в основном неполивная посуда. Наибольшую часть ее составляют фрагменты дастарханов, полусферических крышек и ручек от них. Внутренняя сторона дастарханов украшена лепными конусообразными шишечками с ребристыми боками, выемчатым резным и штампованным орнаментом. Полусферические крышки украшены также резным орнаментом и барельефным штампом. Встречены фрагменты с мотивом «елочного» орнамента. Цилиндрические ручки отделаны прорезными кружочками.

Находки поливной керамики на этой глубине не многочисленны и представлены в основном фрагментами от боковинок и венчиков. Они покрыты поливой двух типов: бесцветной и слегка зеленоватой. Под поливой орнамент нанесен зеленой, светло-зеленой, коричневой и темно-коричневой красками. Имеется фрагмент с белой поливой и орнаментом из темно-коричневой краски в виде волнистой полоски по краю венчика.

Найдена часть светильника — пяточка. Под светло-зеленой поливой проявляется геометрический рельефный орнамент.

Поливная и неполивная керамика нижних слоев схожа с керамическим материалом X — начала XIII в. Отрара¹³ и керамикой городищ Отрарского оазиса¹⁴.

Таким образом, в результате анализа керамического материала, собранного в шурфе 1, можно выделить два основных периода функ-

¹² Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар, с. 106—109.

¹³ Там же, с. 90—104.

¹⁴ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. — «Труды ИИАЭ АН КазССР». Т. 5. Алма-Ата, 1958, с. 99—100.

ционирования котлована А. Первый длился, очевидно, с X по начало XIII в. За это время на дне водохранилища отложился мощный слой песка. Затем в деятельности водоема наступил перерыв, о чем свидетельствуют погребенные растения (слой 4). В дальнейшем котлован А вступает во второй период своей жизни, который относится, вероятно, к середине XIII—XVII вв. В это время формируются верхние слои (рис. 2 а).

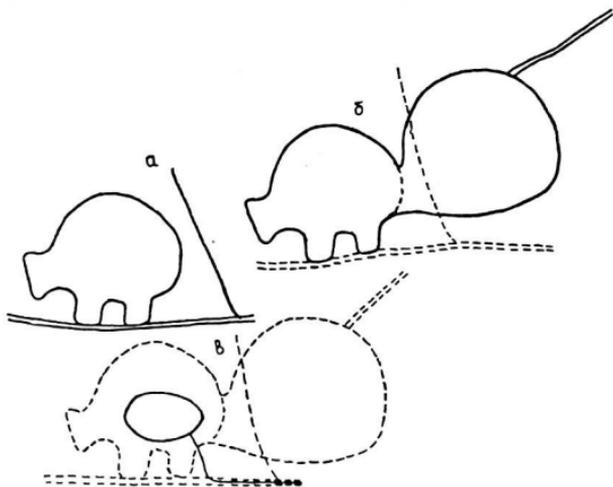

Рис. 2. Схема поэтапного существования водохранилища: а — водохранилище в X — начале XIII в., б — водохранилище в XIII—XVII вв., в — водохранилище в XVIII — начале XIX в.

Шурфом 1 вскрыта также головная часть подземного городского водопровода, состоящего из двойного ряда гончарных труб¹⁵. Длина одной трубы 50 см. Диаметр входного отверстия 20 см, выходного — 15 см. В 1969 г. с помощью трех траншей определено направление водопровода на участке длиной около 15 м¹⁶. От места забора воды подземный тоннель, по основанию которого проложены трубы, протянут в направлении центральной части города. Трасса водопровода располагается наклонно и как бы продолжает уклон дна водохранилища,

¹⁵ Подземный тоннель был исследован еще И. А. Кастанье, который писал: «Подземная галерея тянется с немногими разветвлениями на несколько десятков сажень и, постепенно суживаясь и понижаясь, упирается наконец в материк». См.: Кастанье И. А. Древности киргизской степи и Оренбургского края. — «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии». Вып. XXII. Оренбург, 1910, с. 175.

¹⁶ См.: Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Археологические работы в Южном Казахстане. — В кн.: Археологические открытия 1969 года. М., 1970, с. 397—398.

нивелирный ход на поверхности которого показал падение высоты 15 м на 100 м. Подобная взаимосвязь предполагает самотечное поступление воды в город даже при низком уровне ее в водохранилище, причем расположение головных труб водопровода на высоте 20 м от материка предохраняло его от донных осадков. Все это говорит о богатом опыте гидротехнического строительства и эксплуатации искусственных водоемов, накопленном жителями Отрара.

О высоком инженерном уровне средневековых гидростроителей города свидетельствует и решение вопроса о водозаборе и борьбе с заилием в каналах и водохранилище.

Котлован А заполнялся водой из магистрального канала поочередно через два бассейна-отстойника. Забор воды в систему также происходил с помощью двух попеременно действующих головных сооружений. Это было необходимо для борьбы с наносами, которые, как известно, затрудняют работу ирригационных каналов и водохранилищ, заиляют их и тем самым сокращают срок службы¹⁷.

Бассейны-отстойники — это однокамерные гидротехнические сооружения размером 100×60 м. Они расположены в западной части котлована А. В центре одного из них заложен шурф 2 (2×3×2,05 м).

В разрезе прослежено семь последовательных слоев: 1) суглинок темно-серый, плотный, пылевидный — 0,25 м; 2) керамика мелкая битая — 0,15 м; 3) суглинок желтоватого цвета — 0,5 м; 4) песок мелкий серый — 0,2 м; 5) суглинок желтовато-ржавого цвета — 0,35 м; 6) песок пылевидный — 0,4 м; 7) глина желтоватого цвета, однородная, вязкая (материк) — 0,2 м. Чередующиеся слои песка и суглинка имеют отчетливую косую слоистость, что указывает на резкую смену скорости течения.

Почти все фрагменты керамики, найденные в отложениях бассейна-отстойника, идентичны керамике из слоев 4 и 5 шурфа 1, что позволяет датировать время его существования X — началом XIII в.

На аэрофотоснимках, а также при наземном осмотре в центре котлована А прослеживается почти круглая покрытая такырной корочкой западина диаметром около 100 м и небольшой арык, подходящий к ней с юго-западной стороны (рис. 1, д). На западине и через арык были заложены шурфы 3 и траншея 1.

Шурф 3 (2×3×2 м) вскрыл восемь слоев: 1) такырная корочка серая, плотная — 0,15 м; 2) суглинок темно-серого цвета — 0,2 м; 3) супесь желтоватого цвета — 0,1 м; 4) песок желтоватый — 0,7 м; 5) суглинок ржавого цвета — 0,1 м; 6) растительные остатки с прослойками песка — 0,05 м; 7) песок серый мелкий — 0,5 м; 8) глина желтого цвета — 0,2 м.

---

¹⁷ Об этом см. Глебов П. Д. Курс ирригации. М. — Л., 1938; Костяков А. Н. Мелиорация. М., 1960; Алтунин С. Т. Водозабор в ирригационные каналы и защита земель от размыва и наводнений. Ташкент, 1951; его же. Водозаборные узлы и водохранилища. М., 1964.

Траншея 1 заложена на арыке. Ширина его 3 м. В разрезе пятиметровой траншеи наносы залегают линзообразно мощностью 0,6 м: 1) суглинок темно-серый, пылеватый — 0,1 м; 2) супесь сероватая — 0,3 м; 3) песок мелкий — 0,2 м.

Найденная керамика в верхних слоях (1, 2, 3) шурфа 3, а также в разрезе арыка в основном представлена фрагментами. Это поливные боковинки и венчики от чаш и блюд с поливой грязноватого цвета. Под поливой проступает роспись марганцем и голубой краской. Орнамент в виде завитков, спиралей, волнистых линий нанесен с обеих сторон фрагментов. Внутри у некоторых венчиков имеются две, а иногда и три концентрические полосы, проходящие по закраине. На одном черепке орнамент выполнен в виде солнцевидного знака «басма».

Подобная керамика отмечена в Отраре¹⁸, в верхних слоях городища Сузак¹⁹ и поселения Жалгыз-там²⁰ и датируется XVII—XVIII вв.

С юго-восточной стороны к котловану А примыкает резервуар (котлован Б) диаметром 300 м (площадь 70 650 кв. м). На котловане Б заложено три шурфа: в западной части — шурф 4, в центральной — шурф 5 и в восточной — шурф 6. Шурфы 4 и 5 (2×3×2,1 м) обнажили слои, аналогичные по своей структуре слоям 1, 2, 3 из шурфа 1.

Слой в шурфах расположен следующим образом: 1) такырная корочка серая, плотная, слоистая — 0,1 м; 2) суглинок темно-серый — 0,4 м; 3) суглинок желтоватый, плотный — 0,5 м; 4) песок мелкий сероватый — 1,1 м.

В этих шурфах можно проследить последовательные стадии постепенного заиления водоема, начиная с отложения метрового слоя пылевидного песка (слой 3), затем илистых частиц (слой 2) и кончая заилением (слой 1).

Шурф 6 (2×3×2,2 м), как отмечалось, был заложен в восточной части котлована Б в месте поступления воды из магистрального канала. Поэтому структура наносов в данном разрезе более разнообразна по составу, чем в шурфах 4 и 5. Шурф 6 выявил следующие слои: 1) суглинок темно-бурого цвета — 0,3 м; 2) песок светло-желтого цвета, пылевидный — 0,35 м; 3) супесь светло-серого цвета — 0,4 м; 4) суглинок тяжелого состава пепельно-серого цвета — 0,25 м; 5) глина ржавого цвета — 0,1 м; 6) песок мелкий, серый — 0,6 м; 7) глина однородная — 0,2 м.

¹⁸ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с. 177—182; Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Раскопки в северо-восточной части Отрара. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1973, с. 143—157.

¹⁹ Ерзакович Л. Б. Поливная керамика городища Сузак XIII—XVIII вв. — «Вестник АН КазССР», 1966, № 5, с. 78—81.

²⁰ Жолдасбаев С. Раскопки укрепленного поселения Жалгыз-там (XV—XVIII вв.). — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1973, с. 173—187.

Керамика, найденная в шурфах, представлена несколькими фрагментами поливной и неполивной посуды. Она в основном фрагментарна. Полива бесцветная, под ней по белому ангобу нанесен марганцем и кобальтом, а также голубой краской растительный орнамент. Часть фрагментов покрыта бирюзовой и голубой поливой, зеленой и желтой. Орнамент у них отсутствует. Собранный керамика находит аналогии в керамическом материале слоев 1, 2, 3 шурфа 1 и в керамике XIII—XVII вв. стратиграфического шурфа Отрара²¹.

Судя по фрагментам из шурфов 4 и 6, слои наносов в южной части водохранилища (котлован Б) отложились в период с XIII по XVII в.

Таким образом, результаты обследования водохранилища Отрара позволяют говорить о двух этапах строительства и по крайней мере о трех основных периодах его существования. Анализ слоев и керамического материала из шурфов дал возможность выделить три крупных слоя, по которым в какой-то степени можно получить представление о жизни водохранилища.

Возникновение искусственного водоема отражают самые нижние слои шурфов 1—3, которые датируются X — началом XIII в. Под строительство водохранилища, вероятно, была использована низина, из которой горожане брали глину на изготовление сырцового кирпича. Появление низин — неизбежный процесс при создании городов Средней Азии и Казахстана. Многие исследователи единодушны во мнении, что почти полное отсутствие леса вынуждало строителей возводить города и поселения из глины²². «Для постройки таких мощных сооружений, какими являются все эти городища с многометровыми их наслоениями, — писал В. А. Шишкин, — требовалось большое количество земли, которую и брали из этих же низин, непосредственно за стенами селения»²³. Остатки раннесредневекового поселения, перекрытого поздними строительными горизонтами, отмечены и на городище Отрар²⁴. Погребенный культурный слой, а также округлая форма обоих котлованов говорят в пользу высказанного предположения. Ямы, из которых была выбрана глина, использовали под водоемы на территории Южной Туркмении еще в эпоху энеолита²⁵.

Обычно обширные водоемы средневековья не имели облицовки²⁶. В этом отношении Отрарское не является исключением. Средняя высота сохранившихся берегов около 2 м. Как показала зачистка, площадь зеркала воды в разные годы менялась. Учитывая толщю наносов (более 2 м), глубина водохранилища при максимальном заполнении

²¹ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ермакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с. 106—116.

²² Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. — «Труды ИИАЭ АН КазССР». Т. 5. Алма-Ата, 1958, с. 154.

²³ Шишкин В. А. Варахша. М., 1963, с. 44.

²⁴ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ермакович Л. Б. Древний Отрар, с. 203.

²⁵ Лисицина Г. Н. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М., 1965, с. 111.

²⁶ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. М. — Л., 1974, с. 306—307.

достигала 4 м. Исходя из того, что площадь котлована А составляет 31 400 кв. м, теоретически его объем в первоначальный период жизни был равен 125 600 куб. м.

К начальному периоду функционирования водохранилища относится и сооружение городского водопровода. Учитывая довольно сложную систему очистки воды Отрарского водохранилища (два впускных бассейна-отстойника, один выпускной), можно предположить, что городской водопровод служил в первую очередь для подачи питьевой воды. Техническая вода подавалась в город с помощью обширной оросительной сети, частично сохранившейся до наших дней. Использование ее в питьевых целях было невозможно, так как вода в каналах сильно засорялась. Например, «по словам ал-Мукаддаси, вода в каналах Бухары была очень грязной, так как в них выкидывали всякие отбросы. В той или иной мере вода каналов засорялась и в черте других городов»²⁷.

В начале XIII в. котлован А перестает функционировать. Об этом можно судить по слою 4 шурфа 1 и слою 6 шурфа 2, которые сформировались за время перерыва, а также по остаткам канала, перерезанного в результате строительства котлована Б. Его завершение и заполнение водохранилища относятся, вероятно, к середине XIII в. Объем вновь построенной южной части равен 282 600 куб. м. После слияния двух котлованов Отрарское водохранилище приобретает современную форму и в состоянии вместить более 408 тыс. куб. м воды. Теперь водохранилище могло не только бесперебойно снабжать водой город, но и, регулируя ее расходы в период речного паводка, осуществлять, когда это необходимо, полив садово-парковых участков. О наличии садов в Отраре говорится в «Анониме Искандера»²⁸. С этого времени водохранилище стали заполнять с восточной стороны. В таком виде оно действовало по XVII в. (рис. 2, б).

Постепенно с затуханием жизни на Отраре²⁹ водохранилище теряет свое значение и засоряется. В начале XVIII в. это лишь небольшой водоем, используется главным образом котлован А. Однако в этот период его еще можно считать действующим гидротехническим сооружением, которое заполнялось водой посредством арыка, проложенного по дну магистрального канала (рис. 2, в).

Окончательно водохранилище было заброшено во второй половине XIX в., когда жизнь на Отраре прекратилась³⁰.

²⁷ Там же, с. 307.

²⁸ См.: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М. — Л., 1941, с. 136.

²⁹ По данным П. И. Рычкова, в Отраре в середине XVIII в. насчитывалось около 40 семей. См.: Топография Оренбургской губернии. Сочинения П. И. Рычкова. 1762. Оренбург, 1887, с. 21.

³⁰ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар, с. 43.

ТИПЫ ОСЕДЛЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
КАЗАХОВ ПО ДАННЫМ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ЮЖНОГО И
ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА
(XV—XIX ВВ.)

С. Жолдасбаев

Вопрос о типах поселений казахов до сих пор мало освещен как в археологической, так и в этнографической литературе. Одной из причин этого является существование ошибочного мнения в историографии Казахстана по вопросу оседания казахов. Часть исследователей считает, что переход казахов к оседлости в северных и северо-западных районах Казахстана, т. е. на границах с Россией¹, начался под влиянием русских переселенцев во второй половине XIX в. Другие же вообще отрицают наличие оседлости и даже полуседлости у казахов до конца XIX в.²

Однако археологические изыскания, проведенные казахстанскими ис-

---

¹ *Востров В. В.* Казахи Джанибекского района Западно-Казахстанской области (Историко-этнографический очерк). — «Труды ИИАЭ АН КазССР». Т. 3. Алма-Ата. 1956, с. 27; *Захарова И. В.* Материальная культура казахов-колхозников Юго-Восточного Казахстана. (По материалам Алма-Атинской и Джамбулской областей). Там же, с. 116.

² *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века. Алма-Ата, 1972, с. 18; *его же.* К вопросу о правильном определении общественно-экономического строя казахов в XVII в. и позже. — «Известия АН КазССР, серия общественная», 1970, № 3, с. 50.

следователями в последние десятилетия в основном на территории Южного и Центрального Казахстана, т. е. районов сложения и формирования казахского народа, и данные письменных источников доказывают ошибочность приведенных мнений.

В данной статье мы попытались восполнить пробел в изучении оседло-земледельческих культур казахов. За пять лет палеоэтнографических изысканий нами в Южном и Центральном Казахстане зафиксировано более сотни временных и постоянных поселений, относящихся к XV—XVIII вв. Выявленные археологические памятники разделены на следующие типы:

- 1) кыстау — зимовка,
- 2) кыстак-зимовка — поселение или селище,
- 3) уактылы корган — временный замок, укрепленный глиняными или каменными стенами со рвами.

4) кент (кала) — городище.

Кыстау — дословно зимовка. В большинстве случаев казахские зимовки расположены на берегах рек Сырдарья, Чу, Или, Арысь, Талас, Сарысу, Кенгир, Жезды, Кара-Кенгир и др., а также на участках, хорошо защищенных от ветров и пригодных для зимнего выпаса скота, — в горных ущельях. Такие места народу известны ископом веков, их использовали из поколения в поколение, до сих пор потомки тогдашних племен живут здесь³. К сожалению, обживание данных мест современниками, уничтожает следы прошлого.

По топографии зафиксированные зимовки бывают двух видов.

1. Зимовки по берегам рек. В большинстве своем они состоят из двух-трехкамерных землянок и полуземлянок, в плане круглых и продолговатых, от 3 до 5 м в длину, глубиной 0,5 до 1 м (рис. 1).

2. Зимовки в горных ущельях. Это по преимуществу наземные жилища, основным стройматериалом для которых послужил дикий камень. Они также насчитывали две-три комнаты. Стены в них сохранились в высоту 0,50—1,5 м (рис. 2). Обмазки стен обнаружить не удалось.

В обоих случаях зафиксирован очень тонкий культурный слой. Подъемный материал представлен невыразительными фрагментами керамики, которую по составу и качеству поливы можно датировать XVI—XVIII вв. На отдельных зимовках встречаются фрагменты фарфоровых пиал с клеймом завода «Братья Кузнецовы». Это доказывает, что на таких зимовках жизнь продолжалась до конца XIX в.

Расстояния между зимовками, приуроченными к берегам рек, не очень большие — 5—10 км, как правило, они располагаются по всему течению рек. В свое время (XVI в.) среднеазиатский историк Рузбехан писал, что Сырдарья протекает среди казахских зимовок, которые тянутся более трехсот монгольских ташей⁴.

³ Акишев К. А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана. — В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 32.

⁴ Таш равен 7—8 км.

Зимовки обычно комплектовались по группам, в каждой группе было от трех до десяти хозяйств, что подтверждается данными археологии и этнографии. Практически по всей территории Казахстана расположение и планировка зимовок одинаковы. В них жили с конца

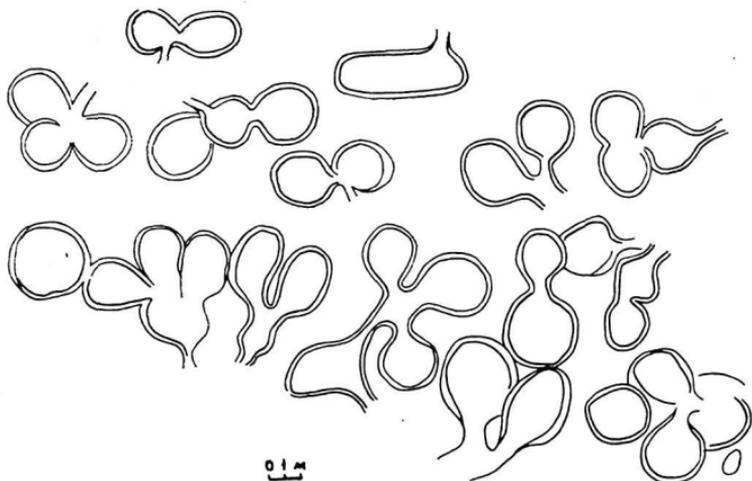

Рис. 1. План зимовки южнее Актас-мечеть.

ноября до начала апреля, причем летом здесь выполняли необходимые работы: строили сараи и ремонтировали жилища, заготавливали сено, дрова и выращивали хлеб. Постоянные зимовки в археологической литературе получили название зимовка-поселение.

Такой тип оседлого поселения на территории Семиречья известен со времени саков и усуней⁵.

Таким образом, второй тип поселения — кыстак — возникает на том же месте, где ранние зимовки.

Этот способ проживания нами прослежен до конца XIX в. На зимовках оседали беднейшие слои населения, не могущие кочевать. Здесь они стали заниматься земледелием. Постепенно такие зимовки превращались в кыстаки, т. е. в селища. Они довольно часто встречаются не только в Южном, но и в Центральном Казахстане. Там они строятся в виде каменных крепостей на холмах и напоминают городища Раната и Култобе Южного Казахстана. Они имеют мощные стены, за которыми насчитывается от трех до восьми дворов с хозяйственными постройками.

⁵ Акишев К. А. Зимовки-поселения и жилища древних усуней. — «Известия АН КазССР, сер. общ.», 1969, № 1, с. 29—46; Маргулан А. Х. Архитектура древнего периода. — В кн.: Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959, с. 51.

Эти места проживания вместо старого названия кыстау (зимовка) стали называться кыстак. На землях вокруг них выращивали главным образом просо, ячмень, пшеницу. Обычно такое селище размером 50×100 м имело овальную или четырехугольную форму. Культурный

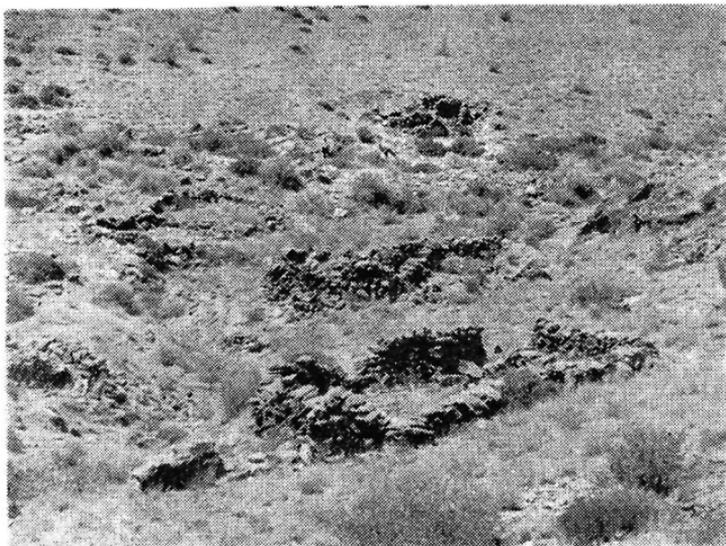

Рис. 2. Зимовка Каражар в ущелье Бесарык на южном склоне Каратау.

слой в нем достигал 0,3—1,50 м. Нам известны подобные селища вокруг городища Сауран — Шыгырлы I, II и Жалгыз-там; на берегу Сырдарьи — Актас-мечеть, Арасатин-кумы, Бозакор; в Центральном Казахстане — Аяккамыр, Баскамыр, Найзагара и др. Селища, относящиеся к XV—XVII вв., обносились стенами и рвом (Жалгыз-там, Бозакор, Аяккамыр и др.), а сельские поселения XVIII—XIX вв. стен и ровов не имели, они состояли из нескольких домов размером 20×30 м. В поселении обычно бывало от 5 до 15 домов (Актас-мечеть, Арасатин-кумы, Шыгырлы I и II).

Нами исследовано одно из поселений, переходящее от зимовки к селищу *Шыгырлы I* (рис. 3). Оно построено на развалинах поселения XIII—XIV вв. Шыгырлы I состоит из десяти полуземлянок и сараев, сделанных из тальника. По планировке жилищ можно предположить, что в них проживало пять семейств, об этом свидетельствуют и хозяйственные постройки. Раскопками вскрыты две сообщающиеся между собой полуземлянки. Они имели два уровня полов, на первом, верхнем, выход был устроен на юго-восточную сторону, на нижнем, втором, — на запад, толщина слоя между полами 15—20 см. Это говорит о том, что жители, временно покинувшие свои места, после возвраще-

ния заново строили дома. Стены сложены из пахсы, но в обломках встречаются и сырцовые кирпичи. В верхнем слое очаг выявлен между комнатами. Во второй комнате в центре обнаружен еще тарелкообразный очаг размером 20×30 см. При расчистке второго пола (нижний) очага между комнатами не оказалось, а тарелкообразный очаг был на том же месте, но ниже первого на 15 см.

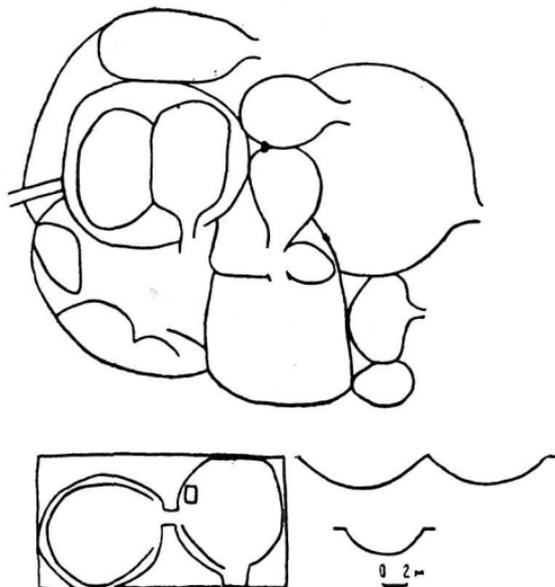

Рис. 3. Зимовка-поселение Шыгырлы I.

Крыша полуземлянок построена, как и шашала, конусообразно, в ней имелось отверстие для выхода дыма. Название поселения Шыгырлы, по сообщению местных информаторов, происходит от того, что люди здесь в прошлом использовали для орошения водоподъемное колесо — шыгыр. Об этом также свидетельствует и находка в юго-западной части поселения.

Шыгырлы II — это огромный котлован длиной 30—40 м, шириной 15—20 м, глубиной 10—12 м, от которого шел небольшой арык. Следовательно, жители зимовок-поселений занимались поливным земледелием.

Зимовки, переходящие в зимовки-поселения, зафиксированы в шести местах вокруг Саурана. Каждое поселение насчитывало от пяти до десяти хозяйств. Жилища наземные, около каждого дома построены хозяйственные полуземлянки, культурный слой которых незначителен (рис. 4).

Среди однослойных селищ (кыстаков) по размеру самое большое (250×140 м) Актас-мечеть. Оно находится на старом русле Сырдарьи, в 40 км к юго-западу от Саурана, и состоит из 15 небольших бугров (рис. 5). Расстояние между ними 20—30 м. Остатки домов в настоящее время — это оплывшие бугры различной величины, высотой не более 70 см. В центре развалин выделяется мечеть, а на западной сто-

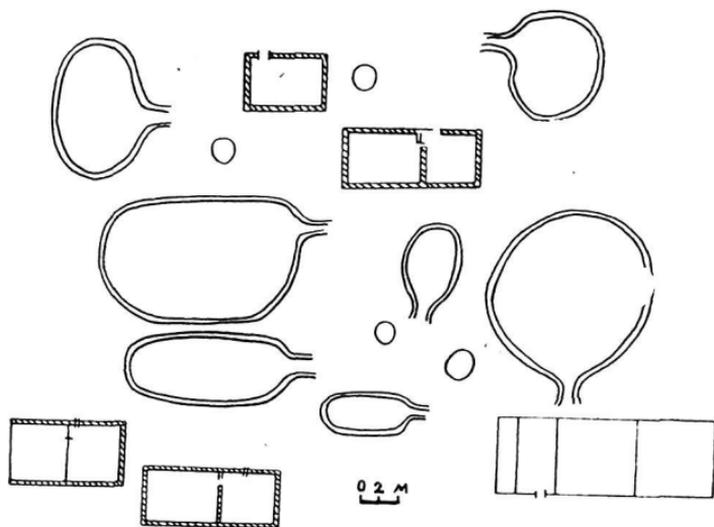

Рис. 4. Одно из селищ в окрестностях города Саурана.

роне — мавзолей. По форме они одинаковы, но мавзолей меньше размером. По сообщению местных информаторов, мечеть построена во второй половине XIX в., а мавзолей Айгожи — в конце XVII в. Этому соответствует поливная керамика XVII—XIX вв.⁶

Следующее большое поселение Жалгыз-там. Расположено в 7 км к юго-западу от городища Сауран, южнее железнодорожной ветки Туркестан — Кызыл-Орда, в 6 км от разъезда 29. По своему характеру это поселение городского типа.

По показаниям местных жителей, еще 40—45 лет назад здесь были заметны развалины высоких стен.

В настоящее время Жалгыз-там стен не имеет, в плане — это трапециевидный бугор, окруженный оплывшим валом высотой до 1,5 м⁷.

⁶ См.: Жолдасбаев С. Поселение Актас-мечеть (XVII—XIX вв.). — В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975, с. 86—93.

⁷ См.: Жолдасбаев С. Раскопки укрепленного поселения Жалгыз-там (XV—XVIII вв.). — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 173—187.

Судя по раскопкам, дома в нем выстроены на южной и западной сторонах, вдоль внутренней крепостной стены. Северная часть поселения являлась общим хозяйственным двором, а открытая центральная — загон для скота. Такая планировка напоминает размещение казахских аулов при перекочевках, когда юрты ставятся кругом, а центр используется для скота. Подобное расположение называется «аула котан».

Ряд поселений, как Бозакор, Арасатин-кумы (среднее течение Сырдарьи), Баскамыр, Аяккамыр, Найзагара (Центральный Казахстан), очень схожи между собой. Несмотря на отдаленность районов, одинаковые по форме строения этих поселений говорят об этнической однородности и самобытности населения Казахстана.

Раскопки Аяккамыра и шурфовка Найзагара дали керамический материал XIII—XV вв. Здесь также найдены обломки серпа, что указывает на занятие жителей земледелием. Стены из пахсы сложены тем же методом, что и на поселении Жалгыз-там. Однако, если в керамике Жалгыз-тама и поселений на среднем течении Сырдарьи и северном склоне Каратау преобладает разнообразная поливная посуда, то в поселениях Центрального Казахстана ее очень мало. По-видимому, это объясняется тем, что в центральноказахстанских степях эту продукцию не изготавливали.

В результате многолетних археологических исследований в Центральном Казахстане были открыты городские поселения Милыкудук, Болган-ана, Батогай, Мартук, Келин-там и т. д.⁸ В районе их расположения обнаружены также остатки ирригационных сооружений — ка-

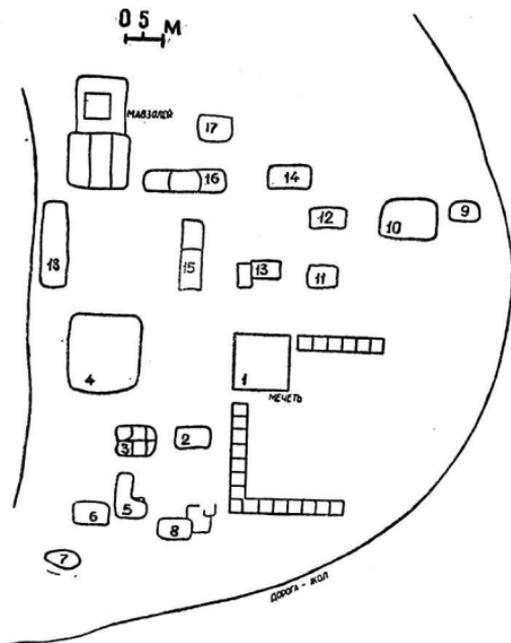

Рис. 5. Селище (кыстак) Актас-мечеть.

жители Жалгыз-там. Однако, если в керамике Жалгыз-тама и поселений на среднем течении Сырдарьи и северном склоне Каратау преобладает разнообразная поливная посуда, то в поселениях Центрального Казахстана ее очень мало. По-видимому, это объясняется тем, что в центральноказахстанских степях эту продукцию не изготавливали.

В результате многолетних археологических исследований в Центральном Казахстане были открыты городские поселения Милыкудук, Болган-ана, Батогай, Мартук, Келин-там и т. д.⁸ В районе их расположения обнаружены также остатки ирригационных сооружений — ка-

⁸ Маргулан А. Х. Джекказган — древний металлургический центр (Городище Милыкудук). — В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с. 10—20; его же. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950, с. 88—94.

налов и арыков, свидетельствующих о наличии орошаемого земледелия в сравнительно небольшом масштабе.

Таким образом, выявленные сельские поселения говорят о связи кочевнической и оседлой земледельческой жизни.

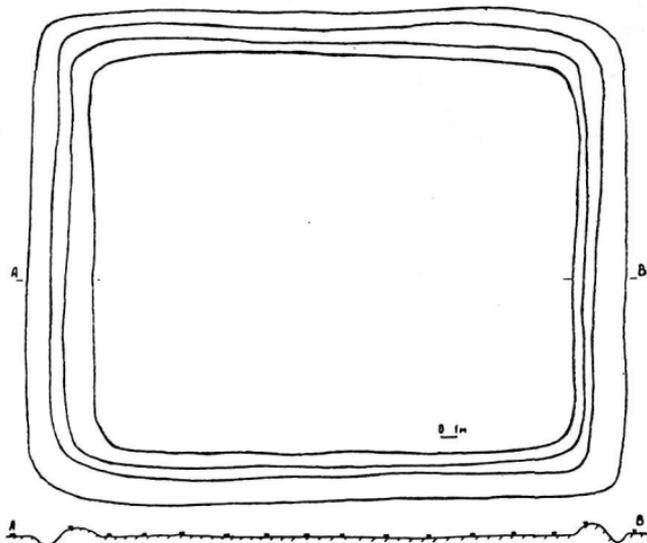

Рис. 6. Замок-убежище Шоткара.

Третий тип поселений — замок-убежище (уактылы корган), укрепленный земляными валами или каменными стенами, а также обнесенный рвом. Такие замки в большом количестве встречаются в Центральном Казахстане, на открытых местах, возле небольших горных речек. Их использовали как летние стойбища. Нам известны следующие: Орда (170×100 м), Ногербек-дараси (200×150 м), Айбас (29×30 м), Шоткаранин-кони (30×35 м) (рис. 6). Подобные замки отмечены также у выходов ущелий на северном и южном склонах Каратау. Местные жители называют их «Баскорган» («Каменный замок»).

По словам информаторов, эти замки построены во время джунгарского нашествия. Культурного слоя они почти не имели, поэтому их датировка весьма условна. По сообщению Д. Гладышева, в таком укрепленном замке в районе Аральского моря жил Абулхайрхан⁹. В начале XIX в., по словам Галкина, внутри укрепленной усадьбы в низовьях Амударьи можно было поставить более 1000 юрт. Он отме-

⁹ См.: Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. Алма-Ата, 1961, с. 180.

чал, что в таких замках занимались бахчеводством и сеяли просо¹⁰.

Замки Центрального Казахстана разной величины. Маленькие, как Айбас, Шоткара, служили временными укрытиями, а большие, как Орда, Ногербек-дараси — летними ставками, внутри которых могло расположиться 50—100 юрт. Подобные памятники, встречающиеся по всей территории Казахстана, были летними ставками казахских аристократов, вокруг этих мест осевшие бедняки обрабатывали землю.

На южных склонах хребта Каратау зафиксировано одно из временных городищ с древним названием Саудабазар. Оно находится в широкой долине. По словам информаторов, здесь шла бойкая торговля, отчего местность получила свое название. Сюда приезжали купцы из соседних городов: Сыгнака и Аккурмана, Туркестана и Саурана. Тропами через горы это городище связано с городами, расположенными на северных склонах Каратау — Култобе, Ран и Сузак.

Вокруг Саудабазара имеются прекрасные пастбища и летовки: Егизкара, Талдысай, Катынкамал, Тирмен и др. Из названий некоторых урочищ, например, Тирмен, можно заключить, что здесь когда-то была водяная мельница. Это подтверждает наше предположение о том, что в ущельях кочевники занимались земледелием. В 3 км от городища выявлены остатки небольшого селения. По рассказу стариков, оно оставлено в 1930 г. Вокруг него отмечены участки, пригодные для посева. Рядом, на берегу речки, вырисовываются сакские курганы, а вокруг — остатки каменных домов и землянок. Все это говорит о том, что Саудабазар и его окрестности издавна привлекали к себе внимание казахских племен.

Четвертым типом оседлого поселения казахов мы считаем кент — городище. Слово «кент» иранского происхождения¹¹, оно перешло в тюркский язык в VII—VIII вв. и до сих пор среди казахского населения употребляется в своем первоначальном значении кент—кала (город). Такими городами являются Сыганак, Сауран, Аккурман, Мейрамтобе, Сузак, Туркестан, Отрар. Нами на северном склоне Каратау зафиксирован еще ряд типичных казахских городищ, это Култобе (Зольный бугор), Раната, Тастобе, Таскорган (в данное время полностью разрушен), Коктобе. В низовьях Чу встречено подобное городище Тасты, в Центральном Казахстане — Кзылкент и Талдыкент¹². Данные города по планировке и строительным методам, как и поздние (XVIII—XIX вв.) казахские зимовки, однотипные. У всех строительным материалом служил простой необработанный камень. Некоторые из них, в частности городища Култобе, Раната, Таскорган, находятся

¹⁰ Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии. СПб., 1868, с. 180—181.

¹¹ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Т. II, ч. 1. М., 1963, с. 210.

¹² Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950, с. 97—99.

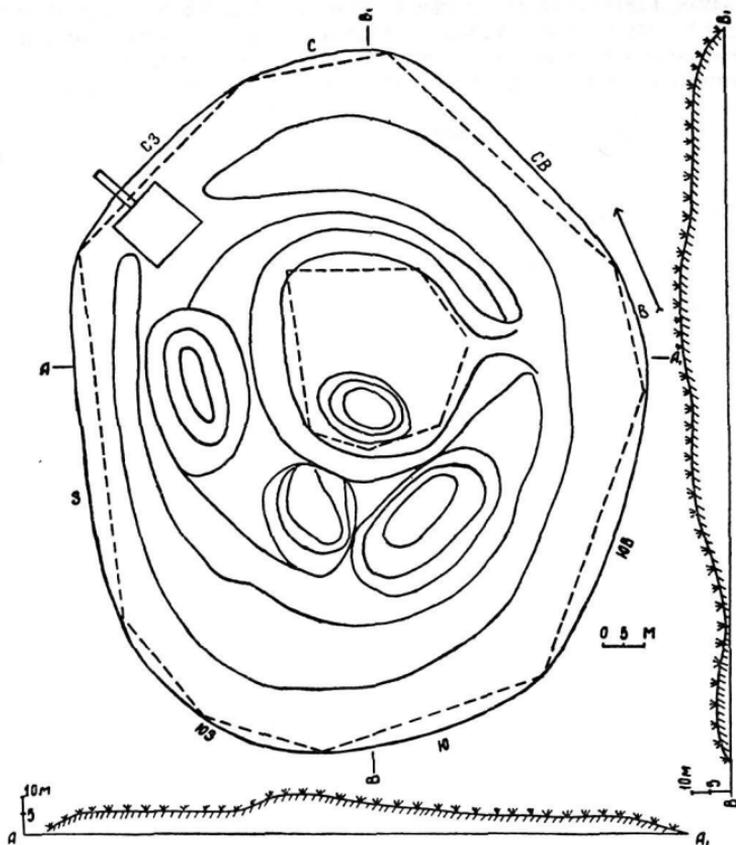

Рис. 7. План городища Култобе.

в глубине ущелья. Этим они напоминают зимние стойбища. Вокруг них имеются участки для посевов и оросительные каналы.

В течение трех полевых сезонов нами велись раскопки на городище *Култобе* (рис. 7), расположенном в ущелье Кара-Курун, в 4 км к югу от совхоза им. Энгельса Сузакского района Чимкентской области.

Култобе можно отождествить с известной по письменным источникам «укрепленной крепостью Илан-караул»¹³ (Жылан-караул), которая в 1582 году была частично разрушена сыном Шейбанихана Ибадуллой-султаном. По данным археологии, жизнь на городище продолжалась до XVIII в.

¹³ См.: Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв. Алма-Ата, 1969, с. 293.

Култобе (180×135 м) представляет собой овальный в плане холм, высотой 10—12 м, с возвышенностью в северной части. По краям в некоторых местах прослеживаются остатки крепостной каменной стены шириной до 6 м. Холм опоясывает сильно оплывший ров.

В северо-западной части городища расположены развалины водяной мельницы. В 1973 г. во время распахки в этих местах обнаружен четырехугольный каменный ящик высотой 130 см, шириной 50 см и три болшие хума, врытые в землю. В каменном ящике найдены остатки пшеницы, а в хумах — проса. По-видимому, это семена. Развалины еще одной водяной мельницы встречены в 5 км выше по ущелью, здесь же собраны обломки керамики. Еще выше в 5 км отмечен каменный замок (70×65 м). Культурный слой его беден, только битая посуда. Около замка находятся могильники XVI—XVII вв. Такие же могильники зафиксированы в юго-западной части городища Култобе.

Основные раскопки проводились в северо-западной части городища, здесь площадь раскопа достигла 2300 кв. м и в центре на возвышенности — 500 кв. м. В северо-западной части вскрыто более 60 комнат и прослежены остатки двух улиц. Одна из них шириной 2 м тянется вдоль крепостной стены, другая шириной 2,5 м проходит в центре поселения. На возвышенности выявлено 17 помещений. Дома располагались по улицам террасообразно. Основным строительным материалом был камень, иногда для внутренних перегородок использовали сырцовый кирпич (30×12×8 см). Стены высотой 30—70 см. Во всех жилых помещениях планировка не нарушена.

Кроме основного раскопа в северо-западной части городища для выяснения характера оборонительных сооружений была заложена разведочная траншея (длиной 20 м, шириной 1,5 м). На глубине 1 м обнаружился ров шириной 5 м и глубиной 3 м. Затем были выявлены остатки трех крепостных паховых стен, вероятно, нижнего культурного слоя. На одной из них возведена каменная стена, которая относится к последнему периоду жизни городища — к XVI—XVIII вв., две нижние стены датируются XIII—XV вв. Это подтверждают находки керамических изделий в разведочных шурфах, заложенных один в центре рва, другой на раскопе в комнате 23.

Нами исследовано также городище Ран (рис. 8), расположенное в 20 км на юго-запад от Култобе, в ущелье Кенсай, в 1,5 км к югу от с. Кызыл-байрак второго отделения совхоза им. Энгельса.

Городище Ран (150—110 м) — это овальный в плане холм высотой 10 м. По всему городищу хорошо видны остатки каменных построек. Возможно, основные жилые комплексы размещались ближе к крепостной стене, что обусловлено понижением площади городища к центру. Главные ворота поселения сделаны на южной стороне.

Раскоп площадью 625 кв. м заложен в северо-западной части городища. Вскрыт полностью один жилой комплекс, состоящий из шести комнат размером 2,8×1,5; 3,2×4; 5×5,5 м и двух хозяйственных помещений размером 9×2,9 м. Все жилые помещения соединены проходами. В каждой комнате, кроме 1 и 5, был очаг-тандыр, рядом

с которым на суфе устроен тарелкообразный открытый очаг, очень прокаленный внутри. Перед тандыром-очагом имелось ташнау, перекрытое плоскими камнями. Все дымоходы выведены в угол стены вертикальными каналами. Выход на улицу устроен в помещении 5.

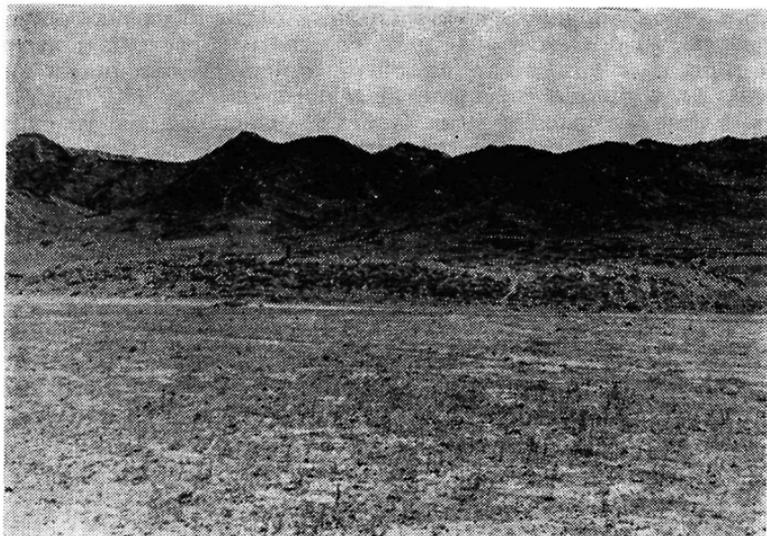

Рис. 8. Городище Ран.

Хозяйственные помещения пристроены с северо-восточной стороны жилых комнат. Вход в них отдельный. Ниже этого строительного периода вскрыто четыре жилых помещения с двумя тандырами-очагами. В отличие от предыдущего строительного горизонта стены этих помещений пахсовые. К сожалению, хозяйственные ямы, относящиеся к последнему периоду, разрушили ранние строения.

Траншея, заложенная на северо-западной стороне раскопа, выявила две параллельные каменные стены. Первая наружная стена толщиной 1,5 м находилась ниже второй на 4,5 м. Между ними было пространство 7 м. Первая стояла на грунте, вторая — на остатках пахсовой стены.

На городище собрана в основном керамика и немного костяных и каменных изделий. На донце посуды имеются тамгообразные знаки в виде креста и параллельных черточек. Такие тамги на поливной керамике встречаются в данном регионе довольно часто и характерны для посуды XVI—XVII вв.

Судя по материалам, города Жылан-караул и Ран существовали в одно время. Строительный материал и планировка, расположение жилых помещений, орудия труда, утварь — керамика, система отоп-

ления в этих городах одинаковы. Аналогии выявленному имеются в материалах зимовок и селищ XV—XVIII вв. Расположение городов в ущелье гор дает основание для вывода, что они возникали и развивались на базе кочевнических ставок и на местах постоянных зимовок.

Итак, проанализировав своеобразные виды оседлых поселений казахов, мы можем отметить, что больше распространен первый и второй типы поселений, т. е. зимовки, зимовки-поселения и селища (кыстак). Если ранние зимовки, зимовки-поселения (XV—XVII вв.) располагаются в основном на берегах больших рек, то поздние (XVII—XX вв.) — чаще в горной местности, в ущелье. Селища-кыстак с незначительным культурным слоем встречаются вблизи больших городищ. Нередко вокруг них находятся зимовки и зимовки-поселения. В таких сельских местностях жил простой люд, который занимался земледелием, подготавливая зимовки и зимовки-поселения к зиме.

Предложенная классификация оседлых поселений казахов XV—XIX вв. Южного и Центрального Казахстана не окончательная. Еще предстоит провести немало исследований, чтобы решить многие неясные вопросы, связанные с оседлостью казахов.

ДВА КЛАДА ДЖАНИДСКИХ ТЕНЕГ
XVII ВЕКА С ТЕРРИТОРИИ
ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

Р. З. Бурнашева

В статье рассматриваются вопросы денежного обращения Южного Казахстана в XVII в. на основе материалов двух небольших серебряных кладов из поселка Ленгер Чимкентской области и городища Отрар-тобе (1973 г.). Клад джанидских тенег из поселка Ленгер (70 экз.) был сдан в отдел археологии Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР старшим научным сотрудником отдела Е. И. Агеевой. При каких условиях он найден, нам неизвестно¹.

Клад состоит в основном из тенег Имам-Кули-хана (1020/1611—1051/1642), за исключением двух монет, представляющих чекан Вали-Мухаммад-хана (1014/1605—1020/1611) и Надир-Мухаммад-хана (1051/1642—1055/1645). На теньге последнего обозначен монетный двор, но без даты. Такое явление весьма характерно для джанидского чекана, и даже среди монет, совершенно однотипных по форме картушей и содержанию надписей встречаются как

---

¹ Клад хранится в отделе археологии Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР, № 12/1—80/70.

датированные, так и недатированные монеты². Картуши обеих сторон нашего экземпляра новые, неизвестные по публикациям, посвященным вопросам денежного обращения государства Джанидов XVII—XVIII вв.³ Следовательно, данный экземпляр новый, т. е. 16 тип в серебряном чекане Надир-Мухаммад-хана.

Эта монета № 44, $\varnothing = 25 \times 25$ мм, $\epsilon = 4,55$ г (табл. 1, 2).

Л. ст. В фигурном картуше содержится имя государя с его титулатурой и название монетного двора без даты: *نادر محمد بهادر خان*. *ضرب بخارا*. От круговой легенды читается слева часть титулатуры: *الخاقان*.

Об ст. В картуше из 16 мелких дужек символ веры: *لا اله الا الله محمد رسول الله*. Кругом все стерто.

Поскольку Надир-Мухаммад-хан в первые годы своего правления (1051—1052 г. х.) чеканил теньги только одного типа⁴, то новый, 16 тип, вероятно, был выпущен в последние два года его господства, т. е. в 1053 или 1054 г. х. (1644—1645 гг.). На основании этих данных можно считать, что ленгерский серебряный клад был спрятан в середине XVII в. Любопытно, что хозяин клада собирал в свой «мешочек» только теньги Имам-Кули-хана. Знакомство с другими джанидскими кладами, найденными в разное время на территории Средней Азии⁵ и Казахстана⁶, показывает, что именно теньги Имам-Кули-хана в количественном отношении преобладают в кладах из Ташкента и к северо-западу от него, т. е. в районах среднего и нижнего течения Сырдарьи. Такое явление свидетельствует об общности в денежном обращении двух крупных оазисов — Ташкентского и Отрарского — в исследуемое время.

Интересно, что во всех найденных джанидских кладах всегда имеется в наличии хотя бы один экземпляр теньги Имам-Кули-хана. Видимо, это объясняется его длительным правлением (31 год); а также тем, что его теньги, как правило, содержали высокий процент серебра. При нем обращались монеты разных проб: 6/10-й, 6,5/10-й, 7/10-й и 8/10-й, т. е. в них было от 60 до 80% серебра⁷.

Наличие в составе ленгерского клада типов 3 (60, 99%) и 50 (около 80%) говорит о том, что монеты клада подбирались с учетом со-

² Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. (Золотые и серебряные монеты Джанидов). Душанбе, 1964, с. 55.

³ В серебряном чекане Надир-Мухаммад-хана Е. А. Давидович выявила 15 типов. См.: Давидович Е. А. История монетного дела..., с. 59.

⁴ Там же, с. 106.

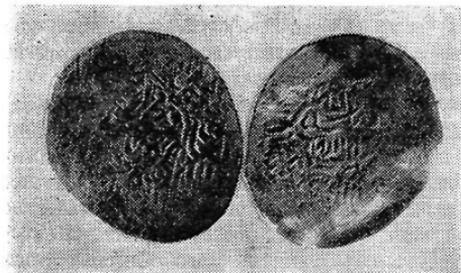
⁵ Там же, с. 60—81; Давидович Е. А. Заметки по нумизматике Средней Азии. Ч. 1 (Караханиды, Джагатаиды, Джаниды). — В кн.: Материальная культура Таджикистана. Вып. 2. Душанбе, 1971, с. 183—184.

⁶ Бурнашева Р. З. Монетный материал с городища Отрар-тобе за 1971—1972 годы. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 159—163. Клад состоит из 12 тенег: чекана Имам-Кули-хана — 6 экз.; Надир-Мухаммад-хана — 2 экз., остальные стерты.

⁷ Давидович Е. А. История монетного дела..., с. 106.

держания в них серебра. Такое предположение подтверждается наличием в кладе монеты Вали-Мухаммад-хана. Поэтому высокопробные теньги джанидских ханов в денежном обращении более позднего времени не участвовали, а выпадали в клады.

При работе над кладами мы составили таблицу картушей-типов чекана каждого государя по образцу Е. А. Давидович⁸. Они позволили определить в джанидском чекане новые типы и найти аналогию в литературе нашим экземплярам. В таблицах цифры, помещенные под рамкой слева, в углу, обозначают порядковый номер типа, а цифры под картушем указывают на совпадение той или другой стороны с типами, определенными Е. А. Давидович.

Фототаблица 1.
Монета Вали-Мухаммад-хана.

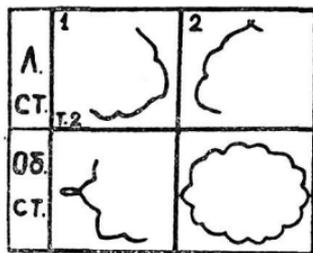

Таблица 1. Картуши серебряных монет Вали-Мухаммад-хана и Надир-Мухаммад-хана (Ленгер).

Монеты ленгерского клада определены нами почти полностью, за исключением двух экземпляров (один — стертый фрагмент, другой — стертая монета). Рассмотрим типы монет клада в хронологической последовательности правления джанидских государей.

Вали-Мухаммад-хан (1014/1605—1020/1611).

1. Тип 12 (новый)⁹, № 70: $\varnothing = 26 \times 30$ мм, $v = 4,5$ г (табл. 1, 1; фототабл. 1,1).

При определении типа монеты в джанидском чекане основным признаком является форма картушей обеих сторон. На нашем экземпляре картуш и надпись лицевой стороны совпадают с картушем и надписью лицевой стороны типа 2, выявленным Е. А. Давидович в серебряном чекане Вали-Мухаммад-хана¹⁰. Однако оборотная сторона нашей монеты имеет новый по форме, не встреченный в чекане этого хана картуш. Поэтому мы отнесли ее к новому, 12 типу в чекане Вали-Мухаммад-хана.

⁸ Таблицы картушей джанидского материала вычерчены инженером-чертежником отдела археологии Н. Л. Квинт, за что автор выражает ей благодарность.

⁹ В серебряном чекане Вали-Мухаммад-хана Е. А. Давидович выявлено 11 типов. См.: Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв., с. 58; *еже*. Заметки по нумизматике Средней Азии, с. 186.

¹⁰ Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв., с. 19, табл. 3.

Л. ст. В фигурном картуше содержится имя и титул государя: *ولی محمد بهادرخان*. От круговой легенды читается только часть титулатуры... *العا*, а также благопожелание... *خلد الله*.

Об. ст. В картуше символ веры: *لا اله الا الله محمد رسول الله*.
Кругом шерто.

Монеты типа 2, по определению Е. Д. Давидович, выпускал монетный двор в Бухаре¹¹. Поскольку на нашем экземпляре не имеется выпускных сведений, а его лицевая сторона совпадает с той же стороной типа 2, то будем считать 12 тип также выпуском Бухары. Е. А. Давидович вопрос об определении монетного двора по типу монет оставляет открытым. По ее мнению, все монеты одного типа можно считать выпуском одного города; в то же время она отмечает, что однотипные монеты могли чеканиться в разных монетных дворах, как это практиковалось в XVI в. при Шейбанидах¹².

Однако работа над нашими кладами (ленгерским и отрарским) и сравнение одинаковых картушей монет, производимых в период правления одного хана и различных джанидских государей, позволяют предположить, что именно однотипные монеты могли выпускаться на одном и том же дворе. Например, лицевая сторона 21 типа монеты Имам-Кули-хана совпадает с оборотной стороной ее 55 типа¹³, а также с монетами типа 3 и 10 Надир-Мухаммад-хана¹⁴ по обеим сторонам. Все они выпускались на Бухарском монетном дворе. Таких примеров можно привести много. Естественно, что каждый монетный двор стремился создать свой колоритный рисунок для отличия его продукции от монет других дворов, тем более, что в XVII в. название монетного двора на монете, как уже упоминалось, не было обязательным. Возможно, по рисунку картушей население различало денежную продукцию монетных дворов. Недаром в некоторых документах-купчих при характеристике серебряных тенег указывалось, какого они монетного двора: бухарские или же балхинские¹⁵.

Обилие монетных типов в джанидском чекане при его разнокурсности усложняло систему денежного счета при купле-продаже; особенно если учесть, что большее число разнотипных монет могло выпускаться в одной указной пробе¹⁶. Как же при такой сложной денежной системе население разбиралось в различных денежных курсах перегруппировках, которые составляли основу джанидского серебряного чекана?

По этому вопросу существуют два мнения¹⁷. Согласно Е. А. Да-

¹¹ Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. (Золотые и серебряные монеты Джанидов). Душанбе, 1964, с. 58, табл. 12.

¹² Там же, с. 63.

¹³ Там же, с. 22, табл. 4 а; с. 28, табл. 4б.

¹⁴ Там же, с. 36, табл. 5.

¹⁵ Там же, с. 126—127.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же; Кочнев Б. Д. Об особенностях серебряного обращения в Средней Азии XVII века. — «Общественные науки в Узбекистане», 1974, вып. 6. Ташкент, с. 53—56.

видович, теньги, находившиеся в обращении при Джанидах, как и в предшествующее время, делились на две группы — «старые» и «новые». Вновь выпущенные монеты приравнивались к 30 медным динарам и считались «новыми», а бывшие «новые» теньги переходили в категорию «старых» и продолжали обращаться уже по другому курсу соответственно пробе, которая определялась процентным содержанием серебра в монете. Практическим критерием для различения разных групп монет, т. е. монет разной пробы, разных монетных дворов и разнокурсных монет одной пробы, по мнению Е. А. Давидович, был тип. Проанализировав сведения письменных источников, она зафиксировала в денежном обращении XVII в. девять разных курсов, которые определила десятичными дробями; теньги «девяти-десятые», «восьми-десятые», «семи-десятые» и т. д. Кроме того, она считает, что с помощью дробей выяснялась, во-первых, проба металла, во-вторых, курсовое отношение «старых» тенег к «новым», т. е. если «новые» теньги равнялись 30 динарам, то «старые» теньги «девяти-десятые» приравнивались к 27 динарам, «восьми-десятые» — к 24 и т. д. Но в некоторых документах (в частности, вакфнома 1642 г. и купчая 1657 г.) при характеристике серебряных «старых шести-десятых» монет кроме обычных перечислений приведены такие дополнительные сведения: «уменьшенные на десять нахудов» (примерно 10 нахудов или 2 г). В понимании Е. А. Давидович, в этих монетах содержится 6/10 серебра и 4/10 лигатуры, что подтверждается химическим анализом монет. Поскольку проба «новых» монет могла быть разной (общая тенденция — все большее ее ухудшение), а завышенный принудительный курс правительство устанавливало для них одинаковый (30 динаров), то ясно, что уровень принудительности этого курса на протяжении XVII в. часто колебался. Иначе говоря, монеты, в которых серебра было 90, 70 или 35%, будучи «новыми», одинаково приравнивались к 30 медным динарам, а уровень принудительности для них соответственно изменялся от 10 до 65%, что весьма существенно отражалось на кошельке владельца¹⁸.

В отличие от Е. А. Давидович Б. Д. Кочнев считает, что так как типов в джанидском чекане много и формы картушей очень похожи, то тип монеты не является главным определяющим критерием при выяснении ее пробы и курса. По его мнению, все «старые» монеты, несмотря на свою разнородность, определенное время обращались по одному курсу. Выражение «уменьшенные на 10 нахудов» в документах 1642 и 1657 гг. Б. Д. Кочнев понимает как уменьшение стоимости «старой шести-десятой» теньги на 10 нахудов (примерно на 40%) серебра по сравнению с ее первоначальной стоимостью, т. е. когда она приравнивалась к 30 динарам¹⁹. В данном случае разъяснение Б. Д. Кочнева, на наш взгляд, совпадает с утверждением Е. А.

¹⁸ Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв., с. 131.

¹⁹ Кочнев Б. Д. Об особенностях серебряного обращения..., с. 55.

Давидович, которая говорит о том же, но другими словами: определение «шести-десятих» соответствует определению через нахуды. Иначе говоря, курс этих монет обусловлен их пробой, содержанием в них серебра²⁰. Упоминание в одном и том же году 1032 г. х. «шести с половиной десятых» и «восьми-десятих» тенег Б. Д. Кочнев объясняет частыми изменениями курса «старых» тенег и частыми превращениями «новых» тенег в «старые»²¹. Такое объяснение также не ново, поскольку его уже высказывала Е. А. Давидович. Она писала: «...разнокурсовые монеты не просто сменяли друг друга, а на определенных отрезках времени обращались параллельно»²².

Дельным замечанием по поводу обращения джанидских серебряных тенег XVII в., на наш взгляд, является гипотеза Б. Д. Кочнева о том, что «старые» разнопробные теньги какое-то определенное время обращались по одному курсу²³. Естественно, спустя некоторое время эта группа «старых» тенег обращалась на рынке уже по другому курсу. Нельзя рассматривать все разнопробные «старые» теньги как одно целое или как одну курсовую группу. Видимо, «старые» теньги, бывшие в обращении, тоже имели хождение по каким-то определенным правилам. Возможно, все старые и полустертые теньги составляли одну курсовую группу на рынке, несмотря на пробу, но в казну принимались уже только по пробе. Во вторую курсовую группу входили теньги, только что перешедшие в категорию «старых», а в третью — «старые» теньги, промежуточные между совсем «старыми» и только что перешедшими в категорию «старых» и т. д. О наличии разных курсовых групп и свидетельствуют приводимые Е. А. Давидович документы, в которых говорится об обращении в одном и том же году тенег «семи-десятих» с «шести-десятью» и «трех с половиной-десятью»²⁴. Каким же образом население практически различало монеты разных курсовых групп? Проба металла не могла быть критерием, поскольку добавка меди в пределах не более 40—50% не меняла цвета серебра²⁵. Внешний облик и форма монет на протяжении всего джанидского серебряного чекана оставались почти неизменными, колебался лишь вес в пределах одного мискаля, т. е. 4,8 г.

Вопрос ясен, когда речь идет о новых, только что отчеканенных монетах, курс которых приравнивался к 30 динарам, и «старых» стертых и полустертых тенег, курс которых, вероятно, то же был определенным. Но как же различались курсовые промежуточные группы? Тут, вероятно, права Е. А. Давидович, заявляя, что критерием для выяснения курса и пробы теньги был ее тип. На сохранившихся

²⁰ Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. (Золотые и серебряные монеты Джанидов). Душанбе, 1964, с. 95.

²¹ Кочнев Б. Д. Об особенностях серебряного обращения..., с. 55.

²² Давидович Е. А. История монетного дела..., с. 93.

²³ Кочнев Б. Д. Об особенностях серебряного обращения..., с. 55.

²⁴ Давидович Е. А. История монетного дела..., с. 93.

²⁵ Любавин Н. Н. Техническая химия. Т. IV. М., 1906, с. 842 (цит. по Е. А. Давидович. История монетного дела..., с. 120, прим. 106.).

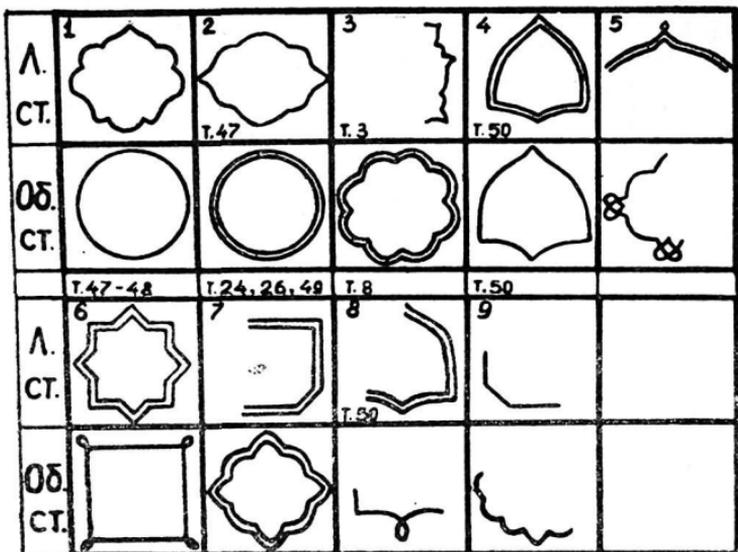
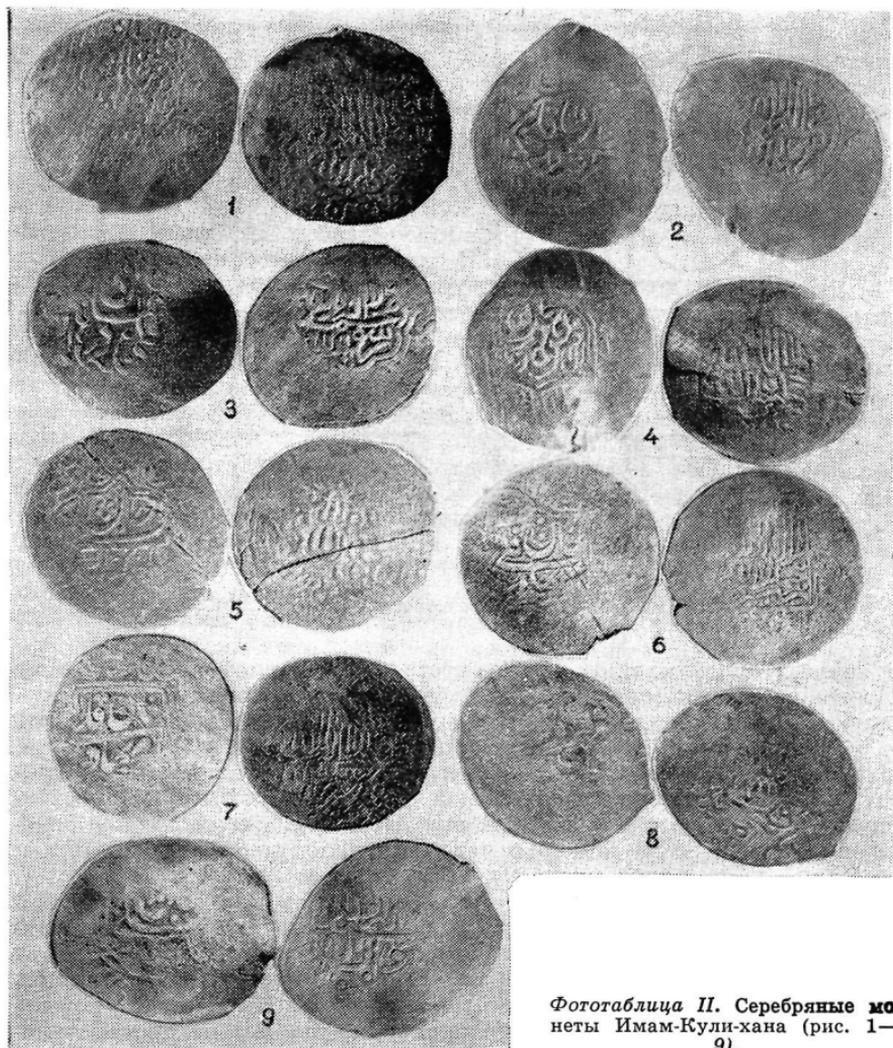

Таблица II. Картуши серебряных монет Имам-Кули-хана (Ленгер).

ся теньгах хорошо видны прежде всего картуши, позволяющие сразу определить тип монеты. Поскольку чеканка серебряных монет в государстве Джанидов являлась прерогативой государственной власти, то рынок никогда не обеспечивался достаточным количеством не только высокопробной, но даже и низкопробной монетной продукции²⁶. Следовательно, из-за малой монетной эмиссии в курсовую перегруппировку включалось незначительное количество монет определенного типа, что в какой-то мере облегчало определение курса и пробы теньги по типовым качествам и монетным дворам.

Что же касается исключительно редких находок или отсутствия вкладах высокопробных монет трех предшествующих Имам-Кули-хану джанидских государей, то, вероятно, вследствие своей высокой пробы теньги этих ханов в качестве «старых» монет быстро изымались государством из денежного обращения и перечеканивались в «новые» монеты более низкой пробы. Это приносило казне государства немалый доход. Высказанное предположение подтверждает наш ленгерский клад с единственной монетой Вали-Мухаммад-хана. Иначе джанидские клады серебряных тенег должны были содержать немалое количество высокопробных монет.

²⁶ Давидович Е. А. История монетного дела..., с. 214.

Фототаблица II. Серебряные монеты Имам-Кули-хана (рис. 1—9).

Для детального ознакомления с материалом ленгерского клада мы разнесли монеты по типам на две таблицы. В первую таблицу вошли картуши монет Вали-Мухаммад-хана и Надир-Мухаммад-хана (табл. I, 1—2), во вторую — картуши тенег Имам-Кули-хана, которые составили 9 типов (табл. II, 1—9).

Имам-Кули-хан (1020/1611—1051/1642).

1. Тип 60, новый, № 1: $\partial=28 \times 23$ мм, $v=4,43$ г (табл. II, 1; фототабл. II, 1)²⁷.

Л. ст. В фигурном картуше содержится имя государя с его титулатурой: امام قلى بهادر خان. Вокруг стерто.

Об. ст. В одинарном линейном картуше читается символ веры. Кругом стерто.

Картуш лицевой стороны новый, неповторимый, картуш оборотной стороны встречен нами на типах 21, 47 и 48, определенных Е. А. Давидович²⁸. Тип 21 отнесен Е. А. Давидович к чекану Бухары, дата отсутствует, а типы 47—48 относятся к чекану неизвестного города, дата также отсутствует²⁹. По совпадению картушей оборотных сторон типов 60 и 21 будем считать 60 тип чеканом Бухары³⁰.

2. Тип 61, новый, № 2—42, 46, 48—52 (табл. II, 2; фототабл. II, 2). Из 70 монет клада 49 экземпляров этого типа. Размер их от 23×20 до 28×31 мм. Судя по весу, данный тип чеканился на высоком уровне. Диапазон колебаний незначительный. Средний вес монет составляет 4,64 г.

По почерку и украшениям на лицевой стороне тип 61 делится на два варианта. Лицевая сторона обоих вариантов содержит обычную надпись с именем государя, как на типе 60. Только в первом варианте в слове خان над «нуном» имеется пятилепестковый цветок, а во втором — цветок со стебельком. Надпись оборотной стороны такая же, как на типе 60. Картуш лицевой стороны обоих вариантов совпадает с типом 47, известным по работе Е. А. Давидович³¹, а картуш оборотной стороны — с типами 24 и 26 из той же работы³². Место чекана 47 типа неизвестно³³, типы 24 и 26 выпущены Бухарским монетным двором³⁴. Возможно, тип 61 также чеканен в Бухаре.

3. Тип 62, новый, № 53—57, т. е. 5 экземпляров: $\partial_1=27 \times 30$ мм, $\partial_2=24 \times 30$ мм, $\partial_3=27 \times 28$ мм, $\partial_4=25 \times 28$ мм, $\partial_5=24 \times 27$ мм; $v_1=4,4$ г, $v_2=4,52$ г, $v_3=4,6$ г, $v_4=4,52$ г, $v_5=4,55$ г (табл. II, 3, фото-

²⁷ В серебряном чекане Имам-Кули-хана Е. А. Давидович определила 57 типов (см.: Давидович Е. А. История монетного дела..., с. 28; *е е же*. Заметки по нумизматике..., с. 185). Тип 57 еще не опубликован. Типы 58—59 выявлены Р. З. Бурнашевой среди монет из клада, найденного на Отрар-тобе в 1972 г. (см.: Бурнашева Р. З. Монетный материал с городища Отрар-тобе за 1971—1972 гг., с. 179—180).

²⁸ Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв., с. 22, табл. 4а; с. 28, табл. 4б.

²⁹ Там же, с. 58.

³⁰ К сожалению, в статье Б. Д. Кочнева монеты джанидских государей не рассмотрены по типовым признакам. В ней с учетом Регистанского клада, подсчитано общее количество типов тенег Имам-Кули-хана (84) и Надир-Мухаммад-хана (13). Последняя цифра ошибочна (видимо, опечатка), известно 15 типов. См.: Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв., с. 36, табл. 5.

³¹ Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв., с. 28, табл. 4б.

³² Там же, с. 22, табл. 4а; с. 28, табл. 4в.

³³ Там же, с. 58.

³⁴ Там же.

табл. II, 3). Все пять экземпляров имеют ту же надпись с цветком над «нуном», как на первом варианте типа 61. Обратная сторона их содержит символ веры. Картуш лицевой стороны новый, весьма причудливой формы (табл. II, 3). Картуш же оборотной стороны в виде удвоенного восьмидужника и совпадает с лицевой стороной типа 8 в чекане Имам-Кули-хана³⁵. Тип 8 чеканился в Бухаре³⁶.

4. Тип 50, № 58—64, т. е. 7 экземпляров: $d_1=24 \times 30$ мм, $d_2=25 \times 30$ мм, $d_3=25 \times 26$ мм, $d_4=25 \times 26$ мм, $d_5=26 \times 28$ мм, $d_6=25 \times 26$ мм, $d_7=25 \times 28$ мм; $v_1=4,45$ г, $v_2=4,55$ г, $v_3=4,52$ г, $v_4=4,49$ г, $v_5=4,5$ г, $v_6=4,47$ г, $v_7=4,5$ г (табл. II, 4; фототабл. II, 4).

Этот тип полностью совпадает с типом 50, выявленным Е. А. Давидович, поэтому его описание мы опускаем³⁷.

Наши монеты (№ 59, 62 и 64) позволяют полностью восстановить картуш оборотной стороны типа 50, который был частично дан Е. А. Давидович. Место чеканки неизвестно.

5. Тип 63, новый, № 65: $d=27 \times 28$ мм, $v=4,52$ г (табл. II, 5; фототабл. II, 5).

Л. ст. В фигурном картуше содержится имя государя с частью титула, как и на других типах. Вокруг все стерто.

Об. ст. В фигурном картуше имеется символ веры, кругом стерто. Картуши лицевой и оборотной сторон новые, следовательно, и тип новый. Место выпуска и дата неизвестны.

6. Тип 64, новый, № 66: $d=26 \times 27$ мм, $v=4,68$ г (табл. II, 6; фототабл. II, 6).

Л. ст. В двойном восьмиугольнике дано имя государя с частью титулатуры. Вокруг стерто.

Об. ст. В одинарном квадратном картуше, по углам которого листики, символ веры. Вокруг стерто.

Картуш двойной восьмиугольной формы впервые появляется в чекане Имам-Кули-хана (тип 64), а затем в чекане Абдулазиз-хана (тип 7) и на лицевой стороне чекана Бухары (тип 15) и Абдулфаиз-хана (тип 1). Но нигде на этих монетах, кроме типа 15 (Бухара), не указано ни место чекана, ни год выпуска.

7. Тип 65, новый, № 67: $d=25 \times 26$ мм, $v=4,5$ г (табл. II, 7; фототабл. II, 7).

Л. ст. В двойном квадратном картуше, углы которого в нижней части срезаны, содержится имя государя с частью титулатуры. Вокруг стерто.

Об. ст. В двойном фигурном картуше имеется символ веры. Вокруг стерто.

Картуш оборотной стороны известен по чекану Вали-Мухаммад-

³⁵ Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв., с. 22, табл. 4а.

³⁶ Там же, с. 58.

³⁷ Там же, с. 28, табл. 4а.

хана (об. ст. типа 9), Надир-Мухаммад-хана (тип 6) и Абдулфаиз-хана (л. ст. типа 37). Опять-таки ни места чекана, ни года выпуска эти монеты не имеют.

8. Тип 66, новый, № 68: $d=25 \times 28$ мм, $v=4,55$ г (табл. II, 8; фототабл. II, 8).

Л. ст. В картуше, как на типе 50, надпись с именем государя. Вокруг стерто.

Об. ст. В картуше содержится символ веры. Вокруг стерто.

Картуш оборотной стороны новый. Место чеканки и дата выпуска монеты неизвестны.

Таким образом, ленгерский клад дал нам в серебряном чекане каждого джанидского государя новые типы: Вали-Мухаммад-хана — один тип (12), Надир-Мухаммад-хана — один тип (16) и Имам-Кули-хана — семь типов (с 60 по 66 включительно). Место чекана и дата выпуска 12 типа Вали-Мухаммад-хана неизвестны; 16 тип Надир-Мухаммад-хана чеканен в Бухаре, даты выпуска нет.

Теньги Имам-Кули-хана частично бухарские, частично из неизвестного города. К сожалению, нам не удалось сделать химический анализ монет ленгерского клада. Однако благодаря наличию в составе клада 50 типа монет Имам-Кули-хана (около 80% серебра)³⁸ и монеты Вали-Мухаммад-хана, чекан которого также высокопробен³⁹, можно сказать, что наш клад собирался с учетом качества монеты.

Второй клад джанидских тенег (48 экз.) найден в 1973 г. на Отрартобе в раскопе IV, в истлевшем матерчатом мешочке⁴⁰. В отличие от ленгерского отрарский клад, несмотря на малое количество, характеризуется обилием типов монет разных джанидских государей. По монетам Абдулазиз-хана (1055/1645—1091/1680) и четырьмя «велико-моголистанского» хана Шаха-Джахана (1627—1658 гг.), на которых имеется дата выпуска — 1057 г. х./1647 г., — клад датируется, как и ленгерский, серединой XVII в. Кроме монет этих правителей, в составе клада имеются теньги Имам-Кули-хана (13 экз.) и Надир-Мухаммад-хана (9 экз.). Монет, не поддающихся определению, восемь. Из них две монеты совершенно стерты, остальные шесть являются новыми типами, неизвестными по публикациям. Поэтому их нельзя отнести к чекану какого-либо джанидского правителя. Для более удобного ознакомления с монетным материалом этого клада мы составили таблицы картушей четырех названных правителей и одну таблицу типов монет неизвестных правителей.

Таблицы построены по тому же принципу, что и предыдущие. Поскольку при описании ленгерского клада были рассмотрены две таб-

³⁸ Там же, с. 107.

³⁹ Там же, с. 105—106.

⁴⁰ Клад хранится также в отделе археологии Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР под № 437/10—437/57 включительно.

лицы, то мы продолжим по порядку нумерацию таблиц отарского клада⁴¹.

В таблице третьей даны монеты, на которых надписи настолько стерты, не говоря о выпускных сведениях, что трудно установить, к

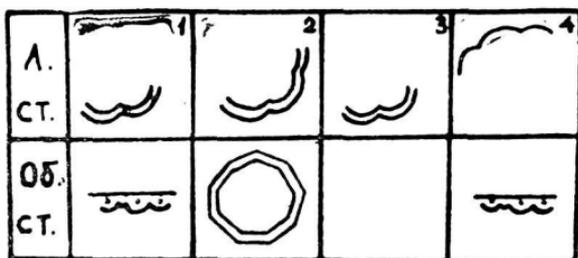
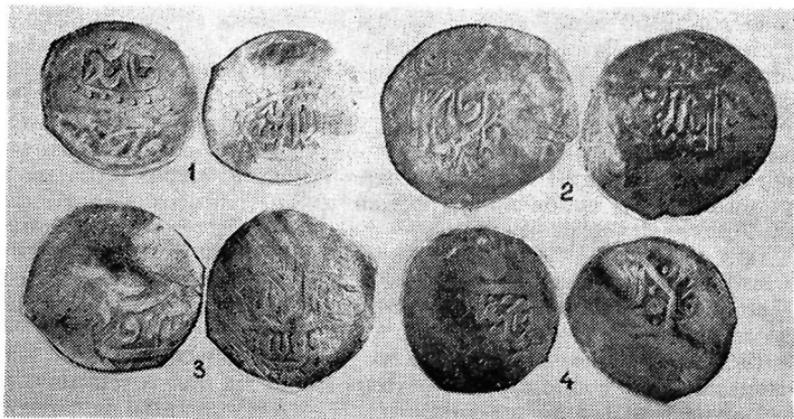

Таблица III. Картуши тенег неизвестных правителей (Отар).

Фотогтаблица III. Серебряные монеты Имам-Кули-хана (рис. 1—4).

чекану какого хана они могут быть отнесены. Определение их затрудняется еще и тем, что картуши на этих монетах новые в джанидском чекане. Монеты за № 437/16: $\varnothing=19 \times 21$ мм, $v=4,3$ г и № 437/56: $\varnothing=21 \times 22$ мм, $v=3,95$ г совершенно стерты и потому не включены в таблицу.

⁴¹ Номера хранения отарского клада имеют дробные обозначения: 437/10, 437/11 и т. д. При описании таблиц мы будем пользоваться только вторыми цифрами, поскольку первое число для всего клада одно и то же — 437.

Рассмотрим типы неизвестных монет в таблице III по порядку. К первому номеру относятся монеты за № 13: $\varnothing=21 \times 22$ мм, $\epsilon=3,85$ г; № 17: $\varnothing=20 \times 22$ мм, $\epsilon=4,25$ г и № 57: $\varnothing=21 \times 23$ мм,

Л. СТ.	1 г.28	2 г.2	3 г.10	4 г.23
Об. СТ.		г.2	г.10	г.48
Л. СТ.	6	7 г.2	8	9 г.24
Об. СТ.	г.13, 31	г.2		
				10

Таблица IV. Картуши серебряных монет Имам-Кули-хана (Отрар).

$\epsilon=4,25$ г. Они однотипны по рисунку картушей (табл. III, 1). К этому же типу по картушу лицевой стороны близка монета № 19: $\varnothing=20 \times 21$ мм, $\epsilon=4,17$ г (табл. III, 3). Картуш ее оборотной стороны стерт. По картушу оборотной стороны сюда же примыкает монета № 20: $\varnothing=25 \times 26$ мм, $\epsilon=4,25$ г (табл. III, 4), хотя она представляет собой новый тип, так как картуш ее лицевой стороны новый. И, наконец, монета № 18: $\varnothing=23 \times 25$ мм, $\epsilon=4,10$ г (табл. III, 2) — это также новый тип в джанидском чекане, поскольку картуши обеих ее сторон новые. Возможно, дальнейшие находки джанидских тенег помогут выяснить принадлежность наших неизвестных типов.

Самые ранние монеты отрарского клада принадлежат к чекану Имам-Кули-хана (13 экз.). Они представлены в таблице IV, которая включает 10 типовых номеров, за исключением монеты № 15, на лицевой стороне которой сохранилось еле заметное قلى «...Кули...». Картуши с обеих сторон не просматриваются либо из-за плохой сохранности, либо вообще отсутствуют.

Имам-Кули-хан (1020/1611—1051/1642).

№ 1 — вариант типа 28, № 10: $\varnothing=22 \times 23$ мм, $\epsilon=4,13$ г (табл. IV, 1). Эта монета по рисунку картушей почти полностью повторяет

тип 28, известный по публикациям Е. А. Давидович⁴², только в картуше оборотной стороны ее между двумя линейными ободками отсутствует точечный. Поскольку место чекана типа 28 не выяснено, то наша монета по месту чеканки также не определена; процентное содержание в ней серебра колеблется от 59,56 до 60,56%⁴³.

№ 2 — вариант известного типа 2, № 11: $\varnothing=22 \times 24$ мм; $v=4,20$ г (табл. IV, 2). Надпись лицевой стороны из-за плохой сохранности не разобрать, но отчетливо видны три цифры даты: 105 г. х. (1647 г.), которую следует читать, повернув монету на 180°. Согласно дате ее можно отнести к чекану Надир-Мухаммад-хана или Абдулазиз-хана, но по рисунку картушей она ближе к чекану Имам-Кули-хана последнего года его правления. Наш экземпляр в отличие от типа 2⁴⁴ на оборотной стороне имеет одинарную линию того же рисунка. Место чеканки типа 2 — Бухара⁴⁵, по содержанию серебра (56,06%) монета соответствует 6/10 пробе.

№ 3 повторяет известный тип 10⁴⁶. К этому номеру относятся три монеты — № 12: $\varnothing=22 \times 24$ мм, $v=3,90$ г; № 25: $\varnothing=21 \times 22$ мм, $v=4,17$ г; № 27: $\varnothing=22 \times 24$ мм, $v=4,05$ г (табл. IV, 3; фототабл. III, 1). Место чеканки типа 10 неизвестно, по содержанию серебра это 6,5/10 проба⁴⁷. Такой же рисунку картуша довольно распространен в чекане Абдулазиз-хана. Аналогична нашему типу монета типа 10 Абдулазиз-хана, а также лицевая сторона типа 11 и 31 его же монет⁴⁸. Только у типа 31 известно место чекана — Бухара. Возможно, наши монеты выпускались на этом же монетном дворе.

№ 4 — тип 67, новый, № 14: $\varnothing=23 \times 23$ мм, $v=4,05$ г (табл. IV, 4). На лицевой стороне в новом для чекана Имам-Кули-хана картуше сохранилась часть от имени — كولي «Кули». Вокруг все стерто. Картуш оборотной стороны в виде прямоугольника встречается в чекане Баки-Мухаммад-хана (тип 8, л. ст.)⁴⁹, Имам-Кули-хана (тип 48, л. ст.)⁵⁰ и Субхан-Кули-хана (тип 1, об ст.)⁵¹. Место чеканки — Бухара — известно только в чекане последнего правителя. Поскольку место выпуска монет первых двух правителей не выяснено, чеканку типа 67 мы относим к числу неизвестных.

№ 5 — тип 68, новый, № 21: $\varnothing=24 \times 30$ мм, $v=4,05$ г (табл. IV, 5).

⁴² Давидович Е. А. История монетного дела..., с. 28, табл. 4а; с. 69, табл. 22.

⁴³ Приведенные примеры содержания серебра в монетах мы взяли из работы Е. А. Давидович. Однако это не значит, что данный тип содержал именно такое количество серебра. Возможны отклонения в ту или другую сторону.

⁴⁴ Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв., с. 22, табл. 4а; с. 62, табл. 16; с. 69, табл. 22.

⁴⁵ Там же, с. 58.

⁴⁶ Там же, с. 22, табл. 4а.

⁴⁷ Там же, с. 108.

⁴⁸ Там же, с. 40, табл. 6.

⁴⁹ Там же, с. 17, табл. 2.

⁵⁰ Там же, с. 28, табл. 4б.

⁵¹ Там же, с. 49, табл. 7.

Л. ст. В картуше, имеющем форму удвоенного восьмиугольника, совпадающего с типом 23⁵², сохранилось только имя правителя — امام قلی «Имам-Кули...». Вокруг все стерто.

Об. ст. В картуше в виде удвоенного семиугольника читается символ веры. Вокруг все стерто. Поскольку картуш оборотной стороны новый, данный экземпляр мы отнесли к новому типу. Тип 23 был чеканен в городе Бухаре⁵³, по процентному содержанию серебра он относится к 6/10 пробе⁵⁴.

№ 6 — тип 69, новый, № 22: $\varnothing=21 \times 21$ мм, $\epsilon=4,05$ г (табл. IV, 6).

Л. ст. содержит как бы в надчекане часть от имени ... امام ... «...Имам...». От круговой легенды читается فان «кан...», видимо, от الخاقان «ал — хакан».

Об. ст. В удвоенном прямоугольном картуше сохранилась часть от символа веры. Вокруг стерто. Картуш такого же типа встречается в чекане Имам-Кули-хана в типе 13 (об. ст.); у Надир-Мухаммад-хана в типе 15 (об. ст.); у Абдулазиз-хана в типах 12, 22 и 31 (об. ст.). Типы 22 и 31 Абдулазиз-хана выпущены Бухарским монетным двором. Возможно, перечисленные типы монет являются продукцией этого же города.

№ 7 — тип 2, № 23: $\varnothing=21 \times 22$ мм, $\epsilon=4,07$ г (табл. IV, 7). Поскольку наш экземпляр полностью соответствует типу 2, рассмотренному Е. А. Давидович⁵⁵, мы не будем его описывать.

№ 8 — тип 70, новый, № 24: $\varnothing=25 \times 27$ мм, $\epsilon=3,95$ г (табл. IV, 8; фототабл. III, 2).

Л. ст. В картуше содержится имя правителя и часть его титулатуры: امام... بهادر خان. Вокруг все стерто.

Об. ст. В таком же картуше, как на лицевой стороне, содержится символ веры. Вокруг стерто. Картуши на данном экземпляре с обеих сторон новые, поэтому он относится к новому типу в чекане Имам-Кули-хана.

№ 9 — тип 71, новый, № 26: $\varnothing=21 \times 22$ мм, $\epsilon=4,25$ г (табл. IV, 9; фототабл. III, 3).

Л. ст. Картуш не просматривается (стерт или вообще отсутствует). От надписи сохранилась часть от имени правителя с едва заметной датой; 1044 г. х./1634 г. В чекане Имам-Кули-хана монеты с такой датой еще не зафиксированы. Следовательно, наш экземпляр восполняет лауну в хронологической таблице этого правителя. Вокруг все стерто.

Об. ст. В фигурном картуше сохранилась часть от символа веры. Вокруг стерто. Поскольку картуш оборотной стороны новый, данная монета относится к новому типу в серебряном чекане Имам-Кули-хана.

⁵² Там же, с. 22, табл. 4а.

⁵³ Там же, с. 58, табл. 13.

⁵⁴ Там же, с. 109.

⁵⁵ Там же, с. 22, табл. 4а.

№10 — тип 72, новый, № 55: $\varnothing=21 \times 23$ мм, $v=4,27$ г (табл. IV, 10; фототабл. III, 4).

Л. ст. имеет картуш, который совпадает с типом 24, приведенным в работе Е. А. Давидович⁵⁶. От надписи частично сохранилось имя с титулатурой: بهادر... امام «Имам... бахадур». Кругом стерто.

Об. ст. В картуше — однолинейном восьмиграннике — сохранилась часть от символа веры. Кругом стерто. Поскольку картуш оборотной стороны новый, монета отнесена к новому, 72 типу в чекане Имам-Кули-хана.

Надир-Мухаммад-хан (1051/1642—1055/1645).

Его монет в оттарском кладе девять, они рассмотрены в таблице V, включающей пять номеров.

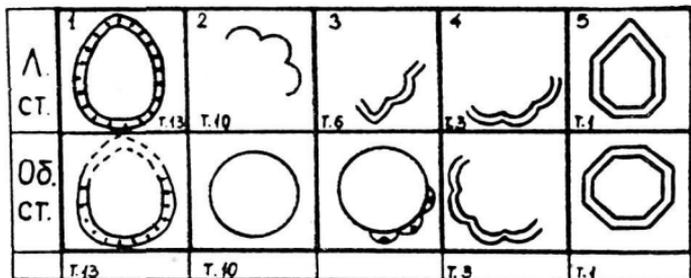

Таблица V. Картуши серебряных монет Надир-Мухаммад-хана (Оттар).

№ 1 полностью соответствует известному типу 13 в чекане Надир-Мухаммад-хана. Под этим номером проходят две монеты — № 28: $\varnothing=23 \times 24$ мм, $v=4,15$ г и № 36: $\varnothing=25 \times 26$ мм, $v=3,95$ г (табл. V, 1; фототабл. IV, 1).

На лицевой стороне нашего экземпляра имеется дата 1055 г. х./1645 г. Видимо, монеты этого типа выпускались в последний год правления Надир-Мухаммад-хана. В его хронологической таблице эта дата отсутствовала. По сведениям А. Е. Давидович, тип 13 чеканен на монетном дворе Балха⁵⁷. По всей вероятности, наш экземпляр также относится к чекану этого города. Мы знаем, что в 1645 г. Надир-Мухаммад-хан поспешно удалился из Бухары в Балх, когда узнал, что его сын Абдулазиз провозглашен главой государства Джанидов⁵⁸.

№ 2 — тип 10, № 19: $\varnothing=20 \times 25$ мм, $v=4,12$ г (табл. V, 2). Он

⁵⁶ Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. (Золотые и серебряные монеты Джанидов). Душанбе, 1964, с. 22, табл. 4а.

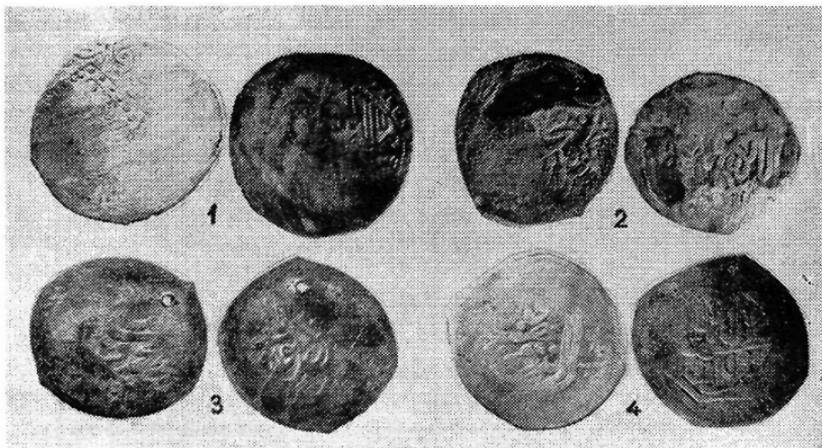
⁵⁷ Там же, с. 59.

⁵⁸ История Узбекской ССР. С древнейших времен до середины XIX в. Т. I. Ташкент, 1967, с. 552.

известен по работе Е. А. Давидович⁵⁹, место его чекана — город Бухара⁶⁰.

№ 3 — тип 17, новый. К этому номеру относятся несколько монет — № 30: $\varnothing=20 \times 21$ мм, $\epsilon=3,95$ г; № 31: $\varnothing=22 \times 23$ мм, $\epsilon=3,95$ г; № 32: $\varnothing=20 \times 23$ мм, $\epsilon=4,05$ г; № 33: $\varnothing=22 \times 24$ мм, $\epsilon=3,95$ г (табл. V, 3; фототабл. IV, 2).

Л. ст. имеет картуш и надпись, совпадающие с лицевой стороной типа 6 по работе Е. А. Давидович⁶¹. Вокруг все сведения стерты. Тип 6 чеканен в городе Бухаре⁶².

Фототаблица IV. Серебряные монеты Надир-Мухаммад-хана (рис. 1—4).

Об. ст. имеет картуш новый для чекана Надир-Мухаммад-хана, но уже зафиксированный ранее в чекане Имам-Кули-хана в типах 5 (л. и об. ст.) и 33 (об. ст.). Поскольку эти типы выпущены на монетном дворе Балха⁶³, то тип 17 Надир-Мухаммад-хана будем считать чеканом этого же города. В правильности данной версии убеждает численное превосходство монет с этим картушем.

№ 4 — тип 3, № 34: $\varnothing=22 \times 24$ мм, $\epsilon=4,25$ г (табл. V, 4; фототабл. IV, 3). Данный тип описан в работе Е. А. Давидович⁶⁴. Чеканен он в г. Бухаре в 1053 г. х./1643 г., серебра в нем от 60,45 до 60,57%⁶⁵.

⁵⁹ Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв., с. 36, табл. 5.

⁶⁰ Там же, с. 59, табл. 14.

⁶¹ Там же, с. 36, табл. 5.

⁶² Там же, с. 59, табл. 14.

⁶³ Там же, с. 58, табл. 16.

⁶⁴ Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв., с. 36, табл. 5.

№ 5 — тип 1, № 35: $\varnothing = 23 \times 25$ мм, $\epsilon = 4,25$ г (табл. V, 5; фототабл. IV, 4).

Эта монета совпадает с известным по работе Е. А. Давидович типом⁶⁶, который выпущен в Бухаре в 1051—1052 г. х./1641—1642 гг.⁶⁷, содержание серебра в нем 61,15%⁶⁸.

В отличие от ленгерского клада в отрарском имеются теньги Абдулазиз-хана (1645—1680). По некоторым его монетам 1647 г. мы датировали наш клад серединой XVII в. Возможно, он был спрятан позднее, так как на других монетах даты не обозначены. Теньги Абдулазиз-хана (14 экз.) рассмотрены в таблице V, которая включает 9 номеров.

Абдулазиз-хан (1055/1645—1091/1680).

№ 1 — тип 33 объединяет несколько монет — № 37: $\varnothing = 23 \times 27$ мм, $\epsilon = 4,02$ г; № 38: $\varnothing = 25 \times 28$ мм, $\epsilon = 4,15$ г; № 39: $\varnothing = 24 \times 26$ мм, $\epsilon = 4,17$ г (табл. V, 1; фототабл. V, 1).

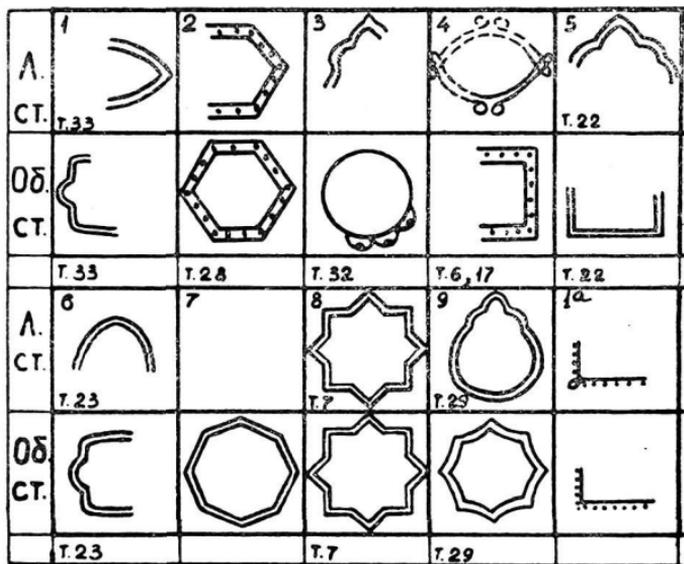

Таблица VI. Картуши серебряных монет Абдулазиз-хана (Отрар).

Этот тип монет определен Е. А. Давидович⁶⁹, однако на ее экземпляре дата отсутствует. На наших монетах стоит дата — 1057 г. х./1647 г., меньше стерт картуш оборотной стороны. Место выпуска мо-

⁶⁵ Там же, с. 59, табл. 14.

⁶⁶ Там же, с. 36, табл. 5.

⁶⁷ Там же, с. 59, табл. 14.

⁶⁸ Там же, с. 40, табл. 6.

⁶⁹ Там же.

нет неизвестно. Но так как картуши этих тенег совпадают с картушами типа 11 (л. и об. ст.), 24 (л. ст.) и 38 (об. ст.) в чекане Имам-Кули-хана ⁷⁰, которые выпускались Бухарским монетным двором, то, возможно, и тип 33 Абдулазиз-хана был чеканен там же.

№ 2 — тип 28, № 40: $\varnothing=23 \times 25$ мм, $\sigma=3,85$ г (табл. VI, 2; фототабл. V, 2). Тип определен Е. А. Давидович ⁷¹, его чекан относится к числу неизвестных городов.

№ 3 — тип 32, № 41: $\varnothing=22 \times 25$ мм, $\sigma=4,22$ г (табл. VI, 3; фототабл. V, 3). Тип описан Е. А. Давидович ⁷². Место его чеканки неизвестно. Любопытно, что картуши этого типа совпадают с картушами типа 17 в чекане Надир-Мухаммад-хана (см. табл. V, 3), а тип 17 мы определили как выпуск Балха. По всей вероятности, тип 32 Абдулазиз-хана чеканен в том же городе.

№ 4 — тип 43, новый ⁷³. К этому номеру относятся несколько монет — № 42: $\varnothing=22 \times 26$ мм, $\sigma=4,25$ г; № 43: $\varnothing=20 \times 28$ мм, $\sigma=4,18$ г (табл. VI, 4; фототабл. V, 4).

Л. ст. В картуше содержится имя правителя с частью титула: خان... عبدالعزیز. Вокруг все стерто.

Об. ст. В картуше символ веры لا اله الا الله محمد رسول الله. Вокруг все стерто. Картуши оборотной стороны типа 43 совпадают с оборотными сторонами картушей типа 6 и 17 в чекане монет Абдулазиз-хана. Тип 6 чеканен в Бухаре ⁷⁵. Возможно, наши экземпляры выпущены монетным двором этого же города.

№ 5 — тип 22, две монеты — № 44: $\varnothing=26 \times 27$ мм, $\sigma=4,01$ г; № 48: $\varnothing=23 \times 24$ мм, $\sigma=4,25$ г (табл. VI, 5; фототабл. V, 5). Он описан в работе Е. А. Давидович ⁷⁶. На лицевой стороне второго экземпляра читается место выпуска и дата: بخارا ١٠٠٩ «Бухара, 1059 г. х./1649 г.» Е. А. Давидович сомневалась в правильности последней цифры датировки, поскольку на ее экземплярах она нечеткая ⁷⁷.

№ 6 — тип 23, № 45: $\varnothing=23 \times 25$ мм, $\sigma=4,12$ г (табл. VI, 6; фототабл. V, 6). Возможно, наш экземпляр повторяет тип 23, охарактеризованный Е. А. Давидович, но частично без лицевой стороны. Дата на обоих экземплярах совпадает: 1057 г. х./1647 г. ⁷⁸ Место чеканки этого типа не определено. На нашем экземпляре картуш лицевой стороны четче.

№ 7 — тип 44, новый, № 46: $\varnothing=23 \times 25$ мм, $\sigma=4,22$ г (табл. VI, 7). На лицевой стороне картуш, возможно, отсутствует или же не со-

⁷⁰ Там же, с. 22, табл. 4а и с. 28, табл. 4б.

⁷¹ Там же, с. 40, табл. 6.

⁷² Там же.

⁷³ В чекане Абдулазиз-хана Е. А. Давидович выявила 42 типа (см.: Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв., с. 40; *ее* же. Заметки по нумизматике..., с. 184—186).

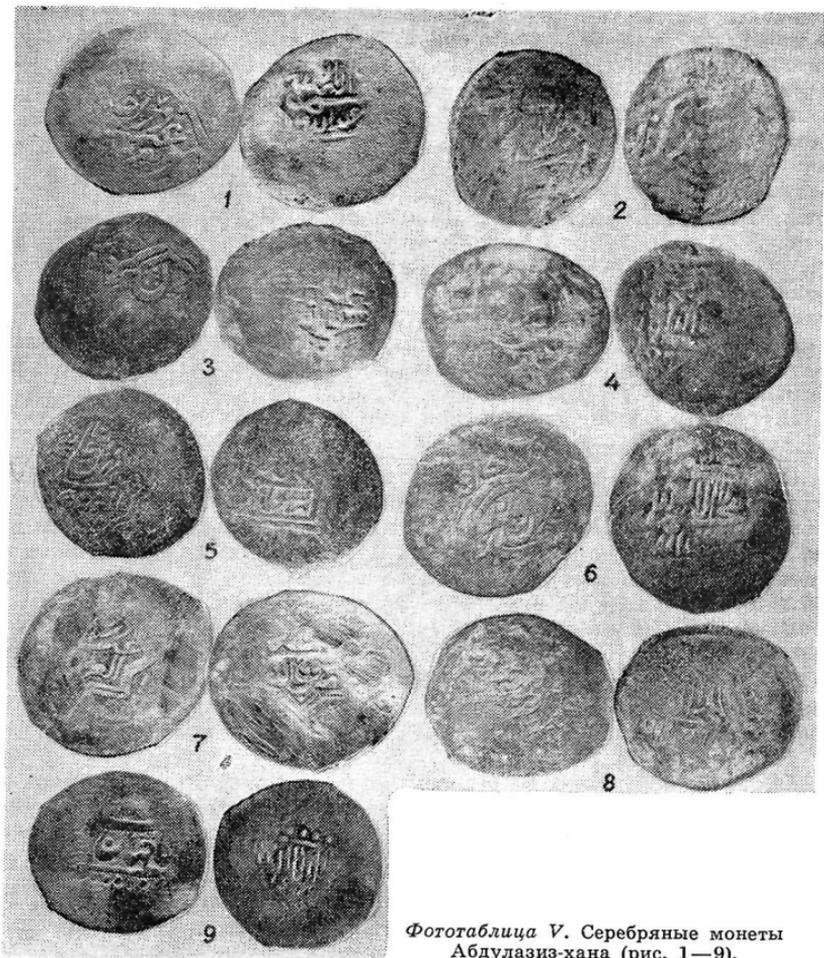
⁷⁴ Давидович Е. А. История монетного дела..., с. 40, табл. 6.

⁷⁵ Там же, с. 59, табл. 15.

⁷⁶ Там же, с. 40, табл. 6.

⁷⁷ Там же, с. 44.

⁷⁸ Там же.

Фототаблица V. Серебряные монеты
Абдулазиз-хана (рис. 1—9).

хранился. Надписи также плохой сохранности. Картуш оборотной стороны для чекана Абдулазиз-хана новый, потому данная монета получила типовой номер 44.

№ 8 — тип 7, две монеты — № 47: $\partial=22 \times 27$ мм, $\epsilon=4,08$ г; № 50: $\partial=25 \times 28$ мм, $\epsilon=3,95$ г (табл. VI, 8; фототабл. V, 7). Они повторяют тип 7 в чекане Абдулазиз-хана⁷⁹, но дополнительно на лице-

⁷⁹ Давидович Е. А. История монетного дела..., с. 40, табл. 6 и с. 41.

вой стороне одного экземпляра (№ 47) имеется дата: 1058 г. х./1648 г., которая заполняет лакуну в хронологической таблице этого хана.

№ 9 — тип 29, № 49: $\varnothing = 23 \times 26$ мм, $v = 4,12$ г (табл. VI, 9; фото-табл. V, 8). Данный экземпляр аналогичен известному в чекане Абдулазиз-хана типу 29⁸⁰, место чеканки которого не определено.

И, наконец, среди монет джанидских государей в отрарском кладе оказались четыре монеты Бабурида Шаха-Джахана (1629—1658). Они однотипны, чеканены по джанидскому образцу, их картуши занесены в таблицу VI Абдулазиз-хана под № 1 а. На двух монетах есть дата — 1057 г. х./1647 г., но нигде место чекана не обозначено. По всей вероятности, эти монеты выпущены в Балхе в 1647 г. Надир-Мухаммад-ханом, когда он обратился за помощью к Шаху-Джахану в надежде вновь утвердиться на престоле в Бухаре⁸¹. Попытки его оказались тщетными.

№ 1а — тип 1, новый, четыре монеты — № 51: $\varnothing = 23 \times 25$ мм; $v = 4,25$ г; № 52: $\varnothing = 22 \times 25$ мм, $v = 4,20$ г; № 53: $\varnothing = 23 \times 24$ мм, $v = 4,32$ г; № 54: $\varnothing = 23 \times 25$ мм, $v = 4,25$ г (табл. VI, 1а; фото-табл. V, 9).

Л. ст. В картуше содержит имя правителя с титулом и датой 1057 г. х. شاه جهان پادشاه غازي ۱۰۰۷. Вокруг все стерто.

Об. ст. В картуше написан символ веры. Вокруг все стерто.

Эти монеты выпущены в период краха политической карьеры Надир-Мухаммад-хана. Их находки в джанидских кладах пока что отмечены только на Отраре.

Из сравнения монет ленгерского и отрарского кладов стало очевидным, что последний более разнообразен: в нем больше как новых типов монет, так и монет уже ранее определенных. Однако новых типов каждого джанидского государя в отдельности выявлено мало. Как всегда, наибольшее количество новых типов дал серебряный чекан Имам-Кули-хана — с 67 по 72 тип (6 новых типов); только одним типом (№ 17) представлен чекан Надир-Мухаммад-хана и двумя новыми типами (43 и 44) — чекан Абдулазиз-хана.

Интересную и своеобразную группу составляют джанидские деньги, выпущенные от имени Шаха-Джахана. С их помощью можно воссоздать политическую ситуацию в Средней Азии в XVII в. Любопытно, что они оказались в далеком Отраре и пока что зафиксированы только в составе отрарского клада. Монетные дворы, которые нам удалось выявить, те же самые, что и названные в работе Е. А. Давидович, т. е. Бухара и Балх. Наш материал дал новые данные, позволяющие в какой-то степени восполнить недостающие даты в хронологической шкале того или иного джанидского правителя. Например, в чекане Имам-Кули-хана была выявлена монета 1044 г. х./1634 г., Надир-Мухаммад-хана — монета 1055 г. х./1645 г. и Абдулазиз-хана —

⁸⁰ Там же.

⁸¹ История Узбекской ССР. С древнейших времен до середины XIX в. Т. I. Ташкент, 1967, с. 552.

1059 г. х./1649 г. По содержанию серебра отрарский клад в основном состоит из монет 6/10 пробы. В нем нет типов монет, которые были в ленгерском, и наоборот, хотя монеты тех же правителей. Оба клада датируются почти одним и тем же временем и являются важным источником для характеристики денежного обращения Южного Казахстана в XVII в.

Находки джанидских тенег на этой территории интересны тем, что до недавнего времени клады джанидского серебра были отмечены только в Ташкентской области⁸². Исключение составляли отдельные экземпляры и небольшой кладик (12 экз.) джанидских тенег, обнаруженные на Отрар-тобе в 1972 г.⁸³ Проникновение среднеазиатского серебра XVII в. в южные районы Казахстана говорит о том, что в этом регионе происходила довольно интенсивная торговля со среднеазиатскими ханствами. Местное население не оставалось безучастным к этим торгово-денежным операциям, оно было вовлечено в сферу денежного обращения, единого для сравнительно большой территории (юг Казахстана и Ташкентская область), экономические связи которой существовали с древних времен. Об этом могут свидетельствовать также находки и клады медных монет XVII—XVIII вв., которые встречаются как на юге Казахстана, так и в районах Ташкентского оазиса.

Характерно, что монеты ленгерского, в особенности отрарского кладов носят на себе следы пребывания в огне. По мнению археологов, первый клад джанидских тенег (12 экз.; материал 1972 г.) был зарыт на Отраре накануне пожара⁸⁴. На наш взгляд, клады, как серебряные, так и медные XVII в., были зарыты почти одновременно в связи с военными действиями джунгаров, нападения которых на казахские земли участились в 40-х годах XVII в., когда ими была захвачена часть Семиречья. В 80-х годах того же столетия походы джунгарских феодалов возобновились, в результате в 1681—1685 гг. был разрушен г. Сайрам (совр. Чимкент), а многие богатые районы опустошены⁸⁵. Возможно, в связи с этими событиями и были захоронены наши клады.

⁸² История Узбекской ССР, с. 80.

⁸³ Бурнашева Р. З. Монетный материал с городища Отрар-тобе за 1971—1972 годы. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 159.

⁸⁴ Байпаков К. М., Ермакович Л. Б. Раскопки в северо-восточной части Отрара. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 157.

⁸⁵ История Казахской ССР. Т. I. Алма-Ата, 1957, с. 233.

ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ КИПЧАКОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО КАЗАХСТАНА

С. М. Ахинжанов

Средневековый этап этнической истории кипчаков Казахстана может быть изучен лишь во взаимосвязи с историческими процессами того этно-политического мира, частью которого они являлись в период, когда в пределах Дешт- и Кипчака в XI — начале XIII в. происходили постоянные перемещения и перегруппировки племен и родов, входивших в состав обширной кипчакской конфедерации. Немалую роль в этнической консолидации кипчаков сыграли и их контакты с соседними племенами и другими этническими группами. С одними они находились в длительных и тесных взаимоотношениях, что, конечно, не могло не отразиться на их культурно-этнической общности, с другими же — в эпизодических, менее прочных. Последние почти не оставляли никаких следов взаимного влияния.

Следует также отметить, что в начале II тыс. нашей эры племена, составляющие кипчакский этнический массив, уже не представляли собой близкий союз кровно-родственных объединений. Вследствие развивающихся классовых антагонистических отношений роды постепенно утрачивали свое первоначаль-

ное значение как объединения кровных родственников. В письменных источниках подчеркивается, что среди племен, входящих в кипчакскую конфедерацию, были и другие, присоединившиеся к ней этнические группы. Эти родо-племенные коллективы говорили как на различных наречиях тюркского языка, так и на некоторых монгольских диалектах. Однако представителей последних было значительно меньше.

Наиболее ранние и наиболее продолжительные межплеменные контакты, которые существовали ряд веков и которые оставили заметный след в формировании этнического облика кипчаков, они имели с такими крупными родо-племенными объединениями, как огузы и печенеги. Взаимоотношения кипчаков с огузскими племенами прослеживаются еще в тот исторический период жизни этих двух этнических компонентов, когда они обитали в окрестностях Саяно-Алтайских гор и прилегающих к ним степных пространствах Восточного Казахстана и Монголии.

В надписи, относящейся к середине VIII в., высеченной на так называемом «Селенгинском камне», воздвигнутом в честь деяний уйгурского кагана Баян-чора, в четвертой строке выбиты следующие слова: «Когда тюрки-кипчаки властвовали над нами пятьдесят лет...»¹. Исходя из контекста эпитафии следует, что кипчаки, вернее какая-то их часть, добились главенствующего положения в степях Центральной Монголии где-то в конце VII в. Вероятно, в этот период под их политическое влияние подпали племена, входящие в объединение тогуз-огузов, наиболее многочисленными среди которых были уйгурские племена.

Отражением тех же тесных этно-политических связей огузов и кипчаков в более поздний исторический период, когда огузы снова заняли главенствующее положение в степях Центральной Азии, являются дошедшие до нас легенды об Огуз-хане. Согласно данным преданий легендарный Кипчак был сыном одного из военных сподвижников Огуз-хана, а сами кипчаки в какой-то период, по Рашид-ад-Дину, входили в состав 24 племен огузов. Как отмечалось в источнике: «Племена кипчак, калач и агач-эри происходят из того народа, который соединился с Огузом и смешался с его родом»². Мифический мальчик, которому Огуз-хан дал имя Кипчак и по имени которого назвали все племя, родился, согласно легенде, во время неудачного похода Огуз-хана на народ ит-барак. Мальчика нашли в дупле дерева, что и отражено в его имени. «Это слово (кипчак. — С. А.) — производное от слова «кобук», что по-тюркски означает «дерево со сгнившей сердцевинной»³. По другой легендарной версии события, предшествовавшие рождению мальчика по имени Кипчак, произошли на земле, «которая

¹ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М. — Л., 1959, с. 36. Согласно последним исследованиям С. Г. Кляшторного, написание этнонима «кипчак» в данном тексте вызывает сомнения.

² Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 1. М. — Л., 1952, с. 83.

³ Там же, с. 84.

обильно поросла деревьями». Чтобы переправиться через реку, Огузхан приказал срубить деревья. Во время переправы он якобы сказал ребенку, только что родившемуся на плоту, сооруженному из деревьев: «О будь ты также князем, как и я, и пусть имя твое будет Кипчак»⁴.

В обоих вариантах происхождения кипчаков неизменным атрибутом выступают дерево и лес. В древних этно-генетических легендах о происхождении того или иного народа каждая деталь сюжета имеет скрытую генетическую подоснову, в каждом событии отражаются какие-либо реальные эпизоды из жизни определенного этнического коллектива. Обязательное упоминание дерева и леса в легендах о наиболее раннем периоде этнического развития кипчаков говорит о том, что этногенез кипчаков происходил в той местности, в которой лес постепенно сменялся степью, т. е. в лесостепной зоне, в данном случае в регионе Саяно-Алтайских гор. Небезынтересно, что вместе с кипчаками упоминается и народ, обитающий в лесной зоне. Он известен под названием народ «агач-эри» (в переводе с тюркского — «лесные люди») ⁵.

Таким образом, легенды об Огузхане доносят до нас сведения о вхождении кипчаков в огузский племенной союз, когда они жили где-то на границе лесостепной зоны в Северо-Западной Монголии. Эти события происходили, по всей вероятности, в середине IX в. Именно в середине IX в. тогуз-огузы (уйгуры) потерпели сокрушительное поражение от своих северных соседей — киргизов, что преломилось в легендарном представлении о поражении Огузхана от народа ит-барак. В. Ф. Минорский, основывая свои суждения на информации ал-Марвази о землях в Киргизии, в которой водились собаки якобы размером с быка, высказал предположение о том, что мифическую страну ит-барак следует искать на Енисее, где обитали в тот период киргизы ⁶. Такое предположение, по нашему мнению, подтверждается тем, что в районе севернее отрогов Саяно-Алтайских гор издавна бытовал тотемический культ собаки. О локализации в III в. до н. э. племени кучуков (собак) к северу от Алтая свидетельствуют китайские хроники ⁷. Об этом же племени кучугур сообщают тибетские источники VIII в. ⁸ В начале XIII в. о них писал Плано Карпини ⁹. Как видим, тотем собаки был широко распространен у народов Сибири, что объясняется в

⁴ Радов В. В. К вопросу об уйгурах. СПб., 1893, с. 25.

⁵ Рашид-ад-Дин. Указ. соч., с. 123. Согласно Рашид-ад-Дину, к лесным племенам относились урасут, теленгут, куштеми, лесные урянкаты. Он пишет: «Всеякие племена, у которых юрты были по лесным местам, называли лесным племенем».

⁶ Sharaf al-Zaman Tahir Marwasi an China, the Turks and India. Arab. texte with an English. transl. by V. Minorovsky. London, 1942, p. 105.

⁷ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М., 1950, с. 50.

⁸ Vacot J. Reconnaissance en Haute Asie septentrionale par cinq envoyes Ouigours au VIII-e siecle. — «Journal Asiatique», 1956, v. 254, n. 2, p. 152.

⁹ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Вильгельма Рубрука. М., 1957, с. 72.

первую очередь важной ролью собаки в их хозяйственной деятельности. Интересно, что по представлениям киргизов красная собака (кызыл тайган) была их мужским предком, прародителем¹⁰.

Кипчаки, очевидно, их аристократическая часть, потеряв господствующее положение и попав под политическое влияние бывших подчиненных — огузов, откочевывают к себе в Алтайские горы и затем переносят центр кочевок в степи Казахстана. О продвижении кипчаков на запад свидетельствуют такие слова из легенды об Огуз-хане: «Он (Огуз-хан. — С. А.) послал род кипчаков, чтобы они поселились между страной ит-бараков и Яиком..., с той поры там и находятся летние и зимние кочевья кипчаков»¹¹. Перед нами в общем виде показаны западные и восточные границы страны кипчаков, восточные пределы которой соприкасаются с землями киргизов. Весьма примечательно совпадение дат господства кипчаков на территории Казахстана, приводимых в легенде, с достоверными историческими фактами. Согласно преданию, Огуз-хан, дождавшись возмужания Кипчака, послал его против взбунтовавшихся (значит, до этого ему подчиненных) народов, среди которых упомянуты маджары и башкиры. Кипчак их усмирил и 300 лет царствовал в этой стране «со времен Огуз-хана до времени Чингиз-хана»¹², а говоря словами исторических фактов — со второй половины X в. (время политического возвышения кипчаков в степях Казахстана) до первой трети XIII в. (время монгольского нашествия).

Однако следует отметить, что впервые кипчаки были зафиксированы на современной территории Казахстана, согласно источникам, в VII в.¹³, но тогда они еще не играли той заметной роли в этно-политической истории Евразийских степей, какую обрели в начале II тыс. нашей эры. Этот период консолидации кипчаков отмечен в легенде об Огуз-хане, по всей вероятности, как период «возмужания Кипчака».

Таким образом, различные факты свидетельствуют об этнических связях огузов и кипчаков уже в наиболее ранний период их развития. Но, несмотря на древние связи, истоки происхождения огузов и кипчаков различные. Кипчаки, по Абу-л-Гази, относились к тем нескольким племенам, «которым Огуз-хан дал имя, но которые не происходят из его рода»¹⁴.

¹⁰ Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений. В 5 т. Т. I. Алма-Ата, 1961, с. 418.

¹¹ Материалы по истории туркмен и Туркмении (в дальнейшем: МИТТ). Т. I. М. — Л., 1939, с. 498.

¹² Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинения Абу-л-Гази, хана хивинского. М. — Л., 1958, с. 44.

¹³ *Цень Чжунь-мянь*. Туцзюе цзиши. Т. I. Пекин, 1958, с. 678. Данный автор, со ссылкой на главу 99 «Бейши» перечисляя племена, входившие в группу теле и кочующие к западу от Алтая до Аральского моря, упоминает среди них племя хэ-би-си (см.: *Кюнгер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, с. 38. У него племя названо гэбиси). Согласно *Цень Чжунь-мяню*, хэ-би-си — китайский вариант названия племен кипчак, в котором последний иероглиф «си» в кантонском диалекте читается как «сик» и вся конструкция восстанавливается как хэ-би-сик — кипчак. (*Цень Чжунь-мянь*, с. 670).

¹⁴ Кононов А. Н. Указ. работа, с. 51.

Этно-политические взаимоотношения с другим народом — с печенегами — у кипчаков возникают главным образом в казахстанских степях с VIII в., когда печенеги, согласно тибетским переводам отчета уйгурских послов, обитали в просторстве между Балхашом и Сырдарьей¹⁵. Неизвестный автор X в. в своем труде «Худуд ал-Алам» писал, что «южные границы кипчаков соприкасались с печенегами»¹⁶. Это замечание относится именно к тому периоду, о котором сообщают тибетские источники. Вполне вероятно, что в тот отрезок времени контакты двух племенных группировок не были столь интенсивными, как в последующие века, когда в X в. между кипчаками и печенегами участились военные столкновения, которые, в конце концов, привели последних к поражению. Большая часть печенежских племен откочевала в южнорусские степи, а оставшаяся связала свою судьбу с кипчаками. Следствием такого драматического периода в истории печенегов оказалось вторичное появление на исторической арене немного измененного, древнего, бытовавшего на территории Казахстана с конца I тыс. до нашей эры, этнического наименования кангюй — канглы. Слово «канглы», как отмечал Махмуд Кашгарский в XI в., означало «имя знатного человека среди кипчаков»¹⁷.

Согласно С. Г. Кляшторному, новое появление этнонима «канглы» связано с завоеванием кипчацкими племенами древних печенежско-огузских земель по Сырдарье и Приаралью. Принятие этого имени сначала верхушкой кипчацких родов выражало их стремление связать себя с генеалогической традицией древних племен, издавна проживавших по Сырдарье¹⁸. С. П. Толстов рассматривает этноним «канглы» как переоформление имени кангар (кенгерес) в результате ассимиляции части печенежских племен кипчацкой конфедерацией¹⁹. Неудивительно, что этот этноним возникает в начале XI в., когда кипчаки широким фронтом вышли к берегам Сырдарьи и прочно здесь обосновались. О жителях степей к востоку от реки Урал Рубрук писал: «Прежде там были некоторые команы (кипчаки. — С. А.), называемые кангле»²⁰. Эти слова Рубрука указывают на то, что канглы к середине XIII в. стали играть заметную роль среди кипчаков, у которых общераспространенная тамга (||) является, как утверждал еще Н. А. Аристов, удвоенной канглийской тамгой, которая, в свою очередь, восходит к печенежской.

Кроме огузов, печенегов, канглов, явившихся значительной частью кипчацкой конфедерации и внесших существенные черты в формирование этнических признаков кипчаков средневековья, на терри-

¹⁵ Vacot J. Reconnaissance..., p. 147.

¹⁶ Minorsky V. Hudud al-Alam. «The Region of the Wozld». A Persian Geography, 372 А. Н. — 982 А. D. London, 1937, p. 101.

¹⁷ Кошгарий Махмуд. Девону луготит турк. Т. III. Тошкент, 1963, с. 379.

¹⁸ Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964, с. 179.

¹⁹ Толстов С. П. Города гузов. — «Советская этнография», 1947, № 3, с. 101.

²⁰ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Вильгельма Рубрука. М., 1957, с. 123.

тории Дешт- и Кипчака обитали еще тюркоязычные племена, но менее малочисленные, чем названные. Одни из них издревне обитали в степях Казахстана в составе телеских племен и объединений, входивших в Западно-Тюркский каганат, другие являлись остатками некогда крупных этнических массивов, со временем сошедших с исторической арены. Однако, все они принадлежали к тюркскому этническому миру, хотя и имели свою специфику в языке и культуре. С политическим возвышением кипчаков данные племена, как это обычно практиковалось среди кочевого мира, стали именоваться кипчаками.

Например, таким обособленным от своей основной части коллективом, были уйгуры отмеченные источниками в конце I тыс. нашей эры в степных просторах к северу и востоку от Аральского моря. Их приход сюда можно связать с событиями 840 года, когда далеко, в Центральной Азии, киргизы нанесли жестокое поражение уйгурскому государству на Орхоне. Основная часть уйгурских племен ушла в Турфан и Ганьсу, а сравнительно небольшая группа уйгуров, отколовшись от сородичей, нашла убежище на землях Приаралья. Такое утверждение В. Ф. Минорского²¹ подтверждает Дж. Гамильтон, который пишет: «После разгрома Уйгурии в IX в. часть тогуз-огузов — уйгуров, вытесненная на западную границу, поселилась в окрестностях Аральского моря»²². О пребывании уйгуров в казахстанских степях начиная с X в. сообщает Масуди. В «Мурудж аз-захаб» он отмечает где-то в северных районах, за рекой Балх, т. е. Амударьей, государство «Кимак Бигур»²³. В. Ф. Минорский убедительно расшифровал это имя как «Кимак Югур»²⁴. Именно под наименованием «югур» уйгуры упоминаются в XII в. во время событий, происходивших в этих же местах. О них, в частности, говорилось в дипломатической переписке отца Мухаммеда хорезмшаха Текеша с некоторыми среднеазиатскими владельцами того времени. В письме от 1182 г. Текеш сообщал, что к границам Хорезма, к городу Дженду прибыл один из кипчакских предводителей, свита которого состояла из «сыновей югуров»²⁵.

На территории Западного Казахстана в тот исторический период проживали и другие менее крупные племена, первоначально входившие в печенего-огузскую этническую среду. Из них следует отметить древнебашкирские племена, которые с начала XI в. стали подвергаться влиянию кипчакского этнического союза. О пребывании древнебашкирских племен в Приаралье говорят данные ряда источников. На основе их изучения один из современных исследователей башкирского этноса Р. Г. Кузеев пишет: «Вся совокупность этнографических и письменных источников свидетельствует о том, что группа тюркских

²¹ *Sharaf al-Zaman Tahir Marwasi...*, p. 100.

²² *Hamilton J. Togus-ogus et On-ouigour.* — J. A., 1962, n. I, p. 50.

²³ *Macoudi. Les Prairies d-or. Text et trad. par. C. Barbier... de Courteille.* Т. 1. Paris, 1861, p. 218.

²⁴ *Minorsky V. Hudud al-Alam...*, p. 306.

²⁵ *Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.* Ч. 1. Тексты. СПб., 1898, с. 79.

племен под общим названием «башкиры» издавна обитала на широком пространстве Приаралья, постепенно продвигаясь к западу»²⁶.

Башкиры, стремясь противостоять растущему натиску кипчакских племен, на рубеже IX—X вв. объединились в военный союз с печенегами. На стороне кипчаков выступили огузы. О жестокой борьбе кочевников за земли Приаралья сообщают Константин Багрянородный²⁷ и ал-Масуди. Согласно последнему, против союза четырех племен в составе «баджнук, баджане, баджгард и наукерде» выступили гузы, карлуки и кимаки²⁸. Баджнук — вариант имени печенег, последующие два названия — баджане и баджгарды — отождествляются с бурзянами и башкирами²⁹. Большая часть печенегов и башкир после поражения в этой борьбе откочевала далее на запад и северо-запад. Оставшиеся, наиболее бедные слои печенежских племен вошли в состав коллективов победителей, завершая их этническую консолидацию. Не без основания Махмуд Кашгарский еще в XI в., а Рашид-ад-Дин в XIV в. отмечали печенегов среди 22 (или 24) колен народа огузов, а также части печенегов и огузов — среди кипчаков. В состав огузов и кипчаков вошли и башкиры, но в меньшем количестве, большая их часть удалась на Средний и Южный Урал. Однако группа башкирских племен продолжала кочевать в Северо-Западном Казахстане. Упоминание о них можно найти в записках Ибн-Фадлана, который во время своего путешествия на Волгу опасался встретиться в районе реки Чаган с воинствующими башкирами³⁰. Чаган — это современная река Шаган в Актюбинской области.

Интересно, что в данном районе несколько позднее, в XIII в., обитали кипчакские племена, во главе которых стоял Бачман, один из первых поднявший восстание покоренных народов против монгольского владычества. Согласно источнику, Бачман был из «народа кипчаков, из племени ольбурлик»³¹. Восстание было разгромлено. Бачман казнен, его сородичи частично истреблены, а часть бежали на территорию современной Башкирии. Возможно, эти племена были предками поздних башкирских родов бушман-кипчак, бушман-суун-кипчак³². Р. Г. Кузеев считает, что «бушман-бычман — тюркский этноним древнего происхождения, трансформировавшийся, согласно степной традиции, в имя эмира бушман-кипчаков»³³.

²⁶ Кузеев Р. Г. Урало-Аральские этнические связи в конце I тыс. нашей эры и история формирования башкирской народности. — В кн.: Археология и этнография Башкирии. Т. IV. Уфа, 1971, с. 23.

²⁷ Багрянородный Константин. Об управлении государством. — «Известия ГАИМК». 1934, вып. 91, с. 15.

²⁸ МИТТ. Т. I. М. — Л., 1939, с. 166.

²⁹ Кузеев Р. Г. Указ. работа, с. 23.

³⁰ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, с. 65.

³¹ См.: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды (далее: СМИЗО). Т. II. М. — Л., 1941, с. 35.

³² Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974, с. 191, табл. 9.

³³ Там же, с. 179.

Согласно Рашид-ад-Дину, Бачман происходил из кипчакского племени ольбурлик, чьи кочевья располагались в Западном Казахстане. В этой области на рубеже XI—XII вв. сложилась крупная конфедерация кипчакских племен, возглавляемая ханами из племени ильбари, или ольбурлик. В китайской официальной истории «Юань-ши» сказано, что у кипчаков, живших в местности Юйлиболи, находившейся в 30 тыс. ли к северо-западу от Китая, имелись ханы, которые «из поколения в поколение были государями кипчаков»³⁴. По замечаниям видного французского синолог-ориенталиста П. Пелльо, местность Юйлиболи получила свое название от имени кипчакского племени ильбари³⁵.

Вероятно, ханы из племени ильбари на протяжении нескольких поколений были правителями в степях Казахстана. Джузджани, например, утверждал, что один из индийских султанов середины XIII в. Улуг-хан Аджам, в юности бежавший из Дешт-и Кипчака от преследования монголов и впоследствии ставший во главе Делийского султана, был родом из кипчаков. Джузджани знал его родословную и величал его «ханом ильбари и шахом йемеков»³⁶. Отец его в Дешт-и Кипчаке «был сильной личностью среди племен ильбари и носил титул хана»³⁷, дед его был потомком «Абар-хана Ильбари, который был ханом над 10 тыс. семейств»³⁸. Исходя из подсчета поколений представителей ханской линии племени ильбари, Абар-хан Ильбари правил где-то в XI в. По всей вероятности, его имел в виду Махмуд Кашгарский, когда указывал, что у кипчаков в середине XI в. был владетель по имени Табар-хан³⁹. По-видимому, ильбари был знатный в Евразийской степи династический род, встречаемый в разнохарактерных источниках под различными по произношению, но близкими по значению именами. У Рашид-ад-Дина он назван ольбурлик, в «Слове о полку Игореве» — ольбери⁴⁰. В русских летописях это племя известно под общим названием бурчевичи⁴¹. Сильное и крупное объединение половцев под таким именем, по данным С. А. Плетневой, имело свои кочевья на территории, ограниченной с запада Днепром, а с востока — речкой Волчьей⁴². Авторы XIV в. Ан-Нувайри и Ибн Халдун пишут о племени бурлы или эльбури⁴³.

³⁴ Кычанов Е. И. Сведения «Юань-ши» о переселении киргизов в XIII в. — «Известия АН КиргССР, серия общественных наук», 1963, вып. 1, с. 62.

³⁵ Pelliot P. et Hambis L. Histoire de Compagnes des Chingis Khan. V. I. Leiden, 1951, S. 107.

³⁶ Raverty H. G. Tabakat-i-Nasiri. A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia... V. II. London, 1881, p. 1294.

³⁷ Ob. sit., p. 794.

³⁸ Ob. sit., p. 800.

³⁹ Кошгарий Махмуд. Девону луготит турк. Т. I. Ташкент, 1960, с. 342.

⁴⁰ Слово о полку Игореве. М. — Л., 1950, с. 21.

⁴¹ Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). Т. II. М., 1962, с. 641—642.

⁴² Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния. М., 1974, с. 21.

⁴³ СМИЗО. Т. II. М., 1941, с. 540—541.

Общим корнем у приведенных этимологий является слово, производное от слова *berī*, что по-тюркски означает «волк»⁴⁴. Поэтому, как нам представляется, словосочетания ильбари, ольбурлик, ольбери, эльбюри, бурлы, бурчевичи передают в искаженном виде название племени, которое, возможно, звучало как *ельбері* (народ волка). Вполне вероятно, что ханское династийное племя кипчаков, правящее в Дешти-и-Кипчаке в XI — начале XIII в., взяло имя своего покровителя, тотема волка в качестве племенного имени. Действительно, волк был древним тотемом правящего рода кипчаков, когда они властвовали в степях Центральной Монголии. На их знаменах красовались изображения золотой волчьей головы. Сами тюрки заявляли, что ведут свое происхождение от волчицы и десятилетнего мальчика⁴⁵. Свидетельством почитания волка кипчаками является описание поведения хана половцев Боняка из племени бурчевичей перед битвой с венграми. «Когда наступила полночь, встал Боняк, отъехал от войска и начал выть по-волчьи, и волк откликнулся на вой его и завыло множество волков. Боняк же, вернувшись, сказал Давыду, что завтра мы победим венгров»⁴⁶.

Кроме ильбари Джузджани упоминал и племя йемеков, как входящее в кипчакскую конфедерацию. Впервые этот этноним встречается в VII в., когда йемеки жили в верховьях Иртыша. В китайских источниках они, вероятно, известны под именем яньмо, как племя исконно тюркское, игравшее крупную роль в северных районах Западно-Тюркского каганата. Впервые на отождествление этнонима яньмо, известного только в китайских источниках, с йемеками арабоязычных авторов обратил внимание Л. Амби⁴⁷. Спустя четыре века Махмуд Кашгарский отметил их на том же месте как тюркское племя в составе кипчаков, хотя сами кипчаки «считали себя отдельной группой»⁴⁸. Позднее, в XII в., йемеки встречаются в западных районах Казахстана, куда они переселились вместе с кипчаками, расширившими свои владения. Наджиб Хамадани писал, что в XII в. город Саксин страдал от постоянных набегов кипчаков и йемеков⁴⁹. В Предуралье топонимы и антропонимы с основой *йемек* распространены довольно широко. Русские летописи знают половцев Емяковы в районе реки Камы⁵⁰. Русская фамилия одного из башкирских тарханов XVIII в. была Емяков, в татарских говорах Поволжья выражение «йемек майы» означает горчицу⁵¹.

⁴⁴ Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 118.

⁴⁵ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М., 1950, с. 215.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. I. М., 1962, с. 270—271.

⁴⁷ Hambis L. Kastim et Gus-dum. — «Journal Asiatique», 1958, n. 3, p. 320.

⁴⁸ Кошгарий Махмуд. Девону луготит гурк. Т. III, Ташкент, 1963, с. 29.

⁴⁹ Цит. по Агаджанову С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969, с. 162.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. I, с. 389.

⁵¹ Гарипов Т. М. Махмуд Кашгари и кипчакские языки Урало-Поволжья. — «Советская тюркология», 1972, № 1, с. 48.

Перечисленные племена, входившие в кипчакскую конфедерацию, хорошо понимали друг друга, так как изъяснялись на одном языке. Огузы, печенеги, канглы, югуры, ильбари, йемеки и другие, более мелкие, более древние этнические группы, обитавшие в тот период на обширной территории Казахстана, разговаривали на различных диалектах единой системы тюркского языка.

Накопленный материал, данные письменных источников и археологии позволяют в настоящее время с большим основанием, чем прежде, предполагать, что центральноазиатский компонент еще до монгольского нашествия оставил свои следы в сложении этнического облика кипчаков средневекового Казахстана.

Нам представляется, что одним из таких племенных объединений являлись кимацкие племена, часть из них, несомненно, была неместного происхождения. Гардизи, который приводит генеалогическое предание о происхождении кимаков, утверждает, что кимаки выделились из татарской этнической среды и где-то в конце I тыс. нашей эры, переселившись на запад, выбрали местом своего обитания Иртыш⁵². Эти данные находят свое подтверждение в заметках Тамима ибн Бахра, видевшего кимаков в начале IX в., кочевавших к северо-западу от столицы уйгуров на Орхоне⁵³. Исходя из этих сведений и археологического материала можно предположить, что часть кимацких племен, обитавших в бассейне Иртыша, и прежде всего татары, были выходцами из центральноазиатских степей и на рубеже I и II тыс. нашей эры вошли в состав кипчаков⁵⁴.

Присутствие в составе кипчаков и других племен центральноазиатского региона также не вызывает сомнений. Например, Гардизи среди семи племен, входящих в кимацкий союз, образовавшийся на Иртыше в IX—X вв. и занимавший территорию Восточного Казахстана, западной и северной части Алтайских гор⁵⁵, упоминает и племя баяндуров⁵⁶. О племени баяндур и племени байат в числе огузских образований сообщает Абул-л-Гази⁵⁷. В составе огузо-кипчацких племен они проникли далеко на запад и под именем берендеев и боутов кочевали на границах с Киевской Русью⁵⁸.

Таким образом, на протяжении нескольких веков кипчаки по мере усиления своего политического влияния и могущества на огромном пространстве Евразийских степей вступали в различные этно-

⁵² Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. СПб., 1897, с. 106.

⁵³ Minorsky V. Tamim ibn Bahr's journey to the Uyghurs. BSOAS. Vol. XII, pt. 2, 1948, p. 284.

⁵⁴ Ахинжанов С. М., Ерзакович Л. Б. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье. — Известия АН КазССР, серия общественная, 1972, № 2, с. 64—69.

⁵⁵ Савинов Д. Г. Расселение кимаков в IX—XI веках по данным археологических источников. См.: Настоящий сборник, с. 95.

⁵⁶ Бартольд В. В. Указ. соч., с. 106.

⁵⁷ Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинения Абул-Гази, хана хивинского. М. — Л., 1958, с. 55—56.

⁵⁸ Толстов С. П. Города гузов. — «Советская этнография», 1947, № 3, с. 96.

политические отношения с пограничными и пришлыми племенами, постепенно включали их в состав своего объединения и передавали им свое этническое имя. Такой процесс был, естественно, не односторонен, кипчаки сами подвергались влиянию других племен, что не могло не сказаться на их этно-культурной общности, на полиморфизме их этнического состава.

Среди родо-племенных групп, образовавшихся в долине Иртыша в IX—X вв. кимакский союз племен, имелись разные этнические группы. Это были и исконно тюркские, издавна жившие в данном регионе кипчаки и йемеки и пришлые с востока из монголоязычной среды татары и кимаки. В кипчацкую конфедерацию, созданную в XI—XII вв. в степях Казахстана, вошли следующие известные нам родо-племенные группы: кипчаки, канглы, печенеги, огузы, йемеки, ильбари, югуры, башкиры, каи или уранийцы, кидани, байауты и др. Конечно, следует иметь в виду, что вошли только отдельные группы крупных племен. Как известно, для периода раннефеодальных отношений, на стадии которых находились племена кипчацкой группировки, характерно не только объединение этнически родственных племен, но и постоянные столкновения племенных коалиций, дробление самих племен и, наконец, смешение с иноязычными племенами.

Именно на такой стадии этно-политического развития пребывали кипчаки Казахстана в канун монгольского нашествия. Этот период отразили в своих хрониках авторы XIV вв. Ан-Нувайри и Ибн Халдун, которые описывали со ссылкой на летопись XIII в. положение в Дешт-и Кипчаке. Согласно Ан-Нувайри, у кипчаков было много различных племен. Это токсоба, йета, бурджоглы, бурлы, кангуоглы (кангароглы), андоглы, дурут, карабароглы, джужан, карабиркли, котян⁵⁹. Ибн Халдун то же перечисляет одиннадцать племен кипчаков с небольшими поправками в их написании. Он называет следующие: токсоба, сета, бурджоглы, эльбури, канаарлы, оглы, дурут, калабаалы, джерсан, карабиркли, кунун и указывает, что они не из одного рода⁶⁰.

В списке племен, приведенных Ан-Нувайри и Ибн Халдуном, мы встречаем знакомые нам родо-племенные подразделения. Это бурлы, или эльбури, известные под именем ильбари в степях Западного Казахстана или под этнонимом бурчевичи в южнорусских степях. Это кангуоглы, или канаглы, расшифрованные еще Н. А. Аристовым как канглы⁶¹. Имя токсоба встречается в русских летописях под названием токсобичи⁶², йета, или сета, которые соответствуют летописным егебичам⁶³, дурут, или дортуул и имеют аналогию в летописных торробичах⁶⁴. Племя карабиркли (черные клубуки) объединяли в XII в. та-

⁵⁹ СМИЗО. Т. I. СПб., 1884, с. 540.

⁶⁰ Там же, с. 541.

⁶¹ Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. — «Живая старина», 1896, вып. III—IV, с. 423.

⁶² ПСРЛ. Т. II. М., 1962, с. 455.

⁶³ Там же, с. 641.

⁶⁴ Там же.

кие племена, как берендеи, или байандур и каепичи. Под каепичами русских летописей⁶⁵ следует иметь в виду племя каи⁶⁶. Интересно связать этноним котан, или кунун, с именем основателя династии ильбары, имя которого П. Пелльо восстанавливает как Кунан⁶⁷. В то же время этот этноним встречается в половецкой ономастической среде в форме котян⁶⁸.

Несколько иной, но не менее интересный список кипчакских племен приводит еще один автор XIV в. ад-Димашки. Он отмечает среди них крупные и мелкие подразделения. К крупным он отнес баргу, токсоба, итоба, барат, ильарас, бурджоглы, манкуроглы, йемек, к мелким — таг, башкырт, куманку, бузанку, баджна, караборикли, уз, шортан⁶⁹. Перед нами пестрый этнический состав кипчакской конфедерации. Интерес вызывают племена баргу, итоба, барат, ибо они уведят нас в мир «лесных людей», с которыми были связаны кипчаки на самой ранней стадии своего этнического развития. Рашид-ад-Дин упоминает племя баргу наряду с лесными урянкатами, как племена, обитавшие к северу от Селенги, где, как известно, жили кимакские племена до переселения на Иртыш. Вероятно, это племя вместе с кимаками в конце I тыс. нашей эры вошло в состав кипчаков и частично просуществовало до XIII в. Если вспомнить племя ит-бараков, с которыми легендарный Огуз-хан вел неудачные войны в тот период, когда родился не менее легендарный мальчик по имени Кипчак, то появление этнонимов итоба — барат (окончание -т- в имени барат является аффиксом множественного числа монгольского языка) в составе позднесредневековых кипчаков не должно удивлять. Племя ильарас, вероятно, соответствует половецкому племени елтуковичи⁷⁰. В том и другом случае они переводятся как смешанные племена, так как слово «ель, иль» означает в тюркских языках народ, племя⁷¹. Этноним «таг» вернее связать с огузами. Один из легендарных сыновей Огуз-хана носил имя Таг⁷².

Мы видим, что список ад-Димашки характеризует более раннюю политическую обстановку в Дешт- и Кипчаке, когда в нем еще не утратили своего значения ранние этнические группировки из огузского и кимакского окружения.

Помимо этнических наименований реально существующих племен в кипчакско-половецкой номенклатуре встречаются и составные искусственные этнические наименования. Они являются названиями объединений нескольких родов, превратившимися в этническое имя с

⁶⁵ ПСРЛ, Т. II, с. 507.

⁶⁶ Толстов С. П. Города гузов. — «Советская этнография», 1947, № 3, с. 96.

⁶⁷ Pelliot P. et Hambis L. Histoire de Compagnes des Chingis Khan, S. 102.

⁶⁸ ПСРЛ, Т. I, с. 505; Т. II, с. 544.

⁶⁹ Marguart J. Über das Volkstum der Komanen. — AKGWG, 1914, Bd. XIII, № 1, Berlin, S. 157.

⁷⁰ ПСРЛ, Т. II, с. 641.

⁷¹ Древнетюркский словарь, Л., 1969, с. 168.

⁷² Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинения Абул-л-Гази, хана хивинского. М. — Л., 1958, с. 48.

собираательным значением и имевшими количественное определение как необходимый детерминатив. Например, племя токсоба, вероятно, получило название от словосочетания *токсан оба* — 90 родов (отсюда, возможно, «92 ветви кипчаков», известных в казахском фольклоре); етебичи — *йета* — *жети оба* — *жети ру* — семиродцы; тортобичи — *торт оба* — четырехродцы и т. д. Во всех названиях термин «оба» прилагается главным образом к наименованию родового подразделения. Семантика термина «оба» связана с монгольским термином «обог». Как указывал В. Я. Владимирцов, «обог» — это «своеобразный союз кровных родственников»⁷³. Однако, несмотря на то, что часть половецких племен сложилась из многих родов, сами роды и племена уже не представляли собой союза близких и кровных родственников, в них прослеживаются новые этнические элементы: пришлые и покоренные, поглощенные и ассимилированные кипчаками. Сравнительно быстрая кипчакизация пришлых монголоязычных племен объясняется не только тем, что их было не так и много, пишет Р. Г. Кузеев, но и тем, что кипчаки на протяжении нескольких веков имели контакты с монгольскими группами населения. Поэтому включение поздних монгольских компонентов в процесс кипчакизации было, считает Р. Г. Кузеев, «этнической традицией»⁷⁴.

Объединение кипчаков средневекового Казахстана в этническом отношении, как мы видим, было довольно сложным, в него входили представители разных этнических групп с явным преобладанием тюркоязычных коллективов. Такой конгломерат племен, несмотря на господство тюркского языка, на единообразную культурную общность, не мог в период развивающихся феодальных отношений жить в мире и согласии. Такая междоусобная борьба внутри кипчакской этнической общности, о чем говорят известия многочисленных источников, в канун монгольского нашествия наряду с политикой крупнейшего государственного образования Средней Азии того времени — Хорезма, направленной на поддержку постоянных междоусобиц в Дешт-и Кипчаке, приводила к ослаблению кипчакского могущества и облегчала монголам осуществление их завоевательных планов.

⁷³ Владимирцов В. Я. Общественный строй монголов. Л., 1934, с. 46.

⁷⁴ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974, с. 176.

РАССЕЛЕНИЕ КИМАКОВ В
IX—X ВЕКАХ ПО ДАННЫМ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Д. Г. Савинов

В одной из статей «Энциклопедии ислама» В. Бартольд писал, что «историческое значение кимаков состоит в том, что из их среды вышел многочисленный впоследствии народ кипчаков (называемых в Европе команамы, а у русских половцами), который первоначально был лишь одним из племен кимаков»¹. Такое понимание исторической роли кимаков характерно для ранних этапов изучения кимако-кипчакского объединения. В настоящее время благодаря исследованиям письменных и археологических источников становится все более очевидным то значение, которое имели кимаки в этнической истории Азии.

Известно, что в IX—XI вв. кимаки создали свое государство на территории Казахстана и прилегающих к нему районов юга Западной Сибири. В этническом отношении государство кимаков было сложным образованием, оно состояло из семи племен, из них наиболее крупными были имак (йемек), ими (эймюр), байандур, татар и кипчак².

---

¹ Бартольд В. В. — Соч., т. V. М., 1968, с. 549.

² Кумекон Б. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, с. 36.

В основе кимакской федерации лежали тюркоязычные яньмо. Вероятно, это одно из телеских племен³, которые обычно отождествляют с йемеками⁴, давшими, по мнению Б. Е. Кумекова, название всему объединению кимака. Центр государства кимаков находился на Иртыше, куда из Средней Азии вели караванные пути, описанные в сочинениях ибн Бахра, ал-Идриси и Гардизи⁵. Места расселения кимаков располагались и восточнее Иртыша. Наиболее определенно сообщение Гардизи: «Приходят к реке Иртыш, где начинается страна кимаков..., переправившись через реку Иртыш, приходят к шатрам кимаков. В этой стране много снега; бывает толщина снежного покрова достигает высоты копья. Зимой они уводят лошадей в отдаленную страну «Ок-Таг» (видимо, Монгольский Алтай)»⁶.

Лучше всего изучены археологические памятники кимаков IX—X вв., обнаруженные в Восточном Казахстане. Они известны со времени Первой Академической экспедиции и опубликованы в «Истории Сибири». В ней упоминаются вещи из могил, раскопанных между Обью и Иртышом⁷. Отдельные погребения кимаков раскапывались в XIX в.⁸, однако научное их изучение развернулось только в последние годы⁹. В результате исследований накоплен большой материал по культуре IX—X вв. Восточного Казахстана. Кимакская принадлежность этих памятников ни у кого из исследователей не вызывает сомнений, что позволяет использовать данный факт при определении этнической принадлежности памятников этого времени на других территориях, где жили кимаки.

Наибольший интерес в этой связи представляют памятники сросчинской культуры IX—X вв. на Северном Алтае, получившие назва-

³ Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1930, с. 272.

⁴ Зуев Ю. А. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам (бома, гуй, яньмо). — В кн.: Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. Алма-Ата, 1962, с. 117—122; Кумеков Б. Е. Указ. работа, с. 39—41.

⁵ Ахинжанов С. М. Древние караванные пути кимаков. — В кн.: Материалы первой научной конференции молодых ученых АН Казахской ССР. Алма-Ата, 1968, с. 429—430. Кумеков Б. Е. Указ. работа, с. 48—53.

⁶ Баргольд В. В. Приложение к отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. — Соч., т. VIII. М., 1973, с. 45.

⁷ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. М. — Л., 1937, с. 511, рис. 22—24.

⁸ Радлов В. В. Сибирские древности. (Пер. А. Бобринского). — «Записки Русского археологического об-ва», 1895, т. VII, табл. XXX; Васильев Г. Случайные находки близ Семипалатинска. — «Отчеты Археологической комиссии за 1898 год». СПб., 1901, с. 59—60, рис. 99—101.

⁹ Черников С. С. К изучению древней истории Восточного Казахстана. — КСИИМК, вып. 69, 1957, с. 19—20; Археологическая карта Казахстана. (Реестр). Алма-Ата, 1960, табл. IX; Агеева Е. И., Максимова А. Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 года. — «Труды ИИАЭ КазССР». Т. 7. Алма-Ата, 1959, с. 32—58; Арсланова Ф. Х. Бобровский могильник. — «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1963, вып. 4, с. 80—83; *е е же*. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.). — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 98—111; Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г. Руническая надпись на зеркале из верхнего Прииртышья. — В кн.: Тюркологический сборник 1972 года. М., 1973, с. 306—315.

ние по Сросткинскому могильнику, расположенному около Бийска¹⁰. Памятники сросткинской культуры были объединены одним из ее исследователей А. А. Гавриловой в «могилы сросткинского типа» IX—X вв. По ее мнению, они распространены от Забайкалья на востоке до Барабинской степи на западе и от Новосибирской области на севере до Тувы и Горного Алтая на юге. «Расположенные на весьма широкой территории, — отмечает А. А. Гаврилова, — вещи сросткинских типов говорят о распространении этой культуры у различных племен с разным обрядом погребения»¹¹.

Вопрос этнической принадлежности сросткинской культуры решался в литературе по-разному. Первый исследователь этой культуры М. П. Грязнов писал, что «сросткинская культура на Алтае представляет собой продукт местного развития и что примерно в VIII в. население с этой культурой распространилось на север по лесостепному району Оби»¹². А. А. Гаврилова, наоборот, считает, что «эта культура сложилась вне Алтая. Распространение этой культуры связано, видимо, с политическими переменами — господством в степи, в том числе и на Алтае, уйгурских племен, нанесших поражение восточным тюркам в 745 году, а затем кыргызских, разгромивших уйгуров в 840 году»¹³. Позднее А. А. Гаврилова высказалась за уйгурскую принадлежность сросткинских памятников на Северном Алтае¹⁴. В некоторых других работах, посвященных сросткинской культуре, подчеркивается ее древнетюркская основа. Так, А. П. Уманский указывает, что «курганы Ини оставлены тюркютами, которые с VII века стали переходить от трупосождения к трупоположению»¹⁵. М. Г. Елькин относит могильник Ур-Бедари к тюркам Кузбасса, «которые находились под значительным воздействием енисейских кыргызов»¹⁶ и т. д.

Одновременно высказывалось мнение о сходстве материалов из погребений сросткинской культуры Северного Алтая и культуры кимаков Восточного Казахстана. Пожалуй, первой обратила на это внимание Ф. Х. Арсланова. Публикуя материалы Бобровского могильника на Иртыше, она отметила, что «единство форм и основных элементов орнамента на бобровских подвесках и сросткинских бляхах, а также близость к орнаменту на предметах енисейских

¹⁰ Раск. М. Д. Копытова, 1925 г. (Бийский музей, колл. 849); раск. М. Н. Комаровой, 1925 г. (Гос. Эрмитаж, колл. 4381); раск. С. М. Сергеева, 1930 г. (Гос. Эрмитаж, колл. 1285).

¹¹ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. — Л., 1965, с. 72.

¹² Грязнов М. П. История древних племен верхней Оби. — МИА, № 48, 1956, с. 151.

¹³ Гаврилова А. А. Указ. работа, с. 72.

¹⁴ Гаврилова А. А. Выступление на Тюркологической конференции, посвященной памяти В. В. Радлова. — В кн.: Тюркологический сборник 1971 года. М., 1972, с. 288.

¹⁵ Уманский А. П. Археологические памятники у с. Иня. — «Известия Алтайского отдела Всесоюзного географического общества СССР», 1970, вып. 11. Барнаул, с. 72.

кыргызов позволяют говорить о происшедшем, по-видимому, взаимовлиянии этих племен»¹⁷. А. А. Гаврилова также включает восточноказахстанские погребения в сроткинский тип, и объясняет особенно сти сроткинской культуры уйгурским влиянием, утверждая, что «своеобразие памятников, распространенных южнее Алтая, обусловлено, видимо, этническими отличиями. Таковы могилы Бобровского могильника, принадлежавшие кимакам, современникам сроткинцев, отличающихся своеобразным поясом, керамикой»¹⁸.

Действительно, сходство между материалами североалтайских и восточноказахстанских погребений IX—X вв. велико, оно проявляется не только в общераспространенных для этого времени типах предметов (срединные накладки на лук, сабли-палаши с напускным перекрестием, удила с 8-образным окончанием звеньев и дополнительными кольцами без псалий и т. д.), но и в ряде специфических общих форм.

Это — костяные изогнутые псалии с «сапожком», расположение внешних колец 8-образных удил в одной плоскости, сочетание петельчатых стремян с округлой подножкой и стремян с невыделенной пластиной и узким прямым подножием, костяные и бронзовые пряжки с острым носиком, фигурные изображения всадников с «нимбом», лировидные подвески с прямой ножкой и круглым отверстием, антропоморфные подвески и в виде птиц, копоушки, длинные ременные наконечники, сердцевидные бляхи-решмы с личиной колокольчиком посередине, Т-видные плоские тройники, наконечники в виде рыб, прямоугольные бляшки с петлей или с острым носиком, двухсоставные застежки, различного рода украшения, выполненные в ажурном стиле с мотивами растительного орнамента, изображением противостоящих птиц и т. д. (табл. I). Такое сходство предметов сопроводительного инвентаря может рассматриваться только как свидетельство принадлежности погребений, в которых они были найдены, к одной археологической культуре.

Этому не противоречат и данные об особенностях погребального обряда североалтайских и восточноказахстанских памятников. Для них одинаково характерна восточная (с отклонениями к северу) ориентировка погребенных и подкурганное захоронения, одиночные и с конем. В Восточном Казахстане в основном преобладают погребения с конем, типологически близкие горноалтайским. Это объясняется, по-видимому, тем, что предками тех и других были телеские племена, хоронившие своих покойников с конем¹⁹.

¹⁶ Елькин М. Г. Курганный могильник позднего железного века в долине р. Ур. — «Известия лаборатории археологических исследований», 1970, вып. 2. Кемерово, с. 92.

¹⁷ Арсланова Ф. Х. Бобровский могильник, с. 80.

¹⁸ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ..., с. 72.

¹⁹ Трифонов Ю. И. Об этнической принадлежности погребения с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрко-тугю). — В кн.: Тюркологический сборник 1972 года. М., 1973, с. 351—374.

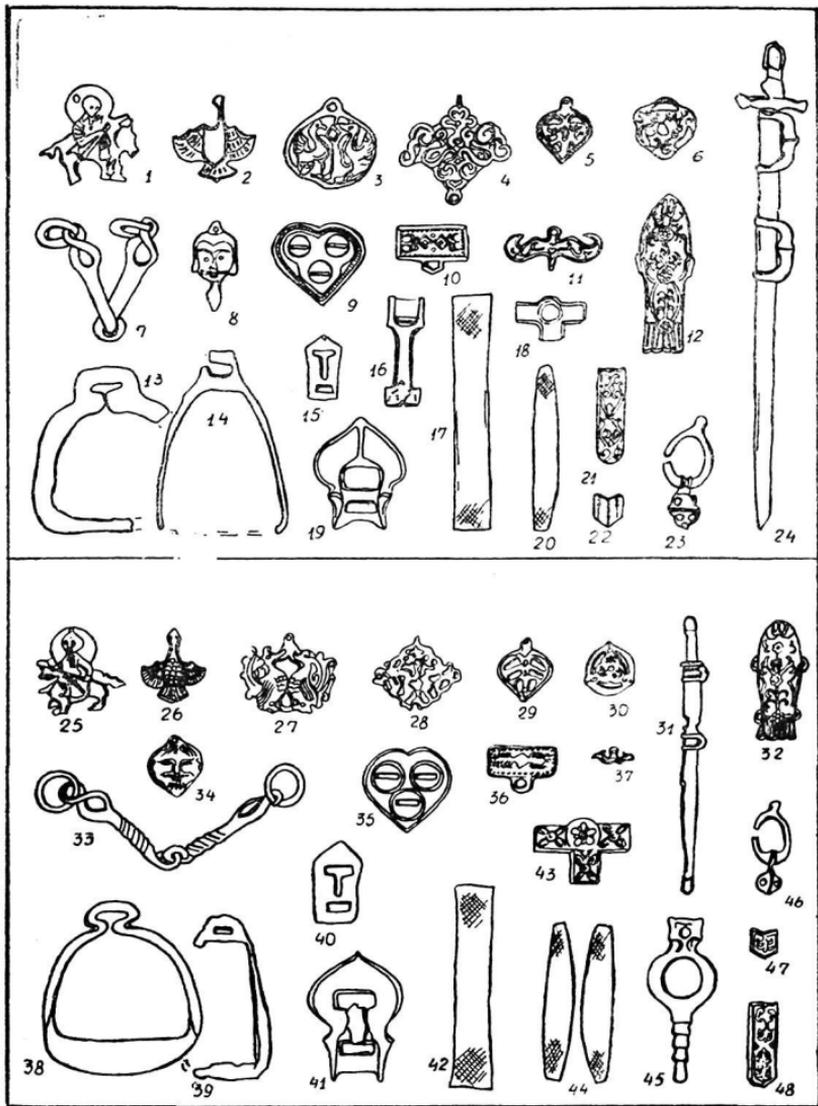

Таблица I. Предметы сопроводительного инвентаря из погребений IX—X вв. Восточного Казахстана и Северного Алтая (1—24 — Северный Алтай, 25—48 — Восточный Казахстан): 1 — Кулундинское (по А. А. Спицину), 2 — Нечунаево (раск. А. П. Умай-

К северу от Алтая широко распространены одиночные грунтовые захоронения и коллективные усыпальницы с несколькими могильными ямами под одной курганной насыпью; иногда в одном комплексе сочетаются обряды труположения и трупосожжения. В Восточном Казахстане таким погребением является курган 146 Зевакинского могильника, в котором под одной насыпью были четыре могильные ямы²⁰. На Северном Алтае в могильнике у с. Иня находилось три²¹, на Большой Речке — пять²², а в кургане 30 могильника Ур-Бедари — девять могильных ям с различными особенностями в погребальном обряде²³. Сравнение памятников со сrostкинским инвентарем из Восточного Казахстана и Северного Алтая убеждает как в общих закономерностях погребального ритуала здешнего населения, так и в его региональном отличии (табл. 1). С точки зрения погребального обряда так и должна была выглядеть полиэтническая культура, объединенная одним предметнокультурным комплексом.

Близость сrostкинской культуры и культуры кимаков косвенным образом подтверждается и данными палеоэтнографии. Предположительно основными занятиями населения сrostкинской культуры являлось полуседелое скотоводство, охота, рыболовство, подсобное значение имело земледелие²⁴. Аналогичные формы хозяйства, судя по данным письменных источников, были у кимаков. По Гардизи, кимаки «все владеют стадами коров и баранов... Предметы охоты кимаков — соболи и горностаи»²⁵. Анонимный автор «Худуд ал-алам» сообщает, что «жители ее (страны кимаков. — Д. С.) селятся в шатрах и

²⁰ Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г. Руническая надпись на зеркале из верхнего Прииртышья, с. 306—308, табл. 1.

²¹ Уманский А. П. Археологические памятники у с. Иня, с. 45—62.

²² Грязнов М. П. История древних племен верхней Оби. — МИА, № 48, 1956, с. 145—150.

²³ Елькин М. Г. Курганный могильник позднего железного века в долине р. Ур., с. 81—92.

²⁴ Грязнов М. П. История древних племен..., с. 151—152.

²⁵ Бартольд В. В. Приложение к отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью, 1893—1894 гг. — Соч., т. VIII. М., 1973, с. 45.

ского), 3 — Басандайка, к. 77 («Басандайка»), 4 — Усть-Большая речка (раск. М. Д. Копытова, 1925 г., Вийский музей, coll. 843), 5, 8, 10, 16, 17, 24 — Сrostки (раск. М. Д. Копытова, 1925 г., Вийский музей, coll. 849), 6 — Архирейская заимка, м. 16 (по С. К. Кузнецову), 7, 13, 15, 20, 21 — Сrostки, к. 2 (по А. А. Гавриловой), 9 — Алтай, Поречье (ГИМ, coll. 54321), 12 — Малое Поношево (раск. А. П. Уманского), 14 — Большие Елбаны VIII, к. 2 (по М. П. Грязнову), 18 — Сrostки, к. 6 (раск. М. Н. Комаровой, 1925 г., Гос. Эрмитаж, coll. 4381), 19 — Иня (по А. Г. Кузнецовой), 22, 23 — Ур-Бедари, к. 30 (по М. Г. Елькину), 25 — Семипалатинская обл. (по А. А. Спицину), 26—28, 34, 46 — вещи из курганов «между Обью и Иртышом» (по Г. Ф. Миллеру), 29, 35, 40 — Бобровский мог-к (по Ф. Х. Арслановой), 30, 33, 38, 47, 48 — Текели (по Е. И. Агеевой и А. Джусупову), 31, 44, 45 — Орловский мог-к (по Ф. Х. Арслановой), 32, 39, 42 — Трофимовка (по Е. И. Агеевой и А. Г. Максимова), 36, 43 — вещи из курганов по Бухтарме (по В. В. Радлову), 37 — Зевакинский мог-к, к. 146 (по Ф. Х. Арслановой и С. Г. Кляшторному), 41 — Шайтановка (раск. В. И. Каменского, 1910 г., МАЭ, coll. 1726).

Таблица 1

Погребальный обряд некоторых памятников Восточного Казахстана и Северного Алтая

Название памятника	Кол-во ям	Положение человека	Наличие животных	Остатки сожженных
Бобровский, к.6 (по Ф.Х. Арслановой)	1	Кенотаф	На поверхности обожженные кости	На поверхности
Орловский, к.1 (по Ф.Х. Арслановой)	1	На спине, ор. В	Кости лошади и собаки перемешаны	—
Орловский, к.126 (по Ф.Х. Арслановой)	1	На спине, ор. В	Конь рядом, ор. В	—
Зевакинский, к. 146 (по Ф.Х. Арслановой и С.Г. Кляшторному)	4	На спине, ор. В	—	—
Гилево (суммарные данные по В.А. Могилиникову)	1 и более	На спине, ор. В	Конь или кости (череп и конечности коня)	В насыпи и в ямах около поверхности
Сростки, к.2 (по М.Н. Комаровой)	1	—	Отдельные кости барана	На дне ямы
Сростки, к.4 (по М.Н. Комаровой)	1	На спине, ор. В	—	—
Сростки, к.5 (по М.Н. Комаровой)	1(?)	Кости ступни в сев. части ямы	—	На дне посередине ямы
Большие Елбаны VI, к.1 (по М.П. Грязнову)	5	На спине, ор. В	—	—
Большие Елбаны VIII, к.1 (по М.П. Грязнову)	5	На спине, ор. В	—	—
Иня, к.2 (по А.П. Уманскому)	2	На спине, ор. СВВ	Баран и лошадь, кости обожжены	На перекрытии могил
Иня, к.4 (по А.П. Уманскому)	3	На спине, ор. В, СВВ	Кони и собаки	—
Ур-Бедари, к.30 (по М.Г. Елькину)	9	На спине, ор. В	Конь рядом, под человеком туловище коня, череп и конечности коня	Обожженные кости в насыпи, детское сож. (м.6)

кочуют в поисках сухой травы, воды и зеленых лугов летом и зимой. Статьями их дохода являются соболь и овцы»²⁶. Наряду с этим в других источниках говорится, что «их (кимаков.— Д. С.) жилище среди зарослей у густых лесов», «они питаются рисом, мясом и рыбой. Рыбы у них много»²⁷ и т. д. Противоречивый характер этих сведений свидетельствует скорее всего о широком расселении кимаков и наличии разных культурно-хозяйственных районов в пределах их страны, северные границы которой доходили до «окружающего моря», или «необитаемых стран севера», как называют письменные источники таежные пространства Северной Азии.

Все это — хронологическая и территориальная близость памятников, одинаковая этнографическая культура, выразившаяся в общих формах хозяйства, в предметах сопроводительного инвентаря и основных закономерностях погребального обряда, позволяет говорить о принадлежности (в широком понимании этнонима) памятников сросткинской культуры кимакам²⁸. Промежуточное место между восточноказахстанскими и североалтайскими памятниками занимают погребения, исследованные в Алейской степи на Западном Алтае²⁹. В этническом отношении, по мнению В. А. Могильникова, одна «из групп тюркских племен в культурно-этническом отношении близкая, хотя и не тождественная полностью восточноказахстанским кимакам»³⁰. Возможность пребывания кимаков на Алтае и раньше допускали многие исследователи. Так, В. В. Радлов писал о том, что «северную часть киргизской степи и самый Алтай занимали, вероятно, кеймаки»³¹. «В сочинениях восточных авторов,— отмечает Л. П. Потапов,— кимако-кыпчакские племена выступают как жители долины Иртыша и западносибирских степей. Они, конечно, обитали в горах Алтая, особенно Западного»³².

Предлагаемая идентификация сросткинской культуры и культуры кимаков позволяет использовать данные о распространении памятников первой культуры для решения некоторых вопросов этногеографии государства кимаков в IX—X вв. Памятники сросткинской культуры начинаются от верховьев Иртыша, тянутся вдоль Западного Алтая и затем располагаются в приобских степях. Таким образом, если иметь в виду Алтайскую горную систему в целом, то она занимает западные и северные ее предгорья с прилегающими лесостепными райо-

²⁶ Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973, с. 44.

²⁷ Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, с. 92—94.

²⁸ Савинов Д. Г. К этнической принадлежности сросткинской культуры. — В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. (Материалы Всесоюзной конференции). Томск, 1973, с. 189—192.

²⁹ Могильников В. А. Работы Алейской экспедиции. — В кн.: Археологические открытия 1971 года. М., 1972, с. 299—300.

³⁰ Могильников В. А. Археологические исследования на Верхнем Алее. — В кн.: Археология и краеведение Алтая. Барнаул, 1972, с. 42.

³¹ Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. СПб., 1893, с. 119.

³² Потапов Л. П. Очерк этногенеза южных алтайцев. — СЭ, 1952, № 3, с. 32.

нами (ср. сообщение Гардизи о том, что кимаки «все живут в лесах, ущельях и степях») ³³. Из списка памятников «сросткинского типа», приведенного А. А. Гавриловой, следует исключить забайкальские и тувинские, которые скорее всего относятся к культуре енисейских кыргызов.

Весьма сомнительно и выделение горноалтайского варианта сросткинской культуры. Многочисленные параллели с курганом 2 Копенского чаа-таса, дата которого довольно точно определена Б. И. Маршак, не ранее середины IX в. позволяют синхронизировать курайские и копенские материалы ³⁴. Погребения VIII—X вв. в других местах Горного Алтая, по сопроводительному инвентарю мало похожие на сросткинские (Катанда II, к. 2 и др.), относятся к той же культуре, что и Курай. По некоторым общепотребительным формам предметов сросткинские памятники Северного Алтая трудно отличить от таковых Горного Алтая, но это объясняется не столько их генетической преемственностью, сколько сосуществованием. Большинство собственно сросткинских памятников, как уже говорилось, находится в районе Верхней Оби. На востоке крайним пунктом их распространения является могильник Ур-Бедари, расположенный в западных отрогах Кузнецкого Алатау, бывшего, очевидно, этническим барьером между кимаками и енисейскими кыргызами в этой части Саяно-Алтая.

Интересно, что в письменных источниках кимаки упоминаются не только как западные, но и как северные соседи кыргызов ³⁵. Очевидно, в данном случае имеются в виду енисейские кыргызы, так как существование в IX—X вв. тяньшанских киргизов как самостоятельного народа весьма сомнительно. Именно в это время енисейские кыргызы включили в свое государство Туву и Горный Алтай и стали непосредственными соседями кимаков на Иртыше ³⁶. В такой ситуации кимаки могли оказаться севернее кыргызов, только живя в степном Алтае, где и выявлено большинство сросткинских памятников. На севере они доходили согласно современной административной карте до Омска — Новосибирска — Томска. Наиболее убедителен как подтверждение северных границ распространения сросткинской культуры ранний комплекс Басандайки, сложный характер которого раньше объясняли скрещением «тюркской культуры и культуры Камской чуди» ³⁷.

³³ Бартольд В. В. Приложение к отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью, 1893—1894 гг. — Соч. т. VIII. М., 1973, с. 45.

³⁴ Маршак Б. И. Согдийское серебро. М., 1971, с. 54—58.

³⁵ Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам, с. 55—56; Караев О. Арабские и персидские источники о киргизах и Киргизии IX—XI вв. Фрунзе, 1968, с. 30—60.

³⁶ Кимакские и кыргызские погребения, например, входят в состав Зевакинского могильника. См.: Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г. Руническая надпись на зеркале из верхнего Прииртышья. — В кн.: Тюркологический сборник 1972 года. М., 1973; Арсланова Ф. Х. Курганы с группосожжением в верхнем Прииртышье. — В кн.: Поиски и находки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 56—76.

³⁷ Басандайка. Сб. материалов и исследований по археологии Томской области. Томск, 1947, с. 187.

Подробно на этом вопросе останавливался А. П. Дульзон. «Ряд предметов из грунтовых могил, — писал он, — показывает типично верхненеисейские (тюрко-монгольские) мотивы в своей орнаментации»³⁸. При определении этнической принадлежности населения, оставившего грунтовые могилы Басандайки, обращают на себя внимание знакомые черты погребального обряда: несколько могил под одной курганной насыпью, трупоположение и трупосожжение в одном комплексе и др. Найденные здесь вещи (ажурные украшения, изображенные противоящих птиц, сердцевидные подвески, двухстворчатые застежки) объединяют ранний комплекс Басандайки со сrostкинской культурой. В среднем Прииртышье близок к Сrostкам по общей культуре курган у дер. Соляное. По мнению изучавших его археологов, «аналогичные погребальные сооружения и обряд зафиксированы в Ждановском и Бобровском могильниках Павлодарского Прииртышья. Полагают, что эти курганы характеризуют погребальные традиции кочевников-кимаков»³⁹. Открытые около г. Ишим погребения Пахомовского могильника сылвенской культуры, правда, несколько более позднего времени, отличаются от сrostкинских как по обряду захоронения, так и по составу сопроводительного инвентаря. Видимо, где-то на этой территории проходила граница между кимаками и более северными этно-лингвистическими группами. «В этническом отношении можно думать, — пишут В. Ф. Генинг и Б. Б. Овчинникова, — что население сылвенской культуры принадлежало уграм. Большое влияние на население сылвенской культуры оказали кочевники казахских степей... кимаки, в среде которых было также немало древнесибирских родов и племен»⁴⁰. На западе отдельные памятники сrostкинской культуры встречаются в Барабинской степи (Усть-Талькин)⁴¹, в Челябинской (Синеглазово)⁴² и Актыбинской (Текели)⁴³ областях.

Таким образом, по данным письменных источников, регион распространения памятников сrostкинской культуры соответствует территории расселения кимацких племен к середине IX в. Б. Е. Кумекон пишет, что кимаки заселяли территорию «приблизительно от юго-восточной части Южного Урала до Приаральских степей на западе, с земель Центрального Казахстана до Северного Прибалхашья, включая часть территории северо-восточного Семиречья на юге, от Западного

³⁸ Дульзон А. П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар. — «Ученые записки Томского гос. пединститута». Т. X. Томск, 1953, с. 195.

³⁹ Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова И. В. Памятники железного века в Омском Прииртышье. — В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, с. 225.

⁴⁰ Генинг В. Ф., Овчинникова Б. Б. Пахомовский могильник. — «Вопросы археологии Урала». Вып. 8. Свердловск, 1969, с. 136—137.

⁴¹ Архив ЛОИА, д. 71, 1896 г.; ГИМ, колл. 36848.

⁴² Архив ЛОИА, д. 219, 1904 г.

⁴³ Агеева Е. А., Джусупов А. Интересная находка. — «Ученые записки КазГУ», № LIV. Вып. 12. Серия исторических наук. Алма-Ата, 1963.

Алтая до Кулундинской степи на востоке и до лесостепной полосы на севере»⁴⁴. Вместе с тем археологические материалы вносят определенные коррективы в представления об этногеографии кимаков в IX—X вв. Очевидно, кимакскими следует считать достаточно густо населенные, судя по концентрации памятников, районы Северного и Западного Алтая. Однако следует сказать, что пока нет археологических подтверждений пребывания в это время кимаков в Семиречье. В 1960 г. на основании раскопок в ложе водохранилища Новосибирской ГЭС М. П. Грязнов выделил четыре локальных варианта сросткинской культуры: бийский, барнаульско-каменский, новосибирский и кемеровский, которые, по его мнению, «соответствовали четырем племенным объединениям»⁴⁵. В настоящее время к ним следует прибавить восточноказахстанский, в свою очередь охватывающий, вероятно, несколько этнографических районов, и западноалтайский ареалы. Задачей дальнейших исследований является уточнение районирования памятников сросткинской культуры с учетом археологических материалов и данных письменных источников, а также региональное рассмотрение происхождения локальных вариантов сросткинской культуры как культуры кимаков.

---

⁴⁴ Кумекон Б. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, с. 58.

⁴⁵ Грязнов М. П. Археологические исследования на Оби в ложе водохранилища Новосибирской ГЭС. — В кн.: Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. (Тезисы докладов и сообщений). Иркутск, 1960, с. 24.

УНИКАЛЬНОЕ КУЛЬТОВОЕ
СООРУЖЕНИЕ АУЛИЕ КУМЧИК-АТА
В РАЙОНЕ г. ТУРКЕСТАНА

Т. Н. Сенигова

В 1972—1973 гг. в районе охранной зоны мемориального комплекса Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане Институтом истории, археологии и этнографии АН КазССР совместно с Министерством культуры Казахской ССР¹ проводились археологические раскопки памятников, располагавшихся вокруг этого мавзолея. В число раскопанных памятников вошли два культовых сооружения — Аулие Кумчик-Ата и Хильвет². Аулие Кумчик-Ата³ (в переводе: «Песчаный холм святого отца») к началу работ представлял собой задернован-

---

¹ В археологических раскопках памятника принимали участие студенты Казахского Государственного университета им. С. М. Кирова М. Елеуов и Московского Государственного университета им. М. В. Ломоносова А. Бочкарев и С. Кочергин. Графические работы и фотографии выполнены Г. И. Блимхен.

² Сенигова Т. Н. Культовые сооружения возле комплекса Ходжи Ахмеда Ясави. В печати.

³ О расположении холма и его названии мы узнали в 1972 г. от местного жителя г. Туркестана Тимурбека Казикенова. Без его информации отыскать этот участок среди сотни по внешней конфигурации таких же холмов и бугров древнего Туркестана было бы невозможно. Но сжатые сроки работ предыдущего года не позволили его вскрыть. Позже в 1973 г. о наличии Кумчика сообщил и наш рабочий М. Истлеуов.

ную сочной растительностью возвышенность полутораметровой высоты, прямоугольной формы, размером $28,5 \times 15$ м, находящуюся юго-западне мавзолея, в 150 м к востоку от водонапорного колодца. В центре ее была западина глубиной до 1,5 м, диаметром 3,0 м, в которой на поверхности просматривалась кладка из жженого кирпича. Возвышенность окружала стена, проходившая от нее на расстоянии 30—50 м и сохранившаяся в высоту на 50 см. По словам старожитов г. Туркестана, здесь прежде стояла мечеть с длинным входом.

На этой возвышенности был заложен прямоугольной формы раскоп ($19,40 \times 4$ м), ориентированный длинной стороной с северо-запада на юго-восток.

В верхних слоях раскопа обнажился фундамент какого-то здания, сложенного из сырцового кирпича ($18 \times 7 - 7 \times 30 - 32$ см). От его основания шли три стены. У двух, юго-западной и северо-западной, кладка сделана ложком поперек стены, у третьей, северо-восточной, — вдоль стены. Возле каждой стены выявлен пол на глубине 80 см. Он выложен из того же кирпича, что и стены, но уложен плашмя. Метром ниже обнаружены остатки культового сооружения высотой 1,5 м. Оно возведено из обожженного кирпича (размером $25 \times 25 \times 4 - 5$; $26 \times 26 \times 4 - 5$ см) и состоит из квадратного и круглого помещений и длинного входа-тоннеля. Небольшое квадратное помещение ($1,75 \times 1,60$ м) под некоторым уклоном к стенам имело шатровое перекрытие, завершающееся замком (рис. 1).

Южный участок перекрытия над входом разрушился, в результате чего и образовалась западина.

Общая высота помещения с замком перекрытия 2,55 см.

В середине северной и западной стен помещения имелись две пробоины (60×50 см), очевидно, следы поисков фантастических ходов к комплексу Ахмеда Яссави. В юго-восточной стене помещения устроен дверной проем, а в юго-восточном углу — ниша глубиной 19 см и шириной 24 см; от начала конька до ее основания 36 см. Посредством дверного проема шириной 45 см квадратное помещение соединялось с круглым. Толщина стены у проема различная. Она образована соединением стен квадратного и круглого сооружения и составляет от входа с левой стороны 53 см, а с правой вследствие засыпки шва боем кирпича — 65 см. Диаметр круглого сооружения по внутренним замерам 3,10 м (рис. 2). Стены помещения в высоту на 1,50 м возведены из жженого кирпича тех же размеров, что и описанные. При переходе к куполу три верхних венца кирпичной кладки высотой 30 см выложены уступом наружу, в результате чего диаметр верхней части помещения по внешним замерам превысил внутренние на 80 см и составил 3,90 м.

Круглое помещение и последние венцы кирпичной кладки напуском свидетельствуют о том, что оно завершалось куполом. По словам старожитов, купол часто обваливался и его постоянно ремонтировали. В юго-западной стене этого помещения на расстоянии 80 см от входа в квадратное помещение под первым, выходящим наружу венцом, рас-

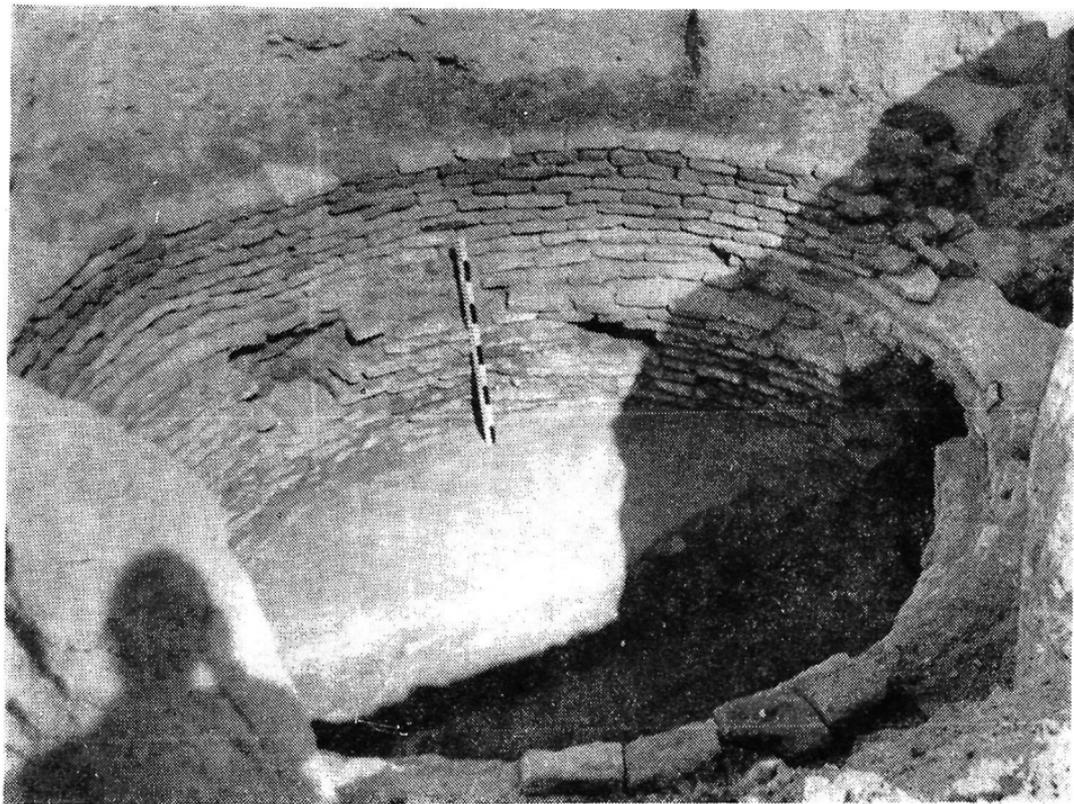

Рис. 2. Циркульное помещение с нишей и арочным ходом, ведущим в тоннель,

55 см. Связующим раствором в швах служила глина. Кирпичи беловато-желтого цвета. На обратной стороне их имелись продольные отпечатки параллельных полос. Изучение системы кирпичной кладки в шурфе позволило сделать вывод о том, что стена воздвигнута в заранее вырытом в материковом грунте котловане. При такой системе кладки с расширением у основания купол помещения должен быть шаровым. При дальнейшей зачистке стен помещения в восточной части его выявлен второй проем, завершающийся арочным сводом, ведущим в тоннель (рис. 3).

Следует отметить, что он возведен против дверного проема в квадратное помещение. Свод тоннеля располагался на уровне свода ниш. Начало арочного свода высотой 22 см сложено следующим образом. На две стены тоннеля под уклоном внутрь укладывалось плашмя четыре кирпича. На них ставилось по два кирпича на ребро и затем под углом друг к другу между ними помещали кирпичи с расклиной в швах. Ширина свода у основания 50 см. Дальше в глубину тоннеля он расширялся до 80 см. Начало свода плохо сохранилось. Часть кирпичей упала внутрь помещения. За пределами здания арка свода разобрана, остались лишь стены тоннеля. Высота в начале входа 130 см, поэтому, чтобы войти, надо нагнуться.

Обычно посетитель данного сооружения шел не по прямому тоннелю, а по извилистому.

Учитывая своеобразие всего сооружения, а также большие размеры памятника (общая протяженность 14,35 м), его целесообразно рассматривать по участкам. Так, первым участком является изгибающийся тоннель длиной 4,75 м, начинающийся от циркульного сооружения по прямой с некоторым выступом кирпичной кладки в основании (результат подстройки тоннеля) и люком над ним. Устье люка сохранилось на северном участке в высоту на 80 см (17 рядов кирпичей), на южном — на 70 см. Диаметр люка 90 см, стенки его сливаются с коробовым перекрытием свода тоннеля (рис. 1) и в тоннель не заходят. Это свидетельствует о недолговременном пользовании люком. Видимо, коробовое перекрытие разрушилось, и вход в тоннель осуществлялся через его верх у арочного проема в циркульное помещение. Грунт, заполнявший этот участок тоннеля, плотный, у пола многослойный, спрессованный с большим количеством фрагментов поливной и неполивной разновременной керамики, характеристику которой мы дадим позже.

От середины люка (второй участок) тоннель протяженностью 3,50 м (по прямой) поворачивает на юго-восток. Высота кирпичной кладки с переходом на коробовый свод увеличивается до 180 см (рис. 4). При этом северная стена тоннеля имела четко выполненный резкий изгиб, который потом был заложен кирпичами, в то время как противоположная стена была большего размера и к проходу сужалась. В стене вместе с кирпичом встречается и крупный камень — следы ремонта памятника.

Начало входа в тоннель заложено камнем, у основания лежала

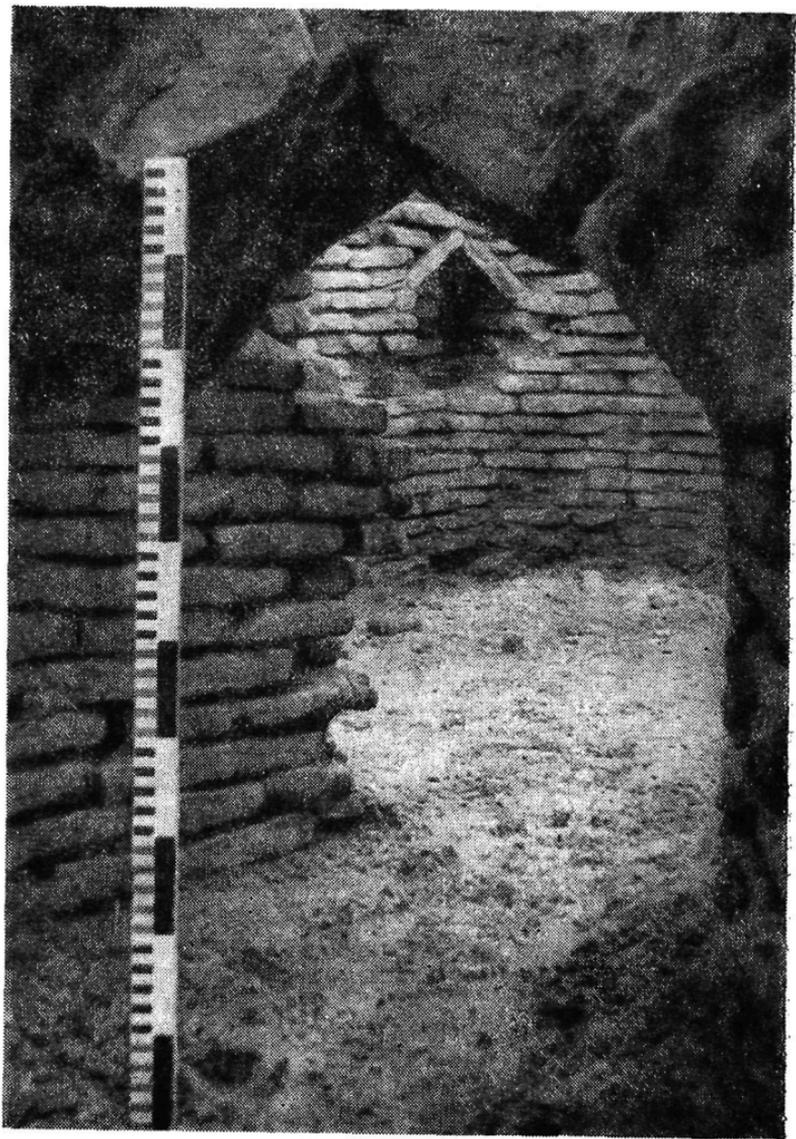

Рис. 3. Выход из тоннеля в циркулярное помещение.

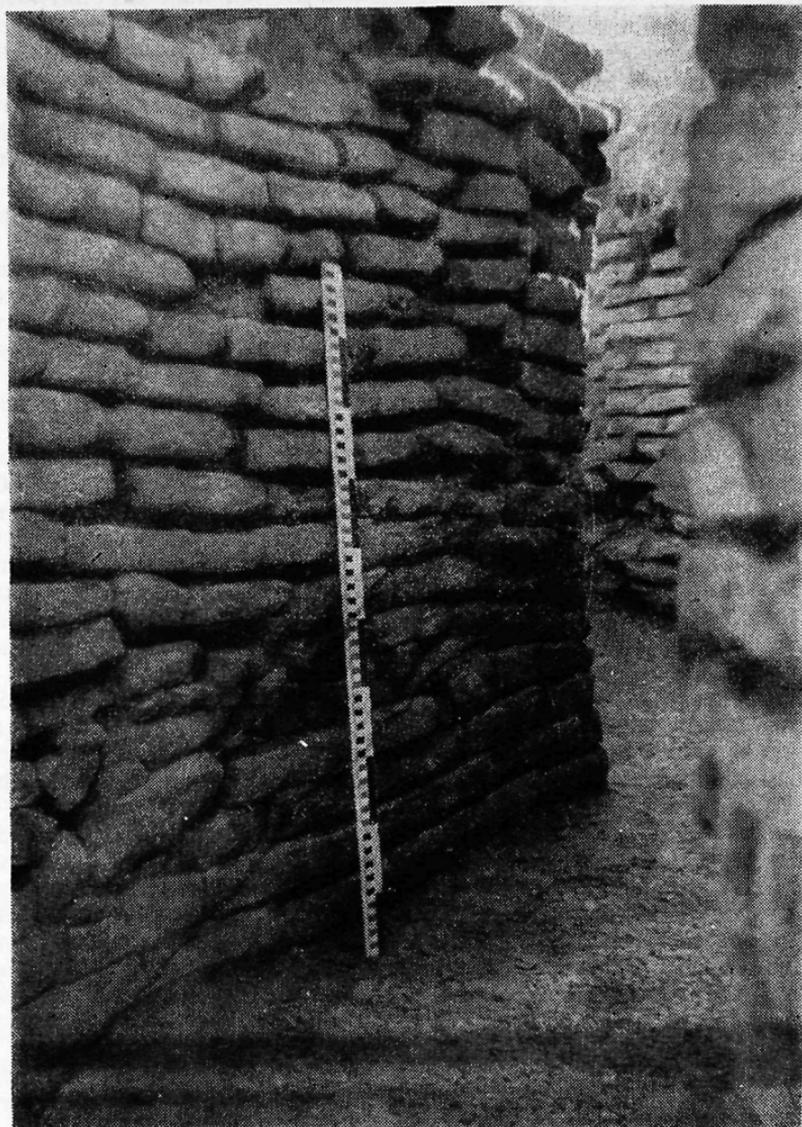

Рис. 4. Стены тоннеля.

каменная плита — порог. Внутри тоннель заполнен плотными песчаными натеками лёссового грунта, остатками зольных вкраплений и мелко битой керамикой.

После выборки с этого участка культурного слоя оказалось, что в восточном направлении стены тоннеля надстроены кирпичом (третий участок), взятым из разрушенного свода, и продолжены так, что образуют квадратный тамбур (шириной 80 см, длиной 115 см), толщины стен 45 см (один целый кирпич и половина). Фундаментом восточной стены тамбура служили округлые камни.

Очевидно, когда вход основного тоннеля (второго участка) разрушился, стали ходить молиться в тамбур.

Подводя итоги характеристики участков тоннеля, следует отметить, во-первых, что в плане он имеет серпантинную форму длиной 10,60 м; во-вторых, перекрытый коробовым сводом он устроен под уклон: на каждый метр 6,5 см (уклон от поверхности земли до глубины отметки пола центрического помещения достигал 65 см).

В-третьих, будучи ориентирован на восток и начинаясь от центрического помещения в виде дверного проема высотой с аркой 1,30 см, под куполом, на расстоянии 4,75 см от начала проема он имел лаз, служивший одновременно и световым люком. Продолжаясь на 3,50 м, он выходил на поверхность и завершался тамбуром. Отсутствие остатков кирпичного пола под стенами тоннеля свидетельствует о том, что им являлся лёссовый материковый грунт. К сожалению, о стратиграфии залегания культурных напластований мы не располагаем данными. Неоднократные ремонтные работы на памятнике и продолжительное его функционирование не позволяют получить четкое представление о залегании слоев.

Как в насыпи, так и в грунте над комплексом и его входом обнаружено значительное количество керамики. Если в верхних слоях она фрагментарна, то в нижних, в частности, в раскопе над входом в квадратное помещение, ее обломки крупнее и позволяют судить о ее формах. Хронологически керамика укладывается в четыре периода.

Характеристика керамики и датировка памятника. С периодом обживания территории вокруг памятника следует связать керамику, найденную в насыпе холма. Это фрагменты ручек от кувшинов. Одна ручка круглая в сечении (рис. 5, 2), другая желобчатая (рис. 5, 3). Интересна также ручка кружечки с боковинкой. Она изготовлена из теста с примесью песка, желтовато-коричневого цвета, круглая в сечении (рис. 5, 4). Такого типа керамика известна на городищах Отрарского оазиса. В частности, круглые и желобчатые ручки имеются среди материалов Ак-тобе, датированного IV—X вв.⁴

Петлевидные желобчатые ручки у кружечек встречены на городищах южных и северных склонов Каратау, Ботай-тобе и в самом Отраре в слоях IV—VI (VIII—X вв.)⁵.

⁴ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. (Топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата, 1972, с. 172.

⁵ Там же, с. 86, рис. 39; с. 87, рис. 40, 41; с. 174.

Круглые и овальные ручки отмечены и на сосудах Тортколя I, керамика которого датируется не позднее VIII в.⁶

Эта, хотя и незначительная коллекция керамики, собранная в насыпи архитектурного комплекса Кумчика, позволяет говорить о том, что жизнь в данном районе прослеживалась еще до возведения памятника, т. е. до VIII—X вв. Но судя по тому, что вокруг памятника рас-

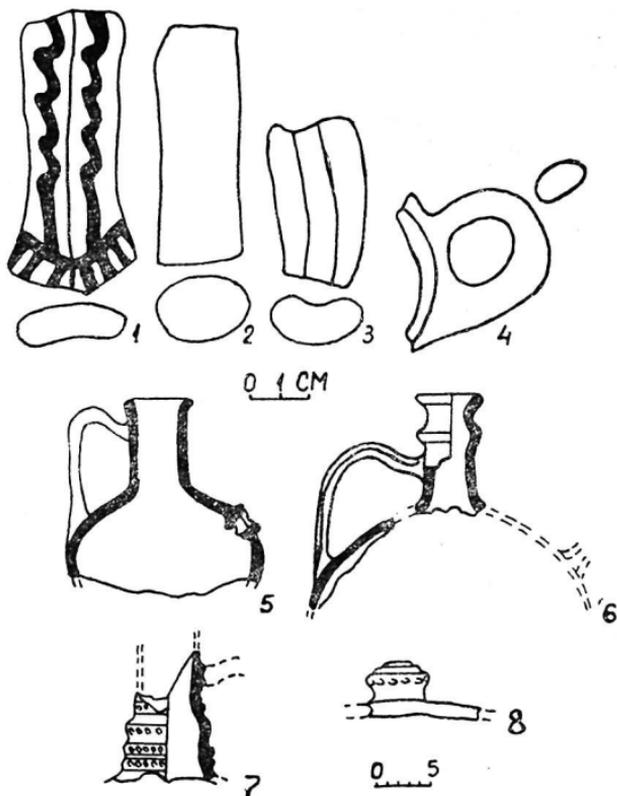

Рис. 5. Фрагменты ручек от сосудов.

средоточено немало поселений, еще не изученных, но имеющих аналогичную керамику, возможно, некоторые из них дадут материалы и более раннего периода.

С первым периодом, т. е. уже с архитектурным комплексом Кумчика, следует связывать небольшую, но очень характерную группу

⁶ Там же, с. 174, 175, рис. 152.

керамики, извлеченную из самих помещений (квадратного, центрального и начального участка тоннеля).

В ее число входит фрагмент колеччатой формы ручки плоского сечения от кувшинчика. По внешней поверхности она орнаментирована черно-коричневыми волнистыми параллельными линиями, расчлененными прямой. От основания ручки на корпус сосуда под углом переходят радиально расходящиеся полосы (рис. 5, 1). Аналогичной раскраски посуда широко представлена на материалах городищ Южного Казахстана X—XII вв.⁷, Таласской долины⁸, Таджикистана⁹, Отрара и Чардары в слоях XI — начала XIII в.¹⁰

Ю. А. Заднепровский утверждает, что посуда с фигурной раскраской пришла в города из сельской округи.

К этой же группе неполивной керамики следует причислить еще три фрагмента (рис. 6, 16, 17). Один фрагмент боковины массивного сосуда, форму которого определить не удалось. Он изготовлен ручной лепкой с обильной примесью песка и шамота. Поверхность у него шероховатая, серо-желтого цвета. Орнамент на корпусе состоит из прорезных арочек и пояска рельефных овальных вмятин. Другой фрагмент — обломок верхней части корпуса хума. Тесто его плотное с значительными вкраплениями мелкозернистого песка. Вверху сосуд украшен штампованным узором, воспроизводящим солярный знак и вихревую розетку. Эти орнаменты широко известны в Южном Казахстане с тюркского времени (VII—VIII вв.)¹¹ и затем продолжают существовать в X—XIII вв.¹²

Поливная керамика данной группы включает боковинки и донца чаш на кольцевом поддоне. Наиболее ранние образцы ее составляют три фрагмента (рис. 6, 9): один с эпиграфическим начертанием букв по светлому фону, другой с орнаментом в виде «огурцов», выполненным черной краской в овалах. Поверхность изделия покрыта прозрачной свинцовой поливой по светлому фону. Рядом с основным узором расположена треугольная фигура, заполненная черными точками (рис. 6, 14). Третий фрагмент с орнаментом в виде распахнутого крыла (рис. 6, 5). В эту же группу входят и полный конический поддон свечильника, покрытый ярко-зеленой поливой (рис. 6, 13), и фрагменты с пальметками и подглазурной росписью (рис. 6, 7, 10). Подобная

⁷ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений городов Южного Казахстана. — «Труды ИИАЭ АН КазССР». Т. 5. Алма-Ата, 1958, с. 193, рис. 109 (X—XII вв.); Агеева Е. И. Памятники средневековья (раскопки на городище Бабата). — В кн.: Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата, 1962, с. 201—202, рис. 62.

⁸ Кожеляко П. Н. Оседлые поселения Таласской долины. — В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, с. 161, табл. VI, с. 175.

⁹ Давидович Е. А., Литвинский Б. А. Археологический очерк Исфаринского района. — «Труды ИИАЭ ТаджССР». Т. XXV. Душанбе, 1955, с. 109; Тереножкин А. И. Археологические находки в Таджикистане. — КСИИМК, XX, 1949, с. 77.

¹⁰ Мерциев М. С. Городище Ак-Тобе I (IV — начало XIII в.). — В кн.: Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, с. 154, рис. 22, 62.

¹¹ Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972, с. 61, рис. 9.

¹² Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар, с. 95, рис. 49.

керамика зафиксирована в Отраре в слоях X—XI вв.¹³ и в Таразе в слоях X—XII вв.¹⁴

Ко второму периоду, связанному с функционированием памятника в более позднее время, относится весьма характерная неполивная керамика, добытая в центрическом помещении и тоннеле. Она представлена немногочисленными образцами, большинство из них кувшины (рис. 5). Судя по стенкам сосудов, все они сделаны на гончарном круге. В изломе прослеживается плотное тесто с примесями мелкозернистого песка. Черепок красновато-серый. Внешняя поверхность их покрыта светлым ангобом, на котором имеются красноватые подтеки параллельных полос по горловине и овальных в верхней части корпуса.

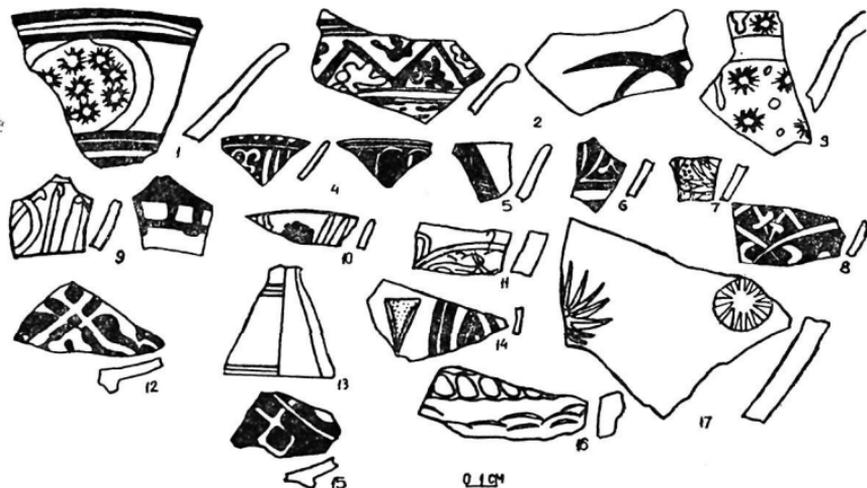

Рис. 6. Поливная и неполивная керамика.

В коллекции были высокие (8—11 см) цилиндрические горловины кувшинов, которые заканчиваются отогнутым треугольного сечения бортиком или закраиной с раструбом (рис. 5, 5, 6). Диаметр горловин 5 см. Есть горловины, украшенные одним или четырьмя рельефными валиками, проходящими как над верхним концом ручки, так и под ним. Горловина с тремя валиками значительно больше диаметром (6—7 см), чем описанная (рис. 5, 7). Каждый из валиков имеет по краю рельефные вдавления. Ручки этих сосудов плоские, петлеобразные, иногда с одним-двумя рельефными вертикальными валиками вдоль или с ангобными красными полосами. Они крепились верхним

¹³ Там же, с. 101, рис. 55.

¹⁴ Там же, с. 152, табл. XI, 93.

концом в 2—4 см от края горловины, а нижним — в верхней части корпуса сосуда. Узкое цилиндрическое горло переходит в крутые плечики округлого корпуса. На стороне, противоположной ручке, на одном с ней уровне, сделан под углом к корпусу небольшой подцилиндрический сливной носик.

Данную коллекцию дополняет фрагмент плоской крышки с грибообразной ручкой в центре (рис. 5, 8). В изломе ее прослеживаются значительные примеси песка. Черепок черновато-серый со следами сильной закопченности от пребывания в огне.

Ручка массивная, сплошная, диаметром 5 см, высотой 3 см. Она слегка округлая в верхней части и орнаментирована рельефными концентрическими полосами и вмятиной в центре. Край ее украшен косыми ямками.

В коллекции имеются фрагменты стенок и донцев чаш на полукольцевом и дисковидном поддоне. Черепок в изломе красноватого цвета. Внутренняя поверхность изделий ангобирована и покрыта прозрачной свинцовой поливой. Орнамент в виде росписи зеленой и коричневой краской. Основной мотив выполнен темно-коричневой краской, дополнительный — зеленой. Основные узоры содержат линейно-геометрические мотивы, симметрично расположенные на стенках изделий. Роспись донной части делит крестообразно ее плоскость. Оси нанесены желтой краской по коричневому фону (рис. 6, 12, 15). Иногда пространство между осями заполнено ромбами, а в центре узор подсвечен зеленым пятном.

Есть фрагмент с кремоватой поливой на обеих поверхностях. Орнамент на нем выполнен рельефно белой поливой. По его краю проходит поясok из перлов, ниже которого выписаны роговые мотивы, расчлененные тремя отрезками прямых. На внешней стороне орнамент был в виде арочек, нанесенных краской молочного цвета (рис. 6, 4).

Фрагмент с красновато-коричневым фоном и ярко-желтым орнаментом, состоящим из пересекающихся углов, имел высокого качества облицовку (рис. 6, 8). В целом охарактеризованная керамика обнаруживает широкие параллели с материалами городов Южного Казахстана и соседнего городища Отрара из слоев XIII—XIV вв.¹⁵

К третьему периоду, связанному также с функционированием памятника, относится коллекция поливной керамики, добытой в тоннеле. Она представлена чашами двух типов, обломками тагор и горшкообразным сосудиком. Археологически почти целые формы позволяют связать центральную композицию донной части с узорами бортовой.

Посуда изготовлена на гончарном круге из глины с едва заметной примесью мелкозернистого песка. Черепок хорошего плотного теста красноватого или серовато-беловатого цвета. Изделия облицованы глазуриями по светло-белой подгрунтовке. Полива у них заходит за край внешней поверхности.

¹⁵ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ермакович Л. Б. Древний Отрар, с. 105, рис. 60; с. 11, рис. 67.

Основной фон посуды беловатый, бесцветный или чуть подкрашенный, с нежной голубизной. Редки изделия с бирюзово-голубоватым цветом поливы.

Сосуды с бесцветно-белым фоном орнаментированы, как правило, двухцветной росписью, лишь в одном случае — одноцветной.

Двухцветной росписью украшены сферической формы чаши и пиалы с высокими бортиками на кольцевом поддоне, а также чаши со спрямленными у дна стенками и отогнутой наружу в виде прямой площадки закраиной.

Одноцветной росписью покрыты чаши с пологими стенками, а также горшкообразный сосудик. Как правило, рисунок на них выполнен марганцем. На чашах с высокими бортиками основной рисунок находится в центре дна. По краине проходит поясок (рис. 8, 2, 3, 5).

Наиболее характерные орнаментальные композиции помещались в круге дна, ограниченного кольцевой линией. От крупного пятна или витка спирали отходили лепестки, завитки радиальной оси, которые заполняли дно (рис. 8, 9). Свободная от узора плоскость между ними занята стилизованными цветами на стебельках. Орнамент заключен в кольцо (рис. 8, 5).

Иногда от круга шли косые линии, а между ними располагалась стилизованная листва. Встречены чаши с высокими бортиками и радиальным членением донной части на шесть секторов, поле которых заполнено лепестками. Узор обведен кругом, иногда по краю нанесен поясок из косых линий. Внешняя сторона чаш с высокими бортиками обычно украшена одним орнаментальным поясом либо из ответвляющихся по обе стороны от кольцевой линии завитков (рис. 7, 1), либо из крупных спиралеобразных, соединенных между собой розеток, пространство между которыми заполнено стилизованными лепестками (рис. 7, 2), либо из скобкообразных знаков, заключенных в кольцевые линии, выполненные краской бирюзового цвета с марганцем (рис. 7, 3), либо из наклонных линий, между которыми имеются крупные кружки с тремя хвостиками (рис. 7, 6). Кружки расцвечены бирюзовой краской.

Самым выразительным оказался пояс чаши, у которой внутренний орнамент состоял из бирюзового круга и отходящих от него завитков, а внешний — из бирюзовых четырехлопастных пальметок, оконтурированных марганцем, соединенных между собой овальными коричневыми вертикальными лепестками с заостренными концами. Пространство между орнаментом заполнено крупными перлами бирюзового цвета, в результате между пальметками получается два ряда окружностей (рис. 7, 5).

Особую группу составляют чаши со строгим эпиграфическим украшением в центре дна, выполненным марганцем на бирюзово-грязноватом фоне (рис. 7, 4; рис. 8, 4). Самым простым узором орнаментированы чаши с пологими стенками. В центре дна размещался крестообразный знак — гамма киреев, по борту шли глубокие концентрические двойные тонкие линии, иногда переходящие и на стенки чаши. На по-

добной формы чаши наносились и сложные узоры, занимавшие всю их плоскость.

В одном случае центральную композицию круга дна чаши составляла окружность с семью отходящими от нее косыми лучами, пространство между ними заполняли стилизованные лепестки.

По борту чаши располагалось девять таких же секторов, пространство между которыми было занято спиралями. Орнамент выполнен черной краской и заключен в двойную кольцевую линию. На края чаши падали косые лучи (рис. 8, 2). В другом случае в центре дна чаши

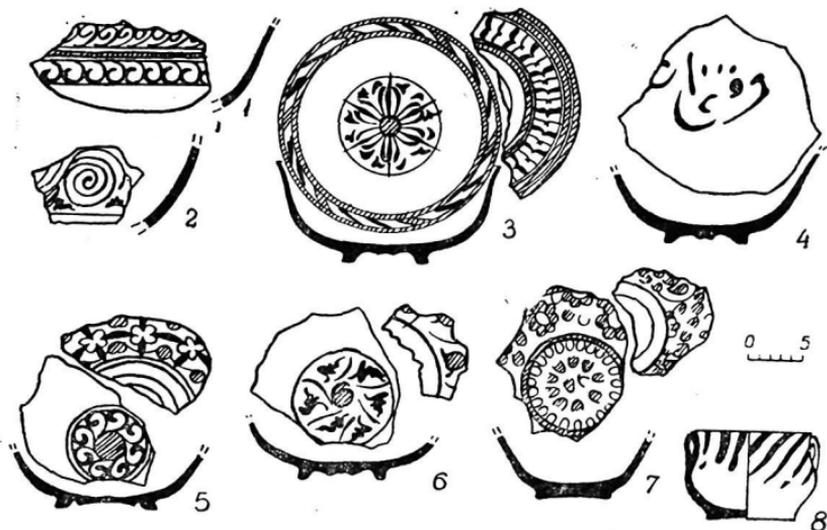

Рис. 7. Неполивная керамика.

имелось пятно, вокруг которого размещалось девять таких же бирюзового цвета пятен, часть из них оконтуривала черная линия. По кольцевому обрамлению проходила цепочка мелких фестонов, выполненных серовато-коричневой краской. По борту чаши были нанесены многолепестковые пальметки стилизованных цветов. Между пальметками имелось по два пятна. Над крупными пальметками находились пальметки меньшего размера. Весь узор заключен в кольцевые линии (рис. 7, 7).

Основной орнамент выполнен бирюзовой краской. Черный цвет играл лишь вспомогательную роль: оконтуривал детали узора, придавая рисунку выразительность.

Этот же прием использован и при украшении других горшкообразной формы изделий. Узоры на них состоят из маленьких бирюзовых кружков, заключенных в окружности.

Большой интерес представлял узор на отвесных бортах массивного блюда. Это была крупная листва, выполненная марганцем на бирюзовом фоне. Также великолепно роспись кобальтом на фрагменте тагоры большого диаметра. Плотный в изломе черепок имел желтовато-сероватый цвет, говорящий о не совсем качественном обжиге. Толщина стенок у края 1,5 см и 1,8 см у основания (рис. 8, 7).

Отвесные стенки сосуда сохранили весьма выразительный орнамент. На белый фон в очерченной квадратной рамке нанесен богатый орнамент, выполненный очень темным кобальтом.

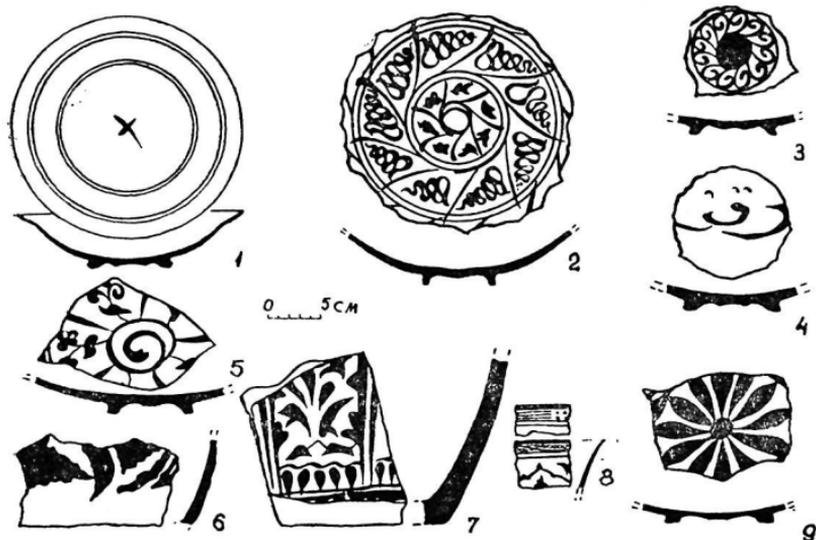

Рис. 8. Поливная керамика.

Центральный мотив росписи составляет разветвленная ветвь, в основании которой имеется два соединенных стебельками стилизованных цветка. Ниже проходит волнистая линия, под которой находится пять удлиненных вертикально стоящих полуovalов с заостренными концами. Орнамент заключен в параллельные линии.

Край тонкостенной чашечки также орнаментирован кобальтом. Внутри она имела неширокий пояс из трех параллельных линий, чередующихся с четырьмя точками, заключенными в кольцевые линии. По внешней поверхности у края чашечки проходил широкий пояс. Верхний ряд пояса состоял из цепочки мелких перлов, нижний — из зубчиков, пространство между ними украшено «птичками» (рис. 8, 8).

И, наконец, горшкообразный сосудик на плоском дисковидном поддоне (диаметр тулова 7,5 см, высота, 8,5 см, диаметр горловины 10,5 см) имел плоские петлеобразные ручки, прикрепленные одним концом у края и другим на корпусе цилиндрической горловины. Округ-

лое тулово его снаружи облицовано грязновато-голубоватой поливой и орнаментировано косыми бирюзовыми полосами (рис. 7, 8).

Коллекция нашей керамики имеет широкие аналогии в материалах XV—XVI вв. Отрара¹⁶, а также Хорезма¹⁷, Ташкента¹⁸ и Самарканда¹⁹ и свидетельствует о весьма активном функционировании памятника в этот период.

И, наконец, с последним периодом жизни памятника — четвертым — связано весьма незначительное количество мелких фрагментов, добытых у тамбура тоннеля. Это обломки от чашек и мисок (рис. 6, 1, 2, 3) с концентрическим орнаментом полос, нанесенных на борта сосудов. Орнамент выполнен марганцем по грязновато-белому фону изделий. На некоторых из них марганец сочетается с голубовато-бирюзовым цветом. Есть обломки боковин, массивных блюдов, орнаментированных зигзагами или «звездочками», располагавшимися по бортику свободно или цепочкой и в овалах, а также фрагменты с обрывками раскрученных спиралей.

Наряду с этими изделиями, изготовленными на гончарном круге и покрытыми поливой, обнаружены фрагменты боковин сосудов серого теста с обильными примесями крупнозернистого песка. Внешние поверхности их закопчены. Черепок в изломе серовато-черного цвета. Диаметр донца 8—12 см. На дне сохранились отпечатки подсыпки песка. Интересной находкой оказался сильно коррозированный железный серп (длина 37 см) с загнутым внутрь концом, горбатой спинкой и длинным черенком (длина 15 см). Лезвие плоское с заостренным рабочим краем. Ширина лезвия 4,5 см.

Учитывая, что описанная керамика обнаруживает аналогии в материалах Отрара XVII—XVIII вв., следует считать, что свое функциональное назначение памятник сохранял и в указанный период.

Итак, раскопанное сооружение являлось культовым. В нем совершались религиозные обряды. Полученный при его раскопках археологический материал свидетельствует о том, что архитектурный комплекс Кумчик-Ата был возведен около середины XII в. Это подтверждают и данные письменных источников: Ахмед Яссави умер в 1166 г.

Согласно одной из заповедей ислама правоверному мусульманину после достижения возраста пророка (63 года) считалось грехом жить на свете²⁰. Следуя этому завету, в последние годы жизни тюрк-

¹⁶ Акишев А. К., Байпаков К. М., Ерзакович Л. В. Древний Отрар, с. 116, 117, рис. 75; с. 118, рис. 76; с. 119, рис. 77, 78.

¹⁷ Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XV вв.). — «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», Т. IV. М., 1959, с. 334—339.

¹⁸ Вархотова Д. Художественная керамика XV — начала XVI века из г. Ташкента. — «Общественные науки в Узбекистане», 1969, вып. 8—9. Ташкент, с. 86—89.

¹⁹ Сухарев П. А. Два блюда XV в. из Самарканда. — «Труды Института истории и археологии АН УзССР». Т. I. Ташкент, 1947, с. 47 и др.

²⁰ Басенов Т. К. Мемориальный комплекс Ахмеда Яссави. Алма-Ата, 1972, с. 16.

ский религиозный деятель, проповедник ислама, крупная историческая личность мусульманского Востока — суфий Ходжа Яссави — переселился в полуподземное помещение, которым, очевидно, и являлся Кумчик. По всей вероятности, в нем он писал свои религиозно-философские произведения, широко известные на Востоке под названием «Хикмет» («Мудрость»).

Все это свидетельствует о том, что возведение не совсем обычной архитектуры культового памятника может быть отнесено к середине XII в. и связано с жизнью самого Ходжи Ахмеда Яссави.

Археологический материал убеждает в том, что памятник не утратил своего культового назначения и в XIII—XIX вв.

Что касается круглой планировки, то применение таковой известно в архитектуре Средней Азии с IV в. до н. э.²¹ Но раскопанное сооружение отличается от описанных памятников. В нем круглое помещение сочетается с квадратной пристройкой и серпантинным тоннелем. Кроме того, оно сооружено под землей.

В целом следует отметить высокую культуру строительной техники, примененную к столь редкому культовому сооружению, которое может занять достойное место среди уникальных памятников средневековой культуры мусульманского мира.

---

²¹ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 176—178.

К ВОПРОСУ О ТЕХНИКЕ
ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ПРИЕМАХ
ОФОРМЛЕНИЯ ДАСТАРХАНОВ ИЗ
ОТРАРА (X—XII ВВ.)

Н. И. Сяньская

Орнаментированные дастарханы, широко бытовавшие в прикладном искусстве Семиречья и Южного Казахстана VII—XIII вв., представляют большой интерес как характерные образцы творчества народных мастеров—керамистов средневековья. Множество интересных дастарханов были созданы благодаря богатой творческой фантазии мастеров, их большому композиционному чутью, хорошему знанию технологических особенностей материала.

В коллекции средневековой керамики Музея археологии Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР имеются фрагменты дастарханов, найденные во время раскопок средневековых городов Казахстана. Среди них художественными и технологическими качествами отличаются дастарханы из Отрара и городов Отрарского оазиса, выявленные Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедицией в 1970—1974 гг. Краткие упоминания о них имеются в коллективном труде, посвященном раскопкам на городище

древнего Отрара¹, и в статье В. А. Грошева, помещенной в настоящем сборнике². В указанных работах они датируются X—XII вв.

Учитывая значимость орнаментированных дастарханов как пример бытовой и одновременно декоративной керамики в средневековом прикладном искусстве, необходимо их изучение, которое поможет воссоздать общую картину развития художественной керамики того времени. Нами были изучены формы, композиционное решение оборотной стороны, приемы декоративного оформления десяти фрагментов дастарханов из Отрара и городов Отрарского оазиса (табл. I), что позволило выяснить, каким образом изготовлялись дастарханы, чем обусловлено художественное своеобразие их оборотной стороны, какие приемы оформления были использованы мастерами.

Для всех дастарханов характерна хорошо обработанная рабочая поверхность, наличие бортика по краю столешницы, а у двух — подставки. Дастарханы сделаны из теста хорошего помола с примесью песка (в двух случаях добавлена мелко толченая керамика), обожжены при довольно высокой температуре, хотя у некоторых в местах утолщения (по венчику, иногда на изломе столешницы) видны следы непрокаленной глины. Учитывая назначение вещи, мастера делали их тяжелыми, массивными.

Дастарханы сформованы на ножном гончарном круге. Об этом свидетельствуют многочисленные параллельно расположенные на бортиках бороздки, обнаруженные на всех фрагментах в местах перехода столешницы в бортик и видимые даже через слой ангоба на оборотной стороне столешницы (табл. I, 3, 5). Для формовки применялись специальные диски, которые накладывались сверху на гончарный круг³.

Форма столешниц, их диаметр обусловлены формой и размером диска, на которых они изготовлялись.

Столешница и подставка делались отдельно, при этом у первой вытгивали бортик, а у второй — опорную часть. Это делалось для создания ребра жесткости, что свидетельствует о знании мастерами технологии керамического ремесла. Бортики и расширяющаяся опорная часть предотвращали разрыв массы при обжиге, с одной стороны, и способствовали упругости рабочей поверхности столика — с другой. Таким образом, в формообразовании подобных изделий большую роль

¹ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с. 95, 101, 156, рис. 48 (14, 15), рис. 49 (3, 5), рис. 56 (12, 13), рис. 59 (13), рис. 130. В работе к дастарханам отнесены также фрагменты, изображенные на рис. 48 (13), рис. 49 (4), рис. 59 (14, 16). В отличие от рассматриваемых нами фрагментов они имеют в двух случаях желобки по краю, характерные для крышек, необработанную рабочую поверхность с явными следами подсыпки, а также рыхлую фактуру черепка. Из этого следует, что данные фрагменты не могли быть частями столиков.

² Грошев В. А. Водохранилище средневекового Отрара. См.: настоящий сборник, с. 40.

³ В Средней Азии для формовки различных сосудов применялись деревянные и керамические диски; готовые сосуды иногда снимали со станка вместе с дисками. См.: Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М. — Л., 1959, с. 47.

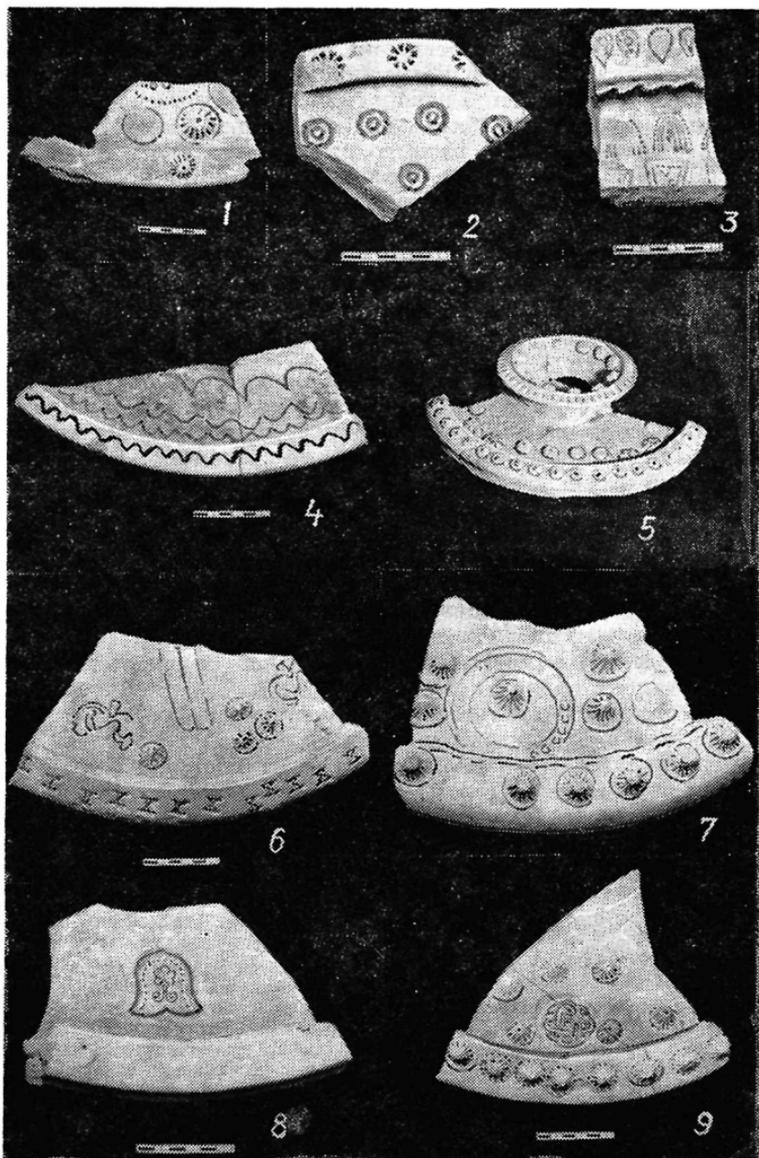

Таблица 1. Дастарханы X—XII вв.: 1, 7, 8 — фрагменты из Отгарского оазиса; 2, 3, 4, 6, 9 — фрагменты из Отгара.

играл и материал, его технологические особенности, которые диктовали своеобразную форму столиков с различными видами бортиков, — треугольными, трапециевидными, скругленными.

Одновременно в процессе формовки столешницы на внутренней части бортиков вытягивали жгутики, которые позже, при декорировке приминали пальцами (табл. I, 3, 7). Затем на отформованную столешницу ставили подставку и скрепляли ее со столешницей вручную, доказательством тому служат пальцевые вмятины в месте скрепления столешницы и подставки, прослеженные на дастархане из Каршыгалыка (табл. I, 5)⁴. Однако мы не исключаем и того, что подставка могла формироваться на столешнице путем накладывания кома глины на центр столешницы и вытягивания из него нужной формы подставки (конической или цилиндрической).

После прикрепления подставки к оборотной стороне столешницы мастер заглаживал диск столешницы, полую часть подставки и бортик снаружи. Иногда эти части не заглаживались, а сразу декорировались. В местах перехода от диска столешницы к бортику заглаживание не отмечено ни разу. Обычно изделие украшалось до того, как снималось с круга. Если изделие после оформления не покрывали ангобом, то его обрезали с диска с помощью проволоки или жилы. Верхний диск круга приводился в движение и получался ровный срез. На остановившемся диске поверхность столешницы отшлифовывали, затем ее снимали, сушили и подвергали обжигу.

После обжига рабочую поверхность столешницы иногда подшлифовывали, что хорошо видно на дастархане с изображениями птиц (табл. I, 6). Некоторые столики еще до обжига покрывали ангобом. Наши дастарханы все имели покрытие, кроме двух. Эта операция проводилась в два приема. Сначала ангобом поливали верхнюю часть столика (не всегда подставка столика ангобировалась с внешней стороны), а после подрезки подшлифовки и рабочую. Ангобное покрытие рабочей поверхности столика всегда более высокого качества, чем оборотной стороны. За ангобированием следовала подсушка, затем — обжиг.

Принцип композиционного решения оборотной стороны столешницы дастарханов определялся их функциональным назначением.

Дастарханы выполняли две функции: с одной стороны, их использовали как столики, а с другой — в качестве декоративного элемента интерьера средневекового дома⁵. Именно поэтому оборотная сторона дастарханов богато декорировалась. Не все имеющиеся фрагменты позволяют восстановить декоративную композицию оборотной стороны столешницы, поэтому опишем те, которые помогают ее воссоздать, в том числе и оформление внутренней части подставки (табл. I, 5).

⁴ То же самое можно проследить и на дастархане из чардаринского Актобе 1 (экспонат находится в Музее археологии Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, подиум 41).

⁵ О применении дастарханов в быту см.: *Кожемьяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959, с. 41—44.*

Фрагмент дастархана представляет собой немного меньше половины столешницы с плавно скругляющимся к оборотной стороне бортиком и почти целой конусообразной подставкой. Обратная сторона столешницы, ее бортик и внутренняя часть подставки богато декорированы. За центр композиции взят декор подставки. Композиция построена на ритмическом соотношении концентрически расположенных орнаментальных групп, выполненных техникой углубленного рельефа и отштампованных с вогнутого штампа, в результате чего получились барельефные отпечатки. Немаловажную роль в оформлении сыграло и понимание мастером объемно-пространственного характера предмета. Мастер не просто отштамповывает орнаментальные розетки, он умело чередует барельефные отпечатки с углубленными изображениями, сосредоточивает внимание на центральной части композиции и несколько упрощает ее к бортикам, тем самым находит весьма привлекательное декоративное пластическое решение композиции.

Не менее интересна и композиция дастархана с изображением птиц (табл. I, 6). Так как его подставка не сохранилась, то мы можем лишь предположить, что было центром композиции. По всей вероятности, опять-таки декор подставки. Круговая композиция была поделена линиями, выполненными сложенными вместе тремя пальцами, на ряд секторов, внутри которых имелись штампованные изображения птиц, обрамленные декоративными наклепами. Бордюр из X-образных фигур, оттиснутых с помощью штампа с насечками по бортику так же, как и бордюр из восьмилепестковых розеток на предыдущем фрагменте, завершал композицию оборотной стороны столешницы.

Несмотря на то, что и остальные части дастарханов фрагментарны, в них улавливаются те же самые моменты композиционного построения, что и в описанных. Композиции столешниц строились на сочетании концентрически расходящихся от центра орнаментальных групп, составленных либо из крупных медальонов (изображение контррельефное) и небольших выпуклых наклепов, либо из крупных розеток (изображение барельефное) с более мелкими барельефными розетками, каннелированными наклепами и т. д. (табл. I, 1, 6, 7, 8). На некоторых фрагментах концентрическими поясами располагались волнистые линии (табл. I, 2), а также различные орнаментальные мотивы (табл. I, 3). Иногда орнаментальные мотивы размещали по такому же принципу в секторах, намеченных пальцами. Круговую композицию замыкало оформление бортиков.

Принцип кругового построения орнаментальных групп прослеживается на металлических блюдах, продолжающих традиции сасанидских серебряных и бронзовых блюд. Например, на серебряном блюде XII—XIII вв.⁶ в центре находится плоскостное изображение восьмилепестковой розетки, более мелкие восьмилепестковые розетки располагаются по краю блюда, что частично прослеживается и на одном из на-

⁶ Pope A. Survey of Persian art. London, 1939, pl. 1315.

ших фрагментов дастарханов (табл. I, 5). Кроме того, для композиций как металлических блюд, так и столешниц характерно размещение медальонов с орнаментальными или зооморфными изображениями по кругу, а также декоративность. Общность композиционного решения дастарханов и блюд ранее не отмечалась. Нам кажется, что этим можно объяснить появление архитектурных и зооморфных изображений на дастарханах⁷. Однако данное обстоятельство не исключает своеобразия композиционного решения дастарханов, обусловленного образным решением композиции в круге с учетом объемно-пространственных качеств предмета, являющегося примером декоративной керамики, тесно связанной с архитектурным интерьером.

Художественное своеобразие столешниц наиболее ярко проявляется в орнаментальном убранстве их оборотной стороны, а также в разнообразии приемов декорирования.

Качество и разнообразие приемов оформления играло большую роль в создании подобного типа изделий. Мы выяснили, что они декорировались различными способами. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим каждый фрагмент в отдельности.

На фрагментах дастархана с рисунками птиц зооморфные мотивы отскакивались с помощью рельефного штампа с небольшой глубиной изображения. Барельефные налепы оформлялись вогнутым штампом, имеющим внутри конусообразную форму с радиально расходящимися от ее центра каннелированными лучиками, у основания которых были полусферические ямочки⁸. По бортику с помощью выпуклого штампа с насечками отсиснуты X-образные фигуры, а пальцами прочерчены волнистые линии.

Несложный декор другого фрагмента (табл. I, 4) — концентрические волнообразные линии — нанесен острой палочкой по сырой глине.

Интересны приемы оформления фрагмента столешницы дастархана арочками и трапециями, что напоминает рисунок на женских нагрудных украшениях, а по бортику — формами, наподобие перстня «птичий клюв» (табл. I, 3). Эти изображения отсиснуты рельефными штампами, давшими контррельефный отпечаток с одинаковой высотой выпуклых и западающих частей. На данном фрагменте имеется также резьба по сырой глине в виде треугольников, характерных для трехгранно-выемчатой резьбы по дереву⁹. Жгутик, расположенный в месте перехода оборотной стороны к бортику, вытянут на круге, а затем примят пальцами.

⁷ Например, архитектурных мотивов (см.: *Ремпель Л. И.* Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1963, с. 120), зооморфных изображений (см.: *Сенигова Т. Н.* Орнаментальные узоры на керамических сосудах VI—IX вв. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, рис. 13) и др.

⁸ О технике применения такого штампа см.: *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ермакович Л. Б.* Древний Отрар, с. 96.

⁹ Прием, широко распространенный в бытовой керамике Средней Азии, Южного Казахстана и Семиречья в IX—XII вв.

Другой рисунок дастархана (табл. I, 2) оттиснут выпуклыми штампиками с неглубоким рельефом¹⁰. Здесь же прослежена декорировка пальцами.

Оборотная сторона столешницы, ее бортики, внутренняя часть подставки дастархана наиболее хорошей сохранности (табл. I, 5), декорированы различной формы вогнутыми и выпуклыми штампами. Прослежено четыре вида вогнутых и два вида выпуклых штампов. Вогнутые штампы имели форму трех различных по величине и форме восьмилепестковых розеток, а также полусферическую с четырехчастным делением, между которыми располагались рифленые полосы. Здесь же применен трехгранный выпуклый штамп с параллельными насечками на гранях и штамп в виде ромбиков с лунницами.

Следует сказать о своеобразии техники нанесения налепов больших и малых восьмилепестковых розеток. В вогнутый штамп, заранее обработанный каким-либо жиром или водой (чтобы глина не приставала к стенкам штампика), набивалась глина. Сверху глина была жидкой, что необходимо для скрепления с диском столешницы. Затем легким нажимом штампа на диск глина из него выталкивалась. Доказательством применения такой техники являются наплывы жидкой глины вокруг розеток. Кроме того, на налепах четко пропечатались мельчайшие бороздки, линии и точки, что было возможно лишь при предварительном заполнении штампа глиной, в противном случае отпечаток был бы некачественным из-за воздушных подушек между глиной и поверхностью штампа.

Для украшения некоторых дастарханов (табл. I, 6, 9) были использованы такие же штампы, как и для дастархана с изображениями птиц. Идентична и техника их выполнения. Но в одном фрагменте (табл. I, 6) кроме указанного штампа применялся еще рельефный с изображением медальона¹¹, а также вогнутый полусферической формы с радиально расходящимися от центра лучиками. На другом фрагменте (табл. I, 9) также использован рельефный штамп (круглый медальон).

Применение в декоре вогнутого штампа конической формы с канелированной поверхностью отмечено на фрагменте еще одного дастархана (табл. I, 7). Но этот штамп отличен от других своей формой. Для украшения этого дастархана мастер пользовался рельефным штампом с изображением многолепесткового цветка с удлиненными листьями в круге из перлов, а также делал вмятины пальцами.

На следующем фрагменте (табл. I, 8) видно употребление рельефного штампа с неглубоким контррельфным оттиском. Оттиск

¹⁰ Аналогичные формы штампов встречаются на керамике Семиречья X—XII вв. (*Кожемяко П. Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959, табл. XIII).

¹¹ По краю медальона двумя рядами располагаются треугольники, обращенные друг к другу вершинами. Аналогичные бордюры из треугольников см.: *Балашова Г. Н.* К вопросу о неполированной керамике Средней Азии IX—X веков. — «Труды Государственного Эрмитажа». Т. 5. Л., 1960, с. 212, табл. VII, рис. 3.

штампа напоминает по форме бляшку поясного набора, внутри штампа изображен цветок с выходящими из него рогообразными валютами. Известно, что в Средней Азии при декоре керамики использовались и металлические пряжки¹². В данном случае, возможно, мастер создавал штамп, взяв за основу форму пряжек и их орнаментацию.

Как уже говорилось, дастарханы украшались ангобом. На всех наших фрагментах, кроме двух, прослежено ангобное покрытие, играющее кроме технологической и декоративную роль. Применялись различные тона светлых ангобов с серым, кремовым и молочным оттенками, а также красный ангоб.

Основной особенностью оформления дастарханов является сочетание барельефных и рельефных форм декора с ангобированием. Барельефные и рельефные изображения получались в результате обращения к различным приемам. Они создавались в результате нанесения пальцами или острыми предметами (возможно, отточенными деревянными палочками) волнистых и прямых линий, пальцевых вмятин. Применялись также и всевозможные штампы. Иногда в декоре одного дастархана использовали самые различные штампы. Мы не можем определенно сказать, из каких материалов делались штампы: глины, дерева или металла. Но безусловно, что некоторые из них создавались мастерами, хорошо знакомыми с металлическими формами для изготовления женских украшений, украшений для конского снаряжения, мастерами, придерживающимися традиций художественной обработки металла, художественной резьбы по дереву.

---

¹² *Распопова В. И.* Византийские поясные пряжки в Согде. — КСИА, № 114, 1968, с. 35, 36, рис. 11.

МОГИЛЬНИК МАРДАН—
ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК
РАННИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ
ОТРАРСКОГО ОАЗИСА

Б. Н. Нурмуханбетов

Моги́льник находится в урочище Талтакай, почти на одинаковом расстоянии (4 км) от городищ Марданкуюк, Алтынтобе и Жалпактобе. Участок местности в черте расположения памятника резко обозначен с юга и севера естественными границами — сухими водостоками. Южный водосток более широкий. Он образуется около городища Алтынтобе и далее, возрастая в глубине и ширине, уходит на северо-запад. В 500 м западнее могильника в него «впадает» северный водосток, который начинается около городища Марданкуюк. Оба водостока имеют пологие задернованные склоны, поросшие различными видами полыни и кустами тамариска. На слегка выпуклых и узких водораздельных пространствах этих ложин и находится исследованный могильник (рис. 1).

Отдельные наземные обозначения могильника сохранились в виде обычных курганов с сильно оплывшими насыпями. Они отмечены на полого-выпуклых вершинах более или менее закрепленных растительностью бугристых песков. Здесь насчитывается 15 небольших цепочек, вытянутых с запада

на восток. В каждой из них имеется от двух до пяти насыпей. Насыпи в цепочках расположены весьма близко. Иногда, расплзаясь, они перекрывают полы друг друга и превращаются в удлиненной формы валы. Погребальные сооружения в них различаются по едва заметным седловинкам в местах соединения и мелким сопочкам на вершинах. Таковых в цепочках 42. Могильник с пятью отдельно стоящими курганами состоит из 47 насыпей.

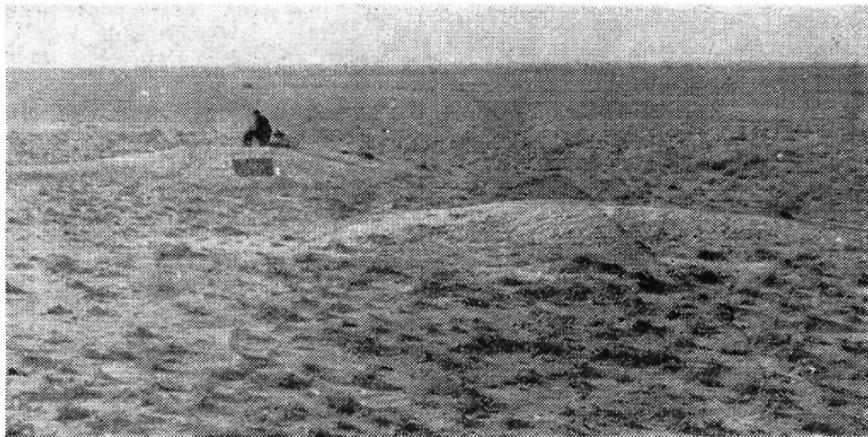

Рис. 1. Вид на одну из цепочек.

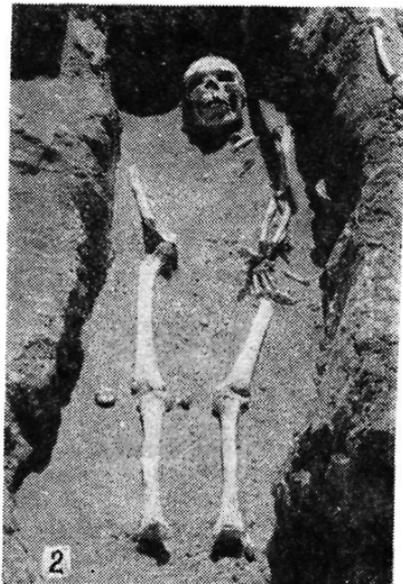
Раскопки производились в трех цепочках и на одном из отдельно стоящих курганов. Большая часть вскрытых погребений оказалась либо развезанной, либо со следами вторичного использования.

Вследствие этого материал могильника наполовину явно смешанный. Из раскопанных погребений хорошо сохранились лишь четыре конструкции. Непотревоженными оказались и захоронения в них. Собранный археологический и антропологический материал в целом хотя и небольшой, но, безусловно, новый для Отарского региона.

Погребение 1 — ребенка. Узкая (0,4 м) и низкая (0,3 м) подпрямоугольная могила слегка суживается к ногам. Она устроена на плотной глинистой площадке. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. У черепа стояла глиняная тонкостенная кружка, покрытая неровным темно-коричневым ангобом. У нее выделенное горло и подтреугельный в сечении венчик. Ручка (обломана) крепилась к верхней части тулова.

Погребение 2 (табл. I, 1) — мужчины зрелого возраста. У головы могила шире, чем у ног, что придает ей «ваннообразную» форму. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на Ю (с небольшим отклонением на В). Руки вытянуты вдоль тела. На крестцовой кости найдены желтая пряжка и нож. Пряжка щитово-рамчатая. Щиток длинный

(5 см), одинарный, подвижно скреплен рамкой. Рамка овальная (3,5 × 2,5 см). Второй железный нож обнаружен на лучезапястном суставе левой руки. Ножи с прямой и изогнутой спинкой и соответственно с прямым и кривым лезвием. Черенки их не сохранились. В середине западной продольной стены вкопан кувшин (табл. II, 3) ручной лепки. У него шаровидное тулово и узкое цилиндрическое горло. Ориги-

нальная Σ -образная ручка прикреплена верхним концом к краю горла, нижним к плечу сосуда. Венчик отбит. На плечике противоположной ручке стороны видно округлое отверстие, очевидно, кувшин имел носик-слив.

Погребение 3 (табл. I, 2) — женщины. Оно расположено восточнее и ниже (0,5 м) погребения 2. Скелет лежал прямо на песке. Стенки могилы сооружены из пахсы. Единственный глиняный кувшин стоял около лучевой кости левой руки.

Погребение 4 (табл. I, 3) — ребенка. Подпрямоугольная могила с округлыми углами. Скелет плохой сохранности, лежал вытянуто на спине, головой на ЮЮВ. У черепа стояли две кружки. У первой (табл. II, 1) — плоское дно, маленький подтреугольный в сечении венчик. Петлевидная с выступом ручка прикреплена к верхней части тулова. Кружка покрыта темно-коричневым ангобом. Вторая миниатюрная кружка (табл. II, 2) имела плоское дно, приземистое округлое тулово и выделенное горло. Подпрямоугольная в сечении

ручка прикреплена к верхнему краю и слегка поднимается над его уровнем. На противоположной ручке стороне сосуда был небольшой слив. Около шейных позвонков найдены семь круглых монет с квадратным отверстием¹. Здесь же собраны разнообразные мелкие бусинки. Вокруг тазовых костей вместе с бусами оказались амулеты из косточек и зубов животных*. На фалангах пальцев левой руки обна-

Таблица I. Погребения.

ружен бронзовый перстень с серебряным щитком. Щиток плоский, круглый, с каменной вставкой. Он припаян к несомкнутым концам пластинчатой дужки. Гнездо вставки обрамлено серебряной зернью.

На поверхности могильника собран разнообразный подъемный материал, принадлежащий явно другим погребениям. Среди них отмечены глиняный кувшин (табл. II, 4) и подвески, отлитые из бронзы. Они подняты в пределах заложенных раскопов. У кувшина бо-чонковидное тулово, высокое горло и отогнутый наружу подтреугольный в сечении венчик. Вертикальная ручка прикреплена к горлу и

¹ На лицевой стороне написан их вес — «5 шу». См.: *Воробьев И. В.* К вопросу определения древних китайских монет «5 шу (ушуньянь)». — «Эпиграфика Востока», 1971, XX, с. 15—28.

* Просверленные зубы — волка, первая фаланга — джейрана, таранная кость (астрагал) — кошки, таранная кость (астрагал) — зайца, нижний конец лучевой кости — молодой особи птицы из отряда куриных, плечевая кость — черепахи, вторая фаланга — ? Определение младшего научного сотрудника археологии ИИАЭ АН КазССР Л. А. Макаровой.

плечу сосуда. На противоположной ручке стороне имелся цилиндрический носик. Отлитые из бронзы подвески весьма реалистично передают фигуру стоящих козлов. Они рассчитаны на подвешивание, так как имеют в передней части отверстие.

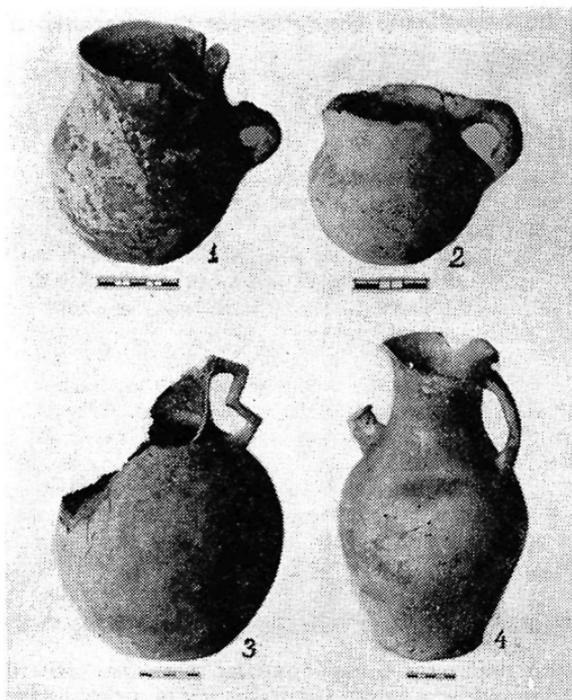

Таблица II. Керамика из погребений.

Таковы основные черты погребального обряда и инвентаря вскрытых захоронений. Внешний облик могильных сооружений и позы скелетов указывают на обряд труположения внутри наземных паховых склепов. Установленные внутренние контуры и высота могил позволяют получить общее представление о целом. Вероятно, это прямоугольные строения с низкой (до 40 см) внутренней «ваннообразной» камерой, остальные размеры которой зависели от возраста погребенных.

Пока целесообразнее воздержаться от датировки каждой раскопанной погребальной конструкции. Для предварительного определения времени могильника незначимы и широкие аналогии. Удовлетворительный ответ на вопрос можно получить, ограничившись узкими территориальными границами Отрарского оазиса, аналогии материалов

которого уже выявлены и оценены. Поэтому для сравнения мы возьмем материал из оседлых поселений этого региона.

Подобная посуда могильника Мардан керамика обнаружена на ряде укрепленных поселений. Сходство типов керамики этих поселений с посудой могильника прослеживается как в приемах оформления целых форм, так и частей сосудов.

Ботайтобе — это самый близкий по местонахождению к описываемому могильнику памятник Отрарской округи, в керамике которого имеются аналогичные с нашими типы². Таковы археологически целые формы кувшинов и кружек. Немало общего в приемах оформления частей сосудов, способе формовки и ангобирования поверхностей. На одном из водоносных кувшинов внутри горла была ложбинка для крышки. Судя по описанию, железный ножичек «с толстым обухом» типологически сродни ножичку из нашего погребения. Следует, однако, отметить, что на Ботайтобе много водоносных сосудов с рифленным горлом. Их параллели в материалах Шаушукумтобе и в особенности в керамике джетыасарской культуры (Большой дом, верхний горизонт) послужили главными аргументами для верхней даты памятника — VI—VII вв. н. э. Сосудов с рифленным горлом в могильнике нет. Нижняя же граница Ботайтобе — IV—VI вв. — определена по предметам из верхнего слоя Костобе. Керамика этого типа представлена горшками с двумя ручками, водоносными кувшинами ручной лепки и сделанными на круге. Желобчатая ручка кувшина и валик на горле оформлены подобно тем же частям сосудов из могильника. Однако ботайтобинские имели на тулове концентрические линии, напоминающие рифление, которые опять-таки отсутствуют на посуде из наших погребений.

Большая группа памятников Отрарского оазиса со сходными типами керамики расположена на левом берегу р. Арысь, в урочище Кокмардан.

Интересный для нас материал получен из раскопок на городище *Костобе* (южное). Керамика его взята исследователями за основу датировки и других памятников данного комплекса. Аналогий здесь довольно много и они достаточно четки³. Таковы, например, кувшины с покатыми, «обвислыми» плечиками и уплощенными желобчатыми ручками, соединяющими горло и плечики, столовые кувшины с округлым туловом и высокой шейкой, а также с ручкой, соединяющей венчик и плечики, водоносные кувшины с носиком-сливом, кружки, покрытые снаружи густым красным ангобом и лощением. Немало общего и в приемах оформления частей сосудов, способах формовки и ангобирования поверхностей (округлое, грушевидное, боченковидное тулово, подтреугольные в сечении венчики, желобчатые, соединяющие венчик и плечики ручки, темно-коричневый или красный

² Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с. 139—147, рис. 108—112.

³ Там же, с. 123—137, рис. 93—96.

ангоб, раскраска темными полосами и пятнами). Имеются и существенные отличия в сходных образцах. Это рифление горла и тулова, отсутствие выступа на ручках у кружек и т. д. На основе выявленного материала нижний строительный горизонт датирован I—IV вв., а верхний — IV—VI вв.

Таковы в общих чертах состав и характер сопоставительного материала из памятников оседлой культуры Отрарского оазиса.

Хронологический диапазон аналогичных типов керамики весьма широк — с I по VI вв. Как видно из описания керамики, вся она на протяжении данного отрезка времени сохраняла преемственность «и в развитии основных ведущих типов посуды, и в элементах орнаментики, и в технике изготовления»⁴.

Керамические сосуды из верхнего и нижнего строительных горизонтов Ботайтобе хронологически также не расчленимы. «Это два идентичных комплекса, и никаких изменений ни в наборе типов посуды, ни в технике изготовления, ни в орнаментике не замечено»⁵. Исходя из аналогий определить время исследуемого могильника затруднительно, можно лишь сделать вывод об его атрибуции. Могильник Мардан — памятник оседлого населения, жившего в местных ранних земледельческих поселениях. По-видимому, под толщей культурных слоев городищ Марданкуюк, Алтынтобе и Жалпактобе скрыты аналогичные обследованным типы поселений. Многочисленные так называемые «тобе с площадкой» по своей планировке сходны с этими городищами. Топографически они смотрятся как очень уменьшенный их вариант.

Таким образом, сходство отдельных типов керамики поселений с посудой могильника свидетельствует прежде всего об общности их культуры. Однако полностью относить исследованные погребения ко времени жизни упомянутых поселений нельзя, потому что, во-первых, датировка выделенных поселений слоев не «автономна», она основана на сопоставлении с памятниками из других более или менее отдаленных территорий и, во-вторых, еще не определен синхронный ряд типов керамики, бытовавшей здесь сравнительно непродолжительное время.

Что касается самого могильника, то остались не выясненными некоторые вопросы; в частности, чем объяснить разницу в оформлении отдельных частей в общем сходных типов сосудов: временем или этнографической особенностью культуры? Другой вопрос — кем оставлен памятник: вчерашними кочевниками, только что осевшими, или другой общностью с более древней оседлой традицией? Параллельное изучение обоих типов памятников должно ответить на эти и на многие другие вопросы.

⁴ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар, с. 134.

⁵ Там же, с. 142.

ЗАХОРОНЕНИЯ ВОИНОВ
САВРОМАТСКОГО ВРЕМЕНИ
НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ р. ИЛЕК

М. К. Кадырбаев,
Ж. К. Курманкулов

Первые археологические изыскания сарматских памятников на территории Актюбинской области связаны с именем замечательного исследователя древностей Западного Казахстана и Приуралья, ученого секретаря Оренбургской архивной комиссии И. А. Кастанье. Трижды, в 1904, 1906 и 1909 гг., И. А. Кастанье вскрывал курганы в окрестностях г. Актюбинска. В первый раз, совершая поездку по Тургайской области, он изучает два каменных кургана у р. Чиили, в 30 км северо-восточнее Актюбинска, одну каменную насыпь в урочище Ащисай и ограду из каменных плит на р. Жаман-Каргалы. Затем И. А. Кастанье исследует шесть курганов в бассейне р. Жаксы-Каргалы и, наконец, в 1909 г. раскапывает еще один курган¹.

В советское время в связи с ново-

¹ Кастанье И. А. Отчет об экспедиции в Актюбинский уезд летом 1904 года. — «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии» (далее: ТОУАК), XIV, Оренбург, 1905; его же. Отчет о раскопках шести курганов в Актюбинском уезде летом 1906 г. ТОУАК, XIX. Оренбург, 1908; Попов А., Кастанье И. Обзор археологических находок в Оренбургской губернии и в Киргизской степи. — ТОУАК, XVI. Оренбург, 1906.

стройками бассейн р. Ори посещает экспедиция Б. Н. Гракова. В 1930 г. она изучает серию курганов (Кумсай, Матвеевский, Соколовский) и в результате получает интересный материал V—IV в. до н. э.²

Спустя двадцать лет В. С. Сорокин проводит в Актыбинской области в районах освоения целинных земель широкие разведывательные маршруты, во время которых обнаруживает и наносит на карту десятки курганных могильников и другие памятники. Раскопки нескольких погребений (Акжар, Ульке 2) расширили наши представления о памятниках второй половины I тысячелетия до нашей эры этого слабоизученного района³.

После завершения В. С. Сорокиным стационарных работ на поселении и могильнике Тасты-бутак археологические раскопки на территории области больше не проводились⁴. Они возобновились в 1973 г. совместной экспедицией Института истории, археологии и этнографии АН КазССР и Актыбинского областного краеведческого музея⁵.

До работы экспедиции, задача которой заключалась в исследовании разрушающихся памятников, механизаторы совхоза «Хлебодаровский» (Актыбинский район) находили в курганах при пахотных работах различные предметы⁶.

Из рассказов местных жителей выяснилось, что район Хлебодаровки еще в начале 50-х годов был исключительно богат курганными могильниками, как и все левобережье р. Илек от поселка Курайли на юге до пос. Мартук на севере, т. е. на протяжении около 100 км. Теперь эта территория распахана и лишь небольшие группы наиболее крупных курганов еще видны в густой зелени посевов.

Археологические раскопки были произведены на трех сохранившихся могильниках — Кумиссае, Бесобе и Сынтасе, расположенных на западе и юго-западе от центральной усадьбы совхоза «Хлебодаровский». Кроме того, экспедиция исследовала могильник и жертвенное место на песчаной дюне, в зоне действующего карьера на втором километре от г. Актыбинска по Новороссийскому шоссе, а также не-

² Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, д. 807, 1931 г. Часть коллекции, хранящаяся в Центральном краеведческом музее, изучена и опубликована А. Г. Максимовой. См.: Максимова А. Г. Предметы эпохи ранних кочевников в Центральном музее Казахстана. — «Труды ИИАЭ АН КазССР». Т. 1. Алма-Ата, 1956.

³ Сорокин В. С. Археологические памятники северо-западной части Актыбинской области. — КСИИМК, 71, 1958.

⁴ Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-бутак I в Западном Казахстане. М. — Л., 1962.

⁵ Помимо М. К. Кадырбаева (нач. экспедиции) и Ж. К. Курманкулова (ст. лаборант) в работах принимали участие научные сотрудники Актыбинского облмузея И. Н. Степанова, В. В. Родионов, студент Алма-Атинского художественного училища им. Н. В. Гоголя А. Ахметов, учащиеся средних школ Алма-Аты, Актыбинска и пос. Хлебодаровский. Авторы благодарны за постоянную помощь и поддержку зам. председателя Актыбинского облисполкома Г. И. Ибатову, начальнику Пригородной ПМК Н. Д. Михайлову, директору совхоза «Хлебодаровский» Н. Г. Белику.

⁶ Сулейменов Б. Обнаружено в кургане. — «Казахстанская правда», 1973, 5 апреля.

скольких курганных групп на западных склонах Катынадырского поднятия, в 5 км восточнее бывшего аула Кзылжар.

Эти памятники не помечены на карте разведывательных маршрутов В. С. Сорокина⁷. Нет их и в археологическом реестре Казахстана⁸.

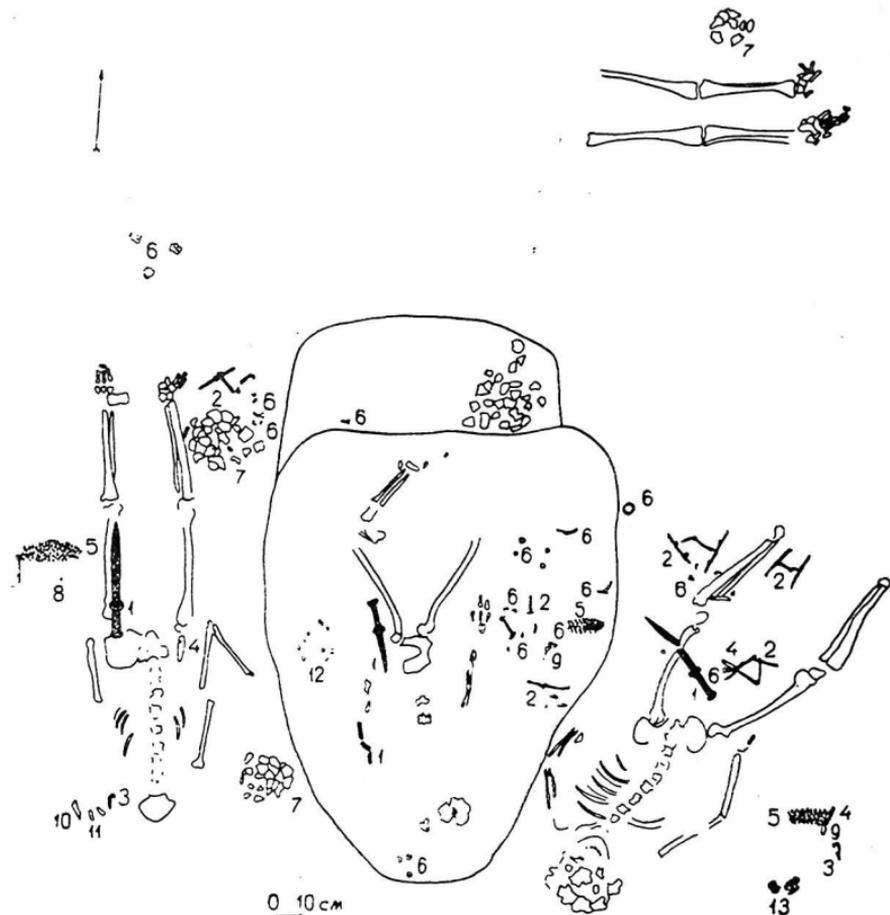

Рис. 1. Сынтас I. Погребение воинов в кургане 1.

В настоящей статье публикуется материал одного из исследованных памятников — могильника Сынтас.

⁷ Сорокин В. С. Археологические памятники северо-западной части Актюбинской области, рис. 19.

⁸ См.: Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960.

Сохранившаяся часть могильника находится на плоской поверхности водораздельного сырта, в 10 км юго-западнее совхоза «Хлебодаровский». Ее составляют четыре крупные земляные насыпи, вытянутые цепочкой с востока на запад. Диаметр курганов от 15 до 30 м, высота от 0,5 до 2,5 м. На территории могильника имелись три вертикально вкопанные каменные глыбы типа стелы. Две из них до недавнего времени стояли недалеко от самого крупного восточного кургана 4, а одна сохранилась у юго-западной полы кургана 1, расположенного на западном конце цепочки.

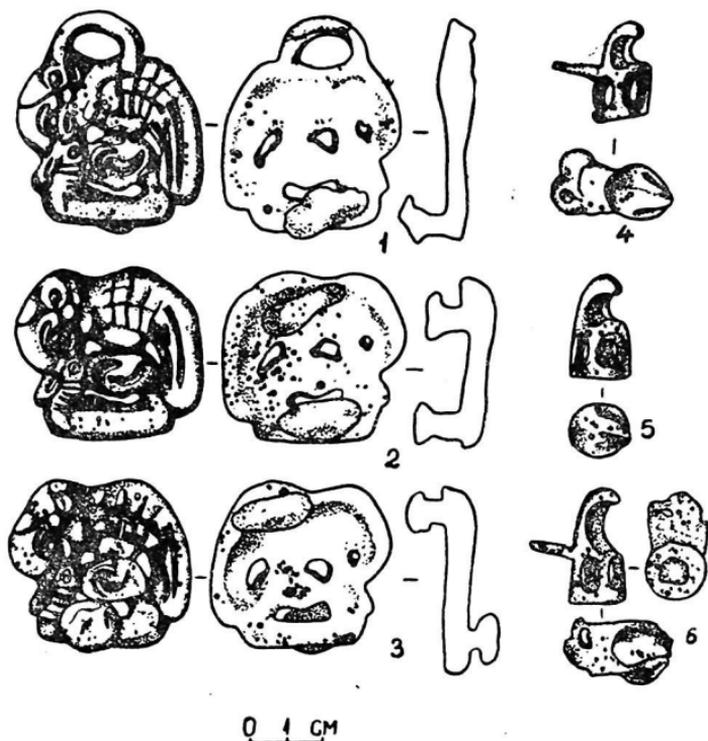

Рис. 2. Сынтас I, погребение 1. Бронзовые изделия.

В могильнике Сынтас раскопано два крайних с востока кургана (1 и 2).

Насыпь кургана 1 диаметром 26 м высотой 1,4 м состояла из плотной серого цвета супеси.

В центре кургана на погребенной почве отчетливо видны остатки круглой деревянной конструкции типа шатрового перекрытия. Они

овальной формы (9×10 м) и толщиной 0,2 м. Шатровая конструкция, судя по находкам, была сложена из длинных бревен небольшого сечения (15—20 см) и сверху покрыта тонким слоем кустарника и соломы. Под деревянным перекрытием обнаружено четыре погребения: центральное — в неглубокой яме, условно названное захоронением «военачальника», и три — на древней поверхности, располагавшиеся от центральной могилы к востоку, западу и северу (рис. 1).

Погребение «военачальника» совершено в грунтовой полуметровой глубины яме неправильно-овального очертания (2,2×1,35 м).

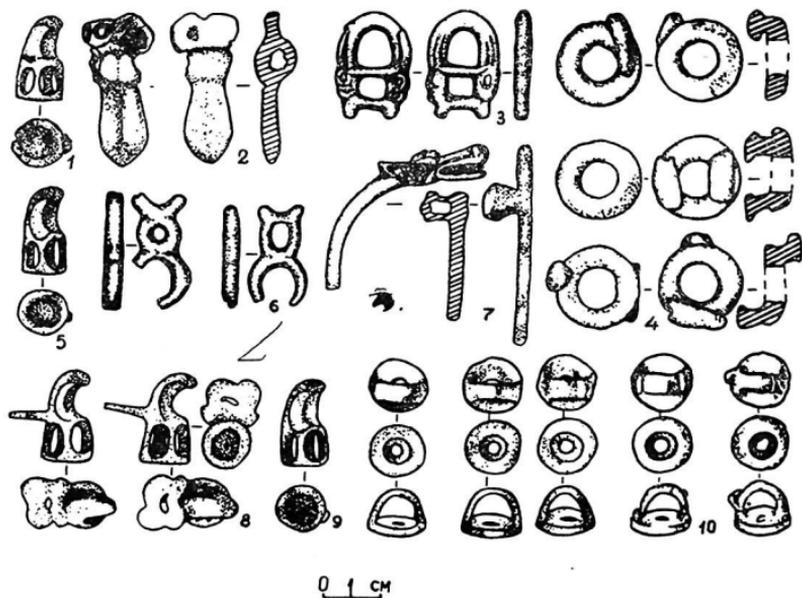

Рис. 3. Сынтас I, погребение 2. Бронзовые вещи.

Северная часть могилы имела ступеньку шириной 0,45 м и высотой 0,15 м. На этой приступке находилась куча мелкого колотого камня. Здесь же поднята фигурная бронзовая пронизка от уздечного набора в форме миниатюрного топорика с барельефным навершием, оформленным в виде головы грифона (рис. 3, 2).

Скелет погребенного плохо сохранился, однако, судя по неповрежденным костям ног, расположенным в виде ромба, остаткам позвоночных костей и черепа, он был захоронен на спине, головой на юг. В заполнении ямы встречены куски деревянных плах от перекрытия могилы.

В могиле выявлены разнообразные предметы. В изголовье, у

жюжного края ямы обнаружены три небольшие круглой формы бронзовые пряжки от сбруи лошади с остатками сырмятных ремней на шпеньках. Слева от погребенного лежала кучка астрагалов сайги (22 шт.), рядом — железный нож с прямой рукоятью, постепенно переходящей в длинное и узкое лезвие, а у пояса — железный акинак с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием (рис. 3, 4; рис. 4, 3).

Восточная часть ямы, справа от погребенного, занята конским снаряжением и наконечниками стрел. Там зафиксированы двое железных кольчатых удил с железными двудырчатыми псалями. Одна пара псалий со слегка согнутыми верхними концами и утолщенными нижними, другая — с прямым стержнем и утолщенной головкой на верхних чуть согнутых концах. Здесь же собраны изделия от бронзового уздечного набора (рис. 3). Это четыре цилиндрические с когте-

видным навершием и перпендикулярным щитком в виде головы орла пронизи, три фигурные пряжки (одна украшена головами ушастых грифонов), пять пуговицевидных пронизок с круглым отверстием посредине щитка и петлей с тыльной стороны, наконец, две пронизи, украшенные головами волка в типично савроматском стиле.

У восточного борта могилы находился колчаный набор из 49 бронзовых трехперых стрел двух типов: с укороченной и утопленной втулками. Рядом с наконечниками стрел лежала миниатюрная костяная ложка, рукоять которой увенчана резной головкой волка с оскаленной пастью (рис. 12, 2).

Вдоль восточного и западного бортов могилы «военачальника» располагались погребения двух воинов.

Третье захоронение было в 65 см севернее центральной могилы.

При изучении комплексных погребений важное значение имеет вопрос о времени каждого из захоронений. Вещевой материал при совпадении его во всех погребениях в лучшем случае может говорить об одновременности тех или иных захоронений в пределах столетия.

Курган 1 интересен тем, что позволяет более точно соотнести время погребения «военачальника» с двумя из трех остальных захоронений.

Примечательно, что скелеты двух воинов, западного и восточного, покоятся вплотную к продольным краям центральной могилы, как бы обрамляя ее сверху. Левая рука воина восточного погребения

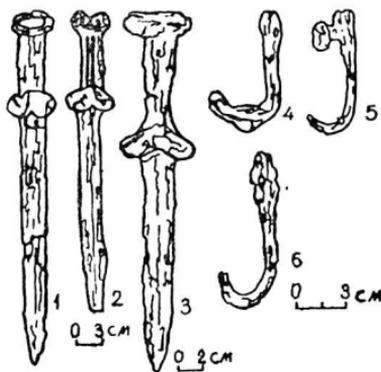

Рис. 4. Железные кинжалы и колчаные крючки. Курган 1: 1, 4 — погребение 1; 3 — погребение 2; 2, 5 — погребение 3; курган 2: 6 — погребение 1.

начиная от локтевого сочленения, находилась на самом краю ямы, а кисть руки в анатомическом порядке обнаружена в заполнении могилы, почти на самом дне ямы.

Как это могло случиться? Возможно два объяснения: первое — захоронения «военачальника» и двух воинов были одновременным погребальным актом, второе — погребение двух воинов совершено спустя несколько дней после кончины человека из центральной могилы, когда его скелет был уже перекрыт деревянным накатником.

Кости верхнего восточного погребения могли попасть на дно центральной камеры лишь в том случае, если эти захоронения либо совершены одновременно, либо с интервалом в несколько дней.

Погребальный обряд происходил, видимо, следующим образом. В начале заняли центральную яму, затем площадку вокруг нее выровняли, утрамбовали и залили жидким слоем глины, следы которой вместе с остатками посыпанного талька сохранились под погребениями 1, 3, 4.

После захоронения на древнем горизонте воинов над площадкой была возведена деревянная конструкция в виде невысокого шатра, покрытого сверху кустарником вперемежку с соломой, а затем толстым слоем земли.

Западный (1) и восточный (3) воины погребены на спине, вытянуто. Первый ориентирован головой на юг, второй — на юго-запад. Слева у черепа западного костяка выявлен железный колчаный крюк с отверстием для подвешивания. Крюк сделан в форме головы грифона. Рядом лежали кости корсака и ребро лошади. Справа, между черепом и западным краем центральной ямы, стоял глиняный сосуд шаровидной формы с уплощенным дном и небольшой лепной ручкой на тулове (рис. 11, 3).

Второй сосуд подобного типа, но с резным орнаментом в виде вписанных друг в друга кругов обнаружен у правой берцовой кости (рис. 11, 4). Плоский точильный камень с отверстием для подвешивания находился с правой стороны пояса, а с левой висел массивный железный акинак длиной 45,5 см (рис. 4, 1). Его кольчатое навершие состояло из двух сомкнутых в центре круглых железных прутьев, перекрестие имело почковидную форму. Под акинаком найден железный нож.

У левой же бедренной кости лежала куча бронзовых наконечников стрел (89 шт.) тех же двух типов, что и в центральной камере (рис. 7).

Здесь же оказалась и светло-серая бусина из стеклянной пасты треугольной формы с тремя сосцевидными налечами по углам. Рядом со вторым сосудом, в ногах погребенного, располагались железные удила с двудырчатыми псалиями и четыре бронзовые цилиндрической формы пронизи от уздечного набора с когтевидным навершием и в двух случаях с перпендикулярным зооморфным щитком.

Дальше, в 40 см к северу, лежали три массивные бронзовые пряжки, оформленные в зооморфном стиле (рис. 2, 1, 2, 3). На всех

трех пряжках-бляхах запечатлен один и тот же сюжет — сцена терзания грифоном травоядного животного.

Восточное погребение воина во многом повторяет описанные захоронения. Справа у туловища отмечены куча бронзовых стрел (76 шт.), точильный камень, железный колчаный крючок, три плоские железные пластинки неясного назначения (рис. 9, 4—5).

Точильный камень в отличие от других без отверстия для подвешивания. Здесь же под точильным камнем, на котором лежали нако-

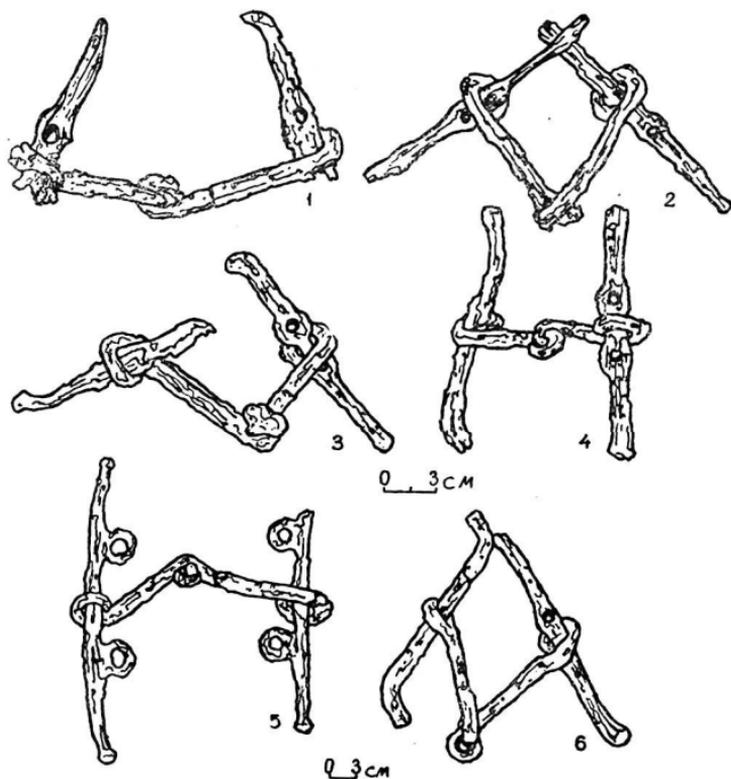

Рис. 5. Железные удила и псалии. Курган 1: 1 — погребение 1; 2, 4, 5 — погребение 3; курган 2: 3—6 — погребение 1.

нечники стрел, найдена крупная костяная ложка с резными изображениями волка, затем орла и головы сайги (рис. 12, 1). Железный акинак, лежавший поперек левой бедренной кости, сохранил скульптурное навершие в виде сопоставленных голов грифонов и бабочковид-

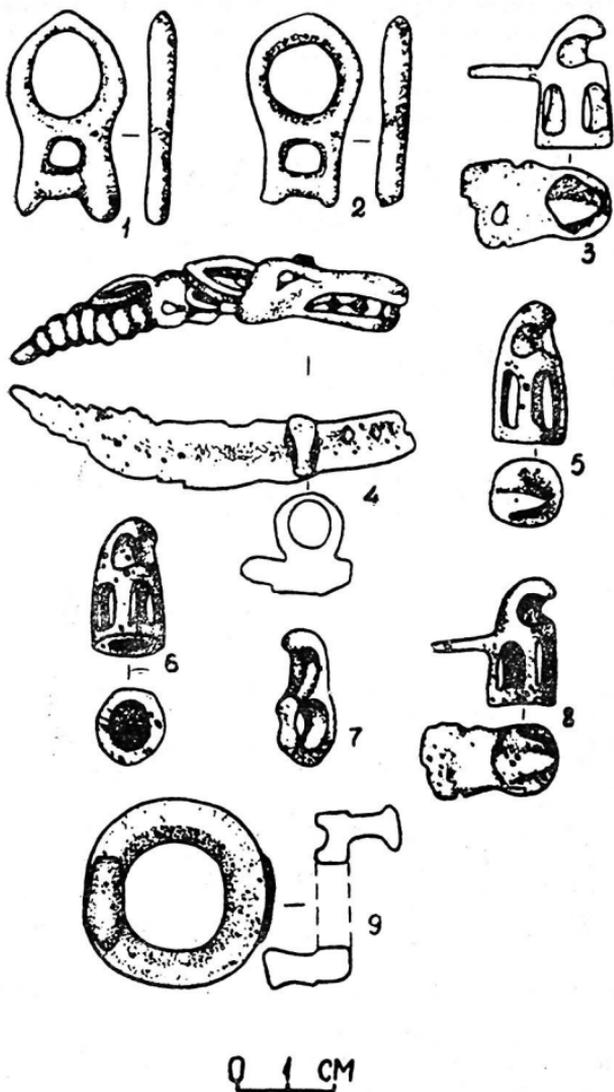

Рис. 6. Бронзовые изделия из погребения 3 кургана 1.

ное перекрестие. На рукоятке акинака хорошо различим продольный желобок (рис. 4, 2).

Лезвие кинжала сломано пополам. В паре с акинаком находился железный нож. Рядом с ними были две фигурные бронзовые пряжки, овальный в сечении точильный камень с отверстием для подвешивания, две конические костяные ворворки, пара железных цилиндрических обоймочек для перекрестных ремней и железные удила с двухдырчатыми S-видными псалями (рис. 5, 4). У левых берцовых костей

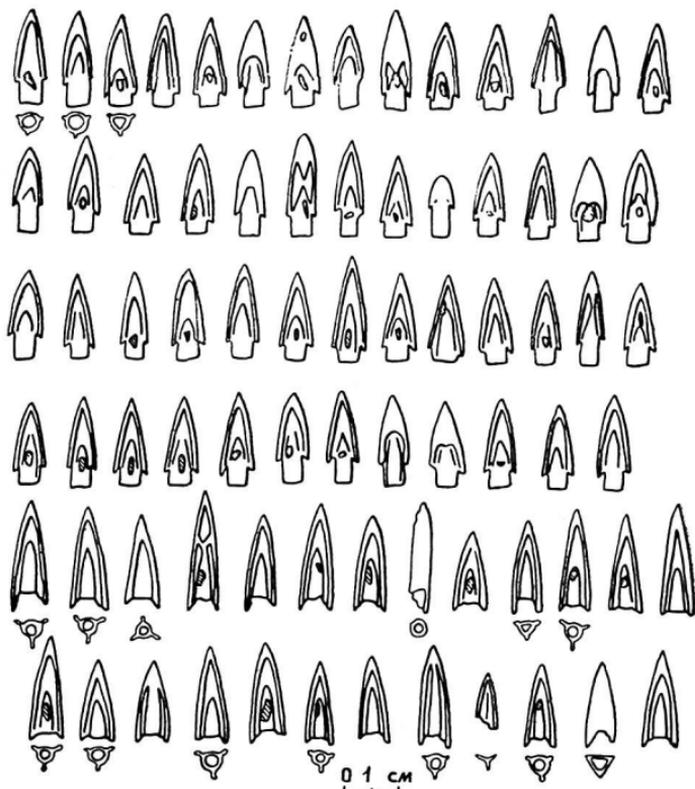

Рис. 7. Бронзовые наконечники стрел из погребения 1 кургана 1.

найжены двое железных удил, в одном случае с двухдырчатыми, в другом — с двухпутьельчатыми псалями (рис. 5, 2, 5). Здесь же собраны и другие бронзовые изделия от уздечного набора: трочная пряжка с двумя штырями на противоположных концах, шесть пронизок, из которых четыре с когтевидным навершием и щитком, одна в виде го-

ловы орла, и, наконец, массивная пронизь, украшенная барельефными изображениями голов волка и джейрана (рис. 6).

Северное погребение на древнем горизонте сохранилось частично. Судя по положению ног, захороненный лежал на спине и ориентирован головой на запад. У левой берцовой кости стоял миниатюрный круглодонный глиняный сосуд высотой 10,6 см с шаровидным туповом и сильно отогнутым наружу венчиком (рис. 11, 1). Рядом с ним отмечен окатанный камень яйцевидной формы.

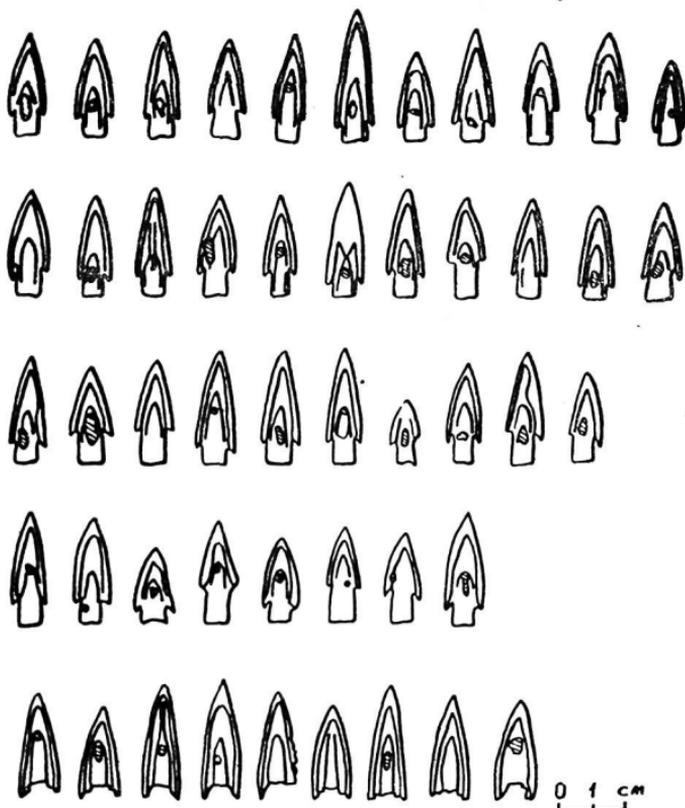

Рис. 8. Бронзовые наконечники стрел из погребения 2 кургана 1.

Курган 2 расположен в 7 м восточнее предыдущего. Его диаметр с севера на юг 21 м, с востока на запад 16 м, высота 1,6 м. Насыпь из плотной серой супеси покрывала два погребения на древнем горизонте. Центральное захоронение оказалось разграбленным. От скелета осталась лишь небольшая кучка костей рук и ног.

Над погребением возводилась какая-то деревянная конструкция, от которой дошли до нас разрозненные куски полусгоревшего дерева, что говорит о традиционном ритуале поклонения огню.

Все сохранившиеся от центрального погребения вещи разбросаны на площади 16 кв. м. В юго-западном углу найдены две пары желез-

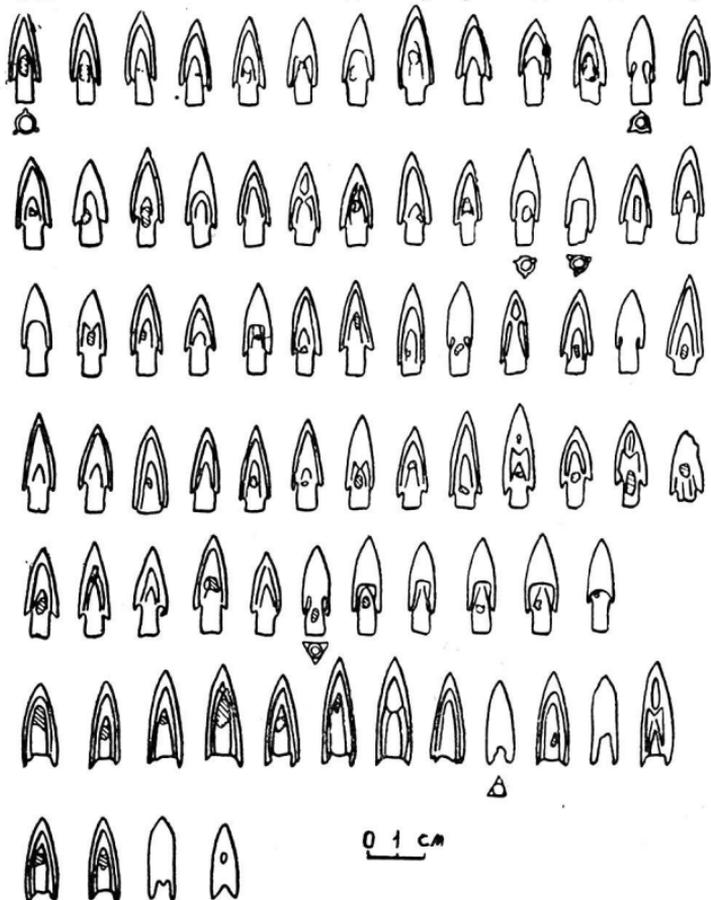

Рис. 9. Бронзовые наконечники стрел из погребения 3 кургана 1.

ных удилищ с S-видными двудырчатыми псалями и три массивные бронзовые трочные пряжки круглой формы (рис. 5, 3, 6). В центре в двух небольших кучках собрано 48 бронзовых наконечников стрел (рис. 13, 14). В отличие от стандартных стрел соседнего кургана здесь их формы несколько разнообразнее, например, крупные трехлопаст-

ные наконечники стрел с длинными резными втулками или втульчатые конические наконечники круглого сечения.

Рядом с наконечниками стрел обнаружено два колчаных крюка. Один из них железный, второй в виде двух красиво сделанных бронзовых голов хищника (волк?) и грифона, огромный клюв которого выполняет роль крюка (рис. 16). В верхней части изделия имеется отверстие, в нем еще сохранились остатки ремней.

Интересно, что в кургане 2, как и в предыдущем, костяная ложка оказалась под кучей наконечников стрел. Сохранилась лишь ручка ложки, оформленная в виде головы сайги. Второй ее конец, по-видимому, сгорел, о чем свидетельствует обилие древесной золы на площадке. Северную часть последней занимали кучки бараньих костей и кости лошади, а в юго-восточной части, недалеко от останков погребения человека, лежали обломки железного ножа.

Второе погребение находилось в 3,5 м от северного края площадки и за пределами контуров деревянного перекрытия. Захоронение совершено на спине, головой на запад. Справа от костяка найден железный нож с остатками деревянной рукоятки, точильный камень и нижняя часть керамического сосуда с высоким вазовидным поддоном. На шее погребенного сохранилась связка мелких белых пастовых бусинок.

Публикуемые коллекции могильника Сынтас являются лишь частью богатого материала, полученного с левобережья р. Илек в результате двухлетней работы нашей экспедиции.

Наибольшее сходство могильник Сынтас обнаруживает с курганными захоронениями Тара-бутака, Пятимар I, Мечетсая, Увака и Тараруткуля и образует вместе с ними группу памятников, оставленных близкородственными племенами илекского микрорайона в конце VI—V вв. до н. э. Именно в Тара-бутаке (курган 3) и Пятимарах I (курган 8) мы встречаем ту же самую, наиболее редкую в среде населения Приуралья, форму захоронений на древнем горизонте⁹. Примечательно, что в кургане 8 могильника Пятимары I, в котором, по определению К. Ф. Смирнова, были погребены «вождь и стражники», два воина также ориентированы головой на юг. Из того же кургана происходит наиболее близкая Сынтасу коллекция железных удил с двудырчатыми псалями, бронзовых пронизей, бляшек и пряжек от конского убора, а также наконечников стрел¹⁰.

Многочисленные параллели колчаным наборам стрел из кургана 1 Сынтаса имеются в коллекциях из Ново-Кумакского (курганы 3, 5, 7 и др.) и Аландского могильников (группа 1, курган 1), а наконечникам из кургана 2 Сынтаса — в материалах из кургана 7 у с. Сара¹¹.

⁹ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, рис. 17, 25.

¹⁰ Там же, рис. 26—28.

¹¹ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. М., 1961, рис. 216; табл. II, типы VI А — Г; Мошкова М. Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска. — МИА, № 115, 1962, с. 204 и след.; *её же*. Сарматские курганы в Оренбургской области. — КСИА, 83, 1961, с. 115—126.

Обращает на себя внимание исключительно высокий процент литейного брака в наконечниках Сынтаса: свыше 90% наконечников имеют на втулках рваные отверстия.

Железные кинжалы из наших раскопок представлены тремя типами: с прямым брусковидным навершием и бабочковидным эфесом, с навершием в виде сопоставленных грифонных голов и таким же, как

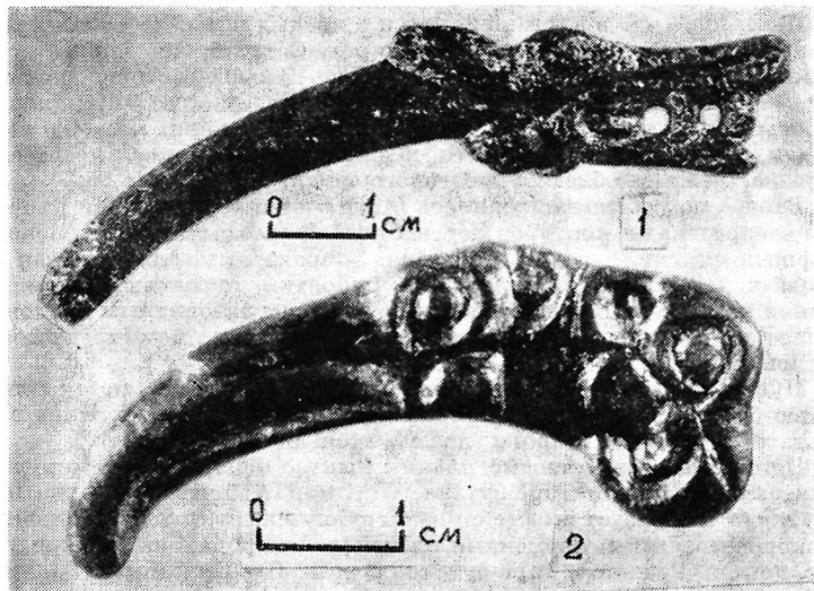

Рис. 10. Бронзовые фигурные пронизки из кургана 1: 1 — погребение 2; 2 — погребение 1.

и в первом случае, перекрестием; наконец, третий тип с овальным кольчатый навершием и широким почковидным эфесом. Все три типа бытовали в конце VI—V вв. до н. э. Первый из них близок к ряду акинаков древней Сарматии¹². Третий тип по форме эфеса повторяет многие кинжалы Южного Приуралья, но в то же время его навершие нельзя считать ни антенным, ни тем более валютообразным¹³.

Несколько удивляет отсутствие среди находок самаро-уральской группы кинжалов с грифонными головами, хотя известно, что грифоний сюжет наиболее распространен в прикладном искусстве савроматского времени. Имеющиеся аналогии второму типу акинаков уводят нас на восток. Очень близок кинжалу из Сынтаса гораздо лучшей со-

¹² Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 101, рис. 1.

¹³ Там же, с. 17, рис. на с. 102.

хранности семиреченский акинак неизвестного происхождения¹⁴. Исходя из наших материалов его также следует датировать не позднее конца V в. до н. э. Омоложена и дата подобного кинжала, но сделанного из бронзы из кургана Кумуртук на Алтае¹⁵. С территории Казахстана происходит еще один бронзовый кинжал, случайно найденный в Кустанайской области¹⁶.

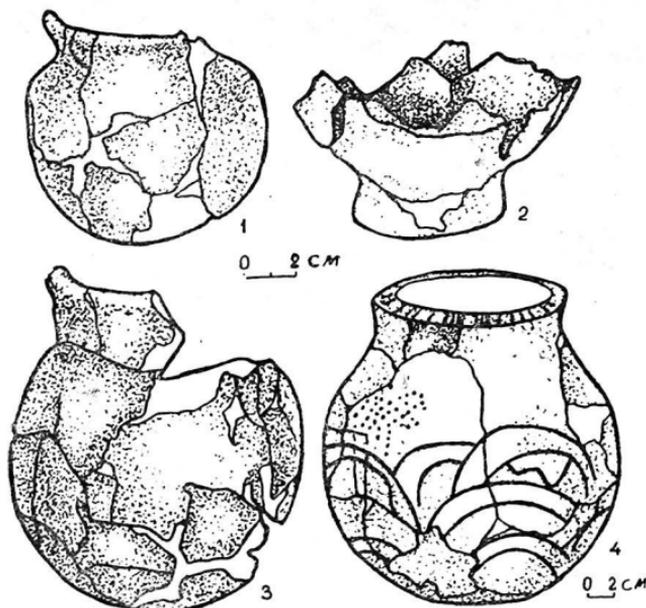

Рис. 11. Глиняные сосуды. Курган 1: 1 — погребение 4; 3, 4 — погребение 1; курган 2: 2 — погребение 2.

Следует отметить, что территория Казахстана и Алтай не была единственным районом распространения кинжалов, рукоятки которых украшены обращенными друг к другу головками ушастых грифонов. Из Минусинской котловины и Тувы известно большое количество таких находок. Первая из них очень близка кинжалу из Кумуртука с той лишь разницей, что у ней на рукоятке имеется не один, а два же-

¹⁴ Акишев К. А. Саки азиатские и скифы европейские. — В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, табл. 1. «Семиречье», рис. 2; табл. II, 2.

¹⁵ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. XXX, 11.

¹⁶ Кадырбаев М. К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана. — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, рис. 1, 35.

лобка ¹⁷. Вторая представляет собой бронзовый акинак с роскошно оформленной в виде грифоновых голов рукоятью, зооморфным перекрестием и тем же навершием из двух головок ушастых грифонов ¹⁸. Третий бронзовый кинжал из кургана близ пос. Анаш имеет аналогичное навершие ¹⁹. Наконец, серия таких кинжалов найдена в курганах Минусинских степей ²⁰.

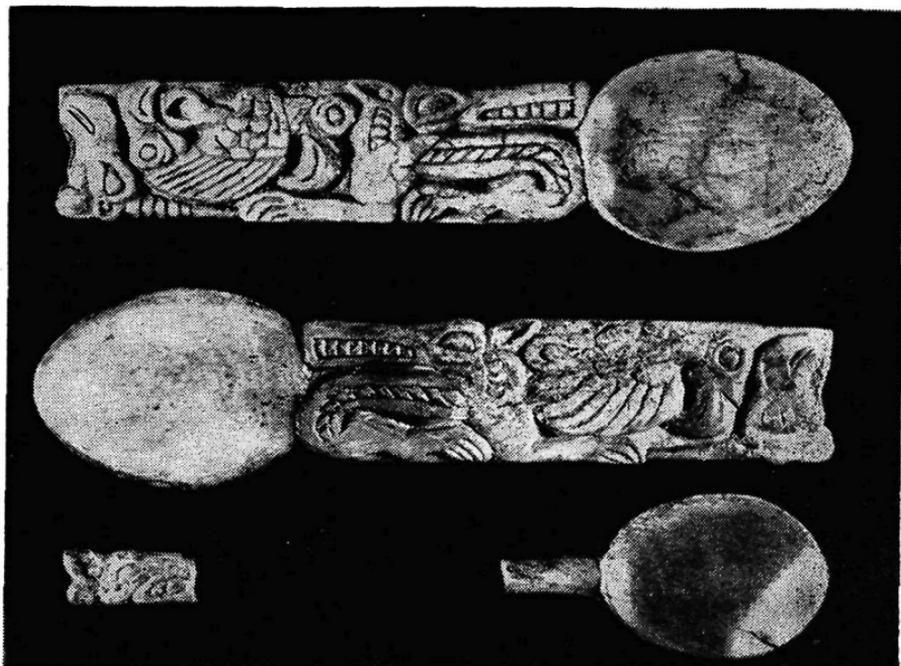

Рис. 12. Костяные ложки с зооморфной резьбой из кургана 1: 1 — погребение 3; 2 — погребение 2.

Значительное число находок из курганов могильника Сынтас составляют произведения прикладного искусства. Некоторые из них обнаруживают удивительное сходство с уже известными материалами.

¹⁷ Археологический отдел МАЭ, coll. 4022-1, № 872.

¹⁸ Там же, № 867.

¹⁹ Членова Н. Л. Место культуры Тувы скифского времени в ряду других «скифских» культур Евразии. — «Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института истории, языка, литературы», вып. IX. Кызыл, 1961, табл. 1—13.

²⁰ М. Gryaznov. *Archaeologia myndi Sibérie du sud*. Geneve, 1969, ill. 28; *История искусства народов СССР*. М., 1971, рис. 395.

В погребении 1 кургана 7 Ново-Кумакского могильника М. Г. Мошковой найдены две бляхи от конского убора с «изображением длиннохвостого орла, терзающего травоядное животное»²¹. И сюжет, и размер, и форма новокумакских блях до деталей совпадают с двумя изделиями из Сынтаса (рис. 2, 1, 2, 3). Третья бляха из Сынтаса отличается от описанных лишь дополнительной петлей, отлитой сверху.

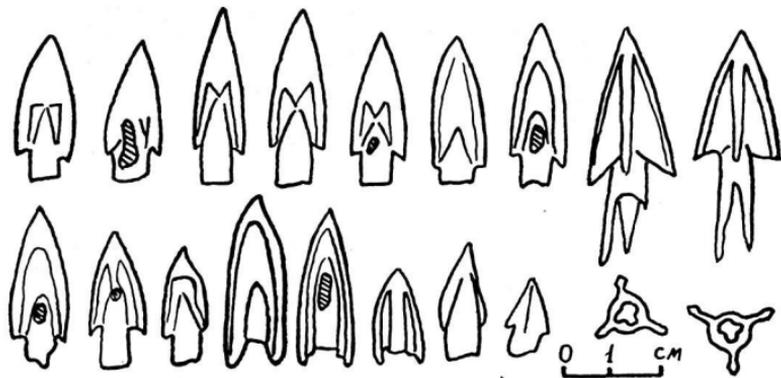

Рис. 13. Наконечники стрел из кургана 2 (колчан 1).

Сцены нападения орла-грифона на травоядное животное, скорее всего на сайгу, приобрели в искусстве самаро-уральских племен черты изобразительного канона. Фигура орла, схватившего козла и согнувшего его в кольцо, гипертрофирована, а изображение жертвы, в угоду замыслу художника, напротив, уменьшено. В бляхах из Нового Кумака и Сынтаса угадывается почерк одного мастера, не исключено, что они были отлиты в одном месте.

Однако большинство наиболее ярких произведений прикладного искусства, найденных в погребениях Сынтаса, индивидуальные и обнаруживают в памятниках кочевников Приуралья сходство лишь в общих чертах. Таковы, например, бронзовый литой колчанный крюк из основного погребения кургана 2 в виде скульптурной головы грифона и какого-то фантастического хищника или налобная пронизь-бляшка с изображением двух ушастых грифонов из погребения 1 в кургане Сынтас I (рис. 10, 2). Обе вещи имеют сюжетную близость в первом случае с крючком из кургана 3 у с. Липовки, а во втором — с бляшками из могильника Алабастрова гора, но сделаны они более искусно²².

²¹ Мошкова М. Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска. — МИА, № 115, 1962, с. 211 и рис. 6(8) на с. 234.

²² Смирнов К. Ф., Попов С. А. Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области. — В кн.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972 рис. 4А; Смирнов К. Ф. Савроматы, рис. 40, 1а (2).

Неизвестны нам аналоги бронзовому налобному конскому украшению, один, более широкий, конец которого завершается оскаленной мордой хищника (волк), а другой — изящной барельефной головкой джейрана (рис. 6, 4).

Особый интерес представляют три костяные ложки с зооморфной

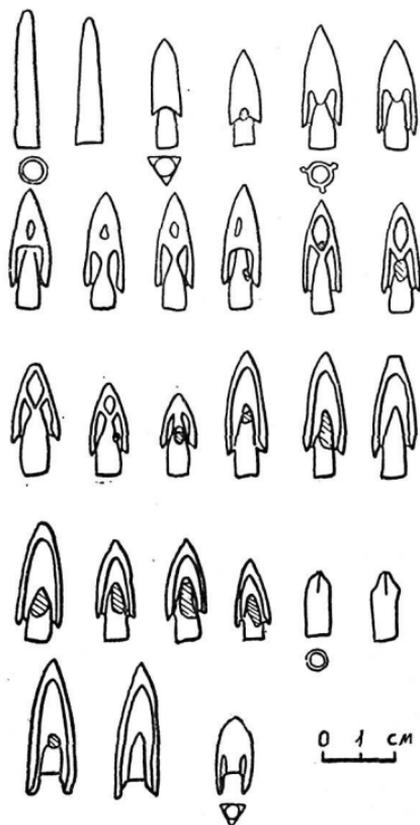

Рис. 14. Наконечники стрел из кургана 2 (колчан 2).

художественной резьбой. Черенок ложки из центрального погребения кургана 2 увенчан барельефным изображением головы сайги с характерным для животного горбатым носом. На круглом ухе имеется углубление в виде копыта лошади, подобное тому, что мы встречаем на «запонках» бронзовых блях (рис. 15). Навершие ложки из второго погребения кургана 1 украшено миниатюрной головой волка с оскаленной пастью (рис. 12, 2).

Наиболее искусная резьба по кости украшала ложку из третьего погребения кургана 1 (рис. 12, 1). На широкой рукоятке (длина 8,5 см, ширина 2,3 см) древний художник вырезал несколько фигур. Первая — это лежащий волк с повернутой назад головой и оскаленной мордой. Его шея и тело гравированы двумя параллельными линиями со штриховкой внутри. Следующая фигура орла также с обращенной назад головой. Крыло птицы передано косыми насечками, а оперение — резными кружками в виде чешуек. Лапа орла выгравирована как кольцо. Прямо под ней изображена такая же голова орла, но перевернутая, ниже, если повернуть ложку рабочей частью вверх, древний мастер

вырезал головку сайги, прямой рог которой заканчивается у передней лапы волка. Конец ложки обломан, но, судя по краю, рукоять ее заканчивалась петлей. На оборотной стороне рукоятки мы видим ту же композицию, выполненную по принципу зеркальной сим-

метрии. Эта ложка — редкий образец художественной резьбы по кости в стиле «зоологической головоломки». Прямых аналогий ей нет, но изделия подобного типа из кости все-таки встречаются в савроматском мире прикладного искусства, например в Пятимарах или у с. Варна²³. Единичные экземпляры вещей в стиле «головоломки» известны и из других районов степной полосы Евразии, в частности, из Центрального Казахстана и Тувы²⁴.

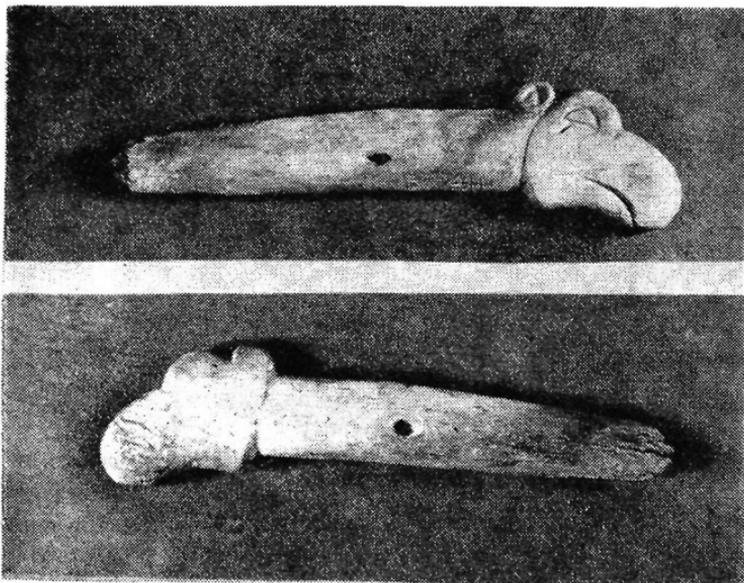

Рис. 15. Ручка костяной ложки из кургана 2.

Костяные ложки у савроматов считаются принадлежностью инвентаря женских захоронений. У них они употреблялись для растирания красящих веществ. Но в курганах могильника Сынтас ложки найдены в мужских погребениях, причем в одном и том же месте — под грудой наконечников стрел. Возможно, что часть таких ложек была как-то связана с колчаном воина, выполняла функции своеобразного амулета.

Приведенные выше сопоставления вещевого материала показывают, что захоронения воинов из кургана 1 и кургана 2 могильника

²³ Смирнов К. Ф. Савроматы, рис. 33, 36 (2в).

²⁴ Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры. — В кн.: Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 397, рис. 62; История Сибири. Т. I. Л., 1968, с. 232.

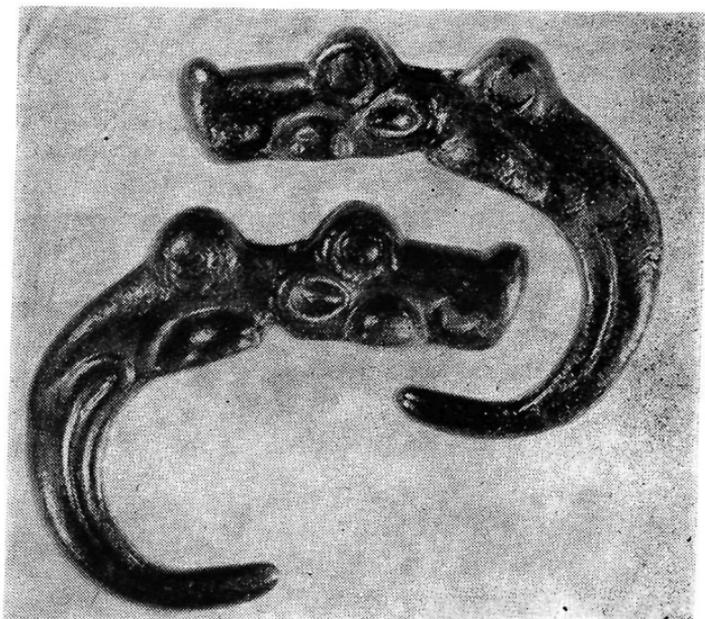

Рис. 16. Бронзовый колчаный крюк с зооморфным украшением из кургана 2.

Сынтас относится к концу VI—V вв. до н. э. Исключение составляет лишь боковое погребение кургана 2, керамический сосуд которого определяет принадлежность к прохоровской культуре.

Левобережье р. Илек, как об этом говорят многочисленные археологические данные, было одним из крупных центров зимних стойбищ родо-племенной знати древних скотоводов Южного Приуралья.

БРОНЗОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА СЫНТАС ПО ДАНЫМ СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Э. Ф. Кузнецова

Спектральный анализ бронзовых изделий из могильника Сынтас позволил нам определить химический состав савроматских бронз. Используя полученную информацию и некоторые геохимические данные, связанные с рудными источниками, мы изучили отдельные вопросы, касающиеся древнего металлургического производства на северо-западе Казахстана.

Проанализировано 40 металлических предметов из различных погребений двух курганов данного могильника (табл. 1).

Анализ проводился на кварцевом спектрографе ИСП-30. Пробы в виде металлической стружки навеской 10 мг сжигались в дуге постоянного тока ($i = 8a$), спектры фиксировались на фотопластинке. Содержание элементов оценивалось по относительной интенсивности спектральных линий с помощью градуировочных графиков, построенных за заводским стандартным образцам.

Металлические находки кургана 2 (несколько разновидностей наконечников стрел — 21 экз. — и три пряжки от конской сбруи) отличались по составу от бронзовых изделий кургана 1 (все

Содержание элементов в металлических

№ проб	Место находки	Предмет	Cu	Sn	Pb	Zn
400	Курган 1, погребение 1	Бляха от конской сбруи	Осн.	3,0—5,0	0,002	—
401	»	То же	»	5,0—10,0	0,003	—
402a	»	Пронизь от узд. набора	»	0,03	0,005	—
402	»	Обойма от узд. набора	»	~5,0	Сл.	—
403	»	То же	»	5,0—10,0	0,001	—
404	»	То же	»	3,0—5,0	0,2	—
405	»	То же	»	1,0	0,03	—
406	»	То же	»	3,0—5,0	0,5	—
407	»	То же	»	~5,0	0,5	—
408	»	То же	»	1,0—3,0	0,4	—
409	»	То же	»	~1,0	0,2	—
410	»	То же	»	5,0—10,0	0,003	—
411	»	То же	»	5,0—10,0	0,001	—
412	Курган 1, погребение 2	Пряжка от конской сбруи	»	5,0	0,003	0,03
413	»	То же	»	5,0—10,0	0,03	0,06
415	»	Пронизь от узд. набора	»	5,0—10,0	<0,001	—
416	»	То же	»	5,0—10,0	0,05	0,05
417	»	То же	»	5,0—10,0	0,05	0,03
418	»	То же	»	5,0—10,0	0,1	0,07
419	»	То же	»	5,0—10,0	0,005	0,05
420	»	Пряжка от конской сбруи	»	0~5,0	0,005	—
421	»	То же	»	5,0—10,0	0,002	0,01
422	Курган 1, погребение 3	То же	»	5,0—10,0	0,05	—
423	»	Пронизь от узд. набора	»	5,0—10,0	≥0,5	—
424	»	То же	»	5,0—10,0	≥0,3	—
425	Курган 2, погребение 1	Пряжка от конской сбруи	»	0,1	0,07	—
426	»	То же	»	0,1	0,04	—
427	»	То же	»	0,1	0,05	—
423	»	Крюк от колчана	»	2,0	2,0	—
430	Курган 2, погребение 3	Наконечник стрелы	»	0,01	0,003	—
431	»	То же	»	0,1	0,5	—
432	»	То же	»	≥0,3	0,2	—
433	»	То же	»	0,07	0,002	—
434	»	То же	»	2,0	0,03	—
435	»	То же	»	0,05	0,01	—
437	»	То же	»	0,003	0,003	—
433	»	То же	»	0,003	0,001	—
439	»	То же	»	0,3	0,3	—

Таблица 1

изделиях могильника Сынтас, %

Bi	As	Sb	Ni	Co	Ga	Au	Ag	Cr	Fe	P	Ge
—	0,05	0,005	—	—	—	—	н.о	0,006	0,01	0,005	<0,001
—	0,1	0,003	—	—	—	—	—	0,007	0,03	—	<0,001
0,001	0,01	0,005	Сл.	—	—	—	—	—	0,003	—	—
—	0,1	Сл.	<0,001	—	—	—	—	0,02	0,001	—	0,002
0,001	0,2	0,3	0,005	0,005	—	Сл.	—	0,02	0,01	—	0,003
0,007	0,05	0,2	0,04	0,07	<0,001	Сл.	—	0,01	0,4	—	<0,001
0,005	0,03	0,1	0,01	0,02	—	—	—	0,002	0,3	—	Сл.
0,005	0,03	0,01	0,005	—	—	Сл.	—	0,005	0,02	—	<0,001
0,005	0,07	0,03	0,007	—	—	<0,001	—	0,01	0,05	—	<0,003
0,003	0,03	0,005	Сл.	—	—	Сл.	—	0,002	0,005	—	<0,001
<0,01	0,02	0,3	0,01	0,01	—	—	—	0,007	~1,0	—	<0,001
0,001	<0,01	—	0,001	—	—	—	—	0,03	~1,0	—	0,003
0,001	<0,01	0,003	<0,001	—	—	—	—	0,01	0,03	—	0,001
0,002	0,01	—	—	—	—	—	—	0,005	0,3	—	0,001
<0,001	0,03	0,03	<0,001	—	—	—	—	0,02	0,03	0,1	0,003
<0,001	Сл.	0,003	0,001	—	—	—	—	—	0,05	—	0,003
0,005	0,2	~0,1	0,007	0,005	—	Сл.	—	0,01	0,5	—	0,002
0,003	0,1	~0,1	0,005	0,005	—	Сл.	—	0,01	0,2	—	0,001
0,007	0,7	~0,3	0,04	0,01	>0,001	—	—	0,01	0,1	—	0,002
0,001	0,7	0,3	0,04	0,01	>0,001	—	—	0,01	1,0	—	0,002
0,001	0,1	0,07	0,001	0,003	—	—	—	0,01	0,005	~0,1	0,001
0,003	0,3	0,2	0,003	0,01	—	—	—	0,005	0,005	<0,1	0,003
0,001	0,05	0,01	0,001	0,003	—	—	—	0,01	0,005	0,1	0,001
0,007	0,7	0,3	0,007	0,005	—	0,001	—	0,01	0,02	0,1	0,001
0,007	0,7	0,07	0,005	0,005	—	0,001	—	0,02	0,02	—	0,001
0,05	1-3,0	0,1	0,007	0,2	—	0,001	—	0,02	0,5	—	0,003
0,03	~3,0	0,07	0,01	0,1	—	<0,001	—	0,02	0,1	—	0,002
0,04	~3,0	0,1	0,02	0,3	—	<0,001	—	0,03	0,5	Сл.	0,003
0,01	0,5	0,05	0,005	0,01	—	<0,001	—	0,03	0,5	—	0,002
0,001	0,03	—	0,001	—	—	<0,001	—	0,02	0,1	0,1	0,003
0,003	0,1	0,02	0,003	0,003	0,001	<0,001	—	0,03	0,3	—	0,002
0,005	0,5	0,01	0,002	0,003	—	<0,001	—	0,03	0,5	Сл.	<0,001
<0,001	0,1	—	—	0,005	—	<0,001	—	0,007	0,5	<0,1	<0,001
<0,01	0,5	0,07	0,003	0,005	—	<0,001	—	0,03	0,005	—	0,001
0,001	0,03	—	0,001	0,003	—	—	—	0,02	~1,0	—	0,001
Сл.	<0,01	0,01	0,001	—	—	—	—	0,03	0,07	0,1	0,003
—	<0,01	0,01	—	—	—	—	—	—	0,01	—	—
0,005	0,2	0,05	0,03	—	—	Сл.	—	0,03	2,0	—	0,002

предметы — детали конского снаряжения). Последние изготовлены из оловянистых бронз (5—10% олова). Как известно, добавки олова к меди (до 6%) увеличивают текучесть сплава, что позволяет получить хорошие отливки изделий при заполнении сложных литейных форм. Но большая присадка олова ухудшает механические свойства сплава, он становится хрупким. В эпоху широкого употребления оловянистых бронз содержание олова в них достигает 10%, а нередко бывает и выше. Такие бронзы в основном употреблялись для изготовления украшений, так как большие примеси олова придавали сплаву привлекательный золотистый цвет. Спектральный анализ изделий конского снаряжения указывает на то, что они выплавлялись из руд сложного состава, содержание мышьяка в них варьировало от 0,01 до 0,5%, сурьмы — 0,003—0,1, никеля — 0,001—0,03, кобальта — 0,001—0,01%. Для них также характерны примеси редких и рассеянных элементов: висмута — 0,001—0,01%, германия — 0,001—0,003%, золота — около нескольких г/т. Свинец (0,001—0,3%), вероятно, был механическим спутником олова при добавлении его к меди.

Наконечники стрел кургана 2 отличаются малым содержанием олова, в среднем — тысячные и сотые доли процента. Понижено также до тысячных долей процента содержание никеля, кобальта и висмута. Германий и золото остаются в тех же пределах, что и в предметах из кургана 1. Высокие примеси мышьяка благоприятствовали твердости этих бронз. Не случайно на Кавказе древние плавильщики оружия в II тыс. до н. э. клинок изготовляли из мышьяковистой бронзы, а в сплав, употребляемый для производства рукоятки, добавляли сурьму и другие компоненты¹. Один образец — крюк от колчана — оказался идентичным бронзовым изделиям из кургана 1².

Резко отличными по составу от металлических изделий обоих курганов оказались три бронзовых пряжки, обнаруженные в кургане 2. При незначительных количествах в них олова (0,002%) они содержали немало мышьяка (1—3%) и повышенное количество сурьмы (0,05—0,1%), кобальта (0,1%), никеля (0,01%), висмута (0,03%). Вероятно, эти изделия были выплавлены из рудного тела типа блёклых руд, рудопроявления которых встречаются в Актюбинской области, или же привезены из другого региона.

Отличительной чертой всех металлических находок данного могильника является отсутствие в них цинка и серебра. Незначительные содержания железа указывают на то, что в металлургическом производстве того времени использовали довольно чистую медную руду. Не вызывает сомнения, что предметы из могильника Сынтас изготовлены из местного сырья, главным образом, из медной руды многочисленных месторождений медистых песчаников, широко распространенных в районе Мугуджар на севере Актюбинской области и Мангышлакского

¹ Селимханов И. Р. Разгаданные секреты древней бронзы. М., 1970, с. 45.

² Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К. Захоронение воинов савроматского времени на левобережье р. Илек. В настоящем сборнике, с. 156, рис. 16.

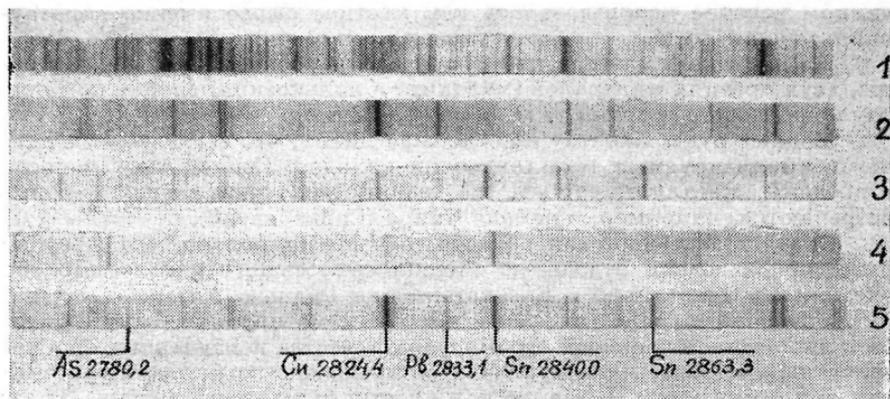

Рис. 1. Участок спектра древних образцов из Каратау (Мангышлак): 1 — медная руда; 2 — древний минерал (малахит); 3 — древний минерал (халькозин); 4 — шлак; 5 — бронзовый предмет из могильника Сынтас.

Каратау на юго-западе. Необходимо отметить, что в районе рассматриваемого могильника (среднее течение р. Илек) археологами не обнаружено древних выработок и каких-либо следов металлургического производства. В значительном количестве древние горные разработки на медь разбросаны по всем Мугоджарам, особенно много их на крайнем юге (ст. Берчугур). Мугоджарские медные руды богаты также такими минералами, как халькопирит, малахит, азурит, хризокола, самородная медь, куприт, лимонит; некоторые из них покрыты «железной шляпой»³. Руды Мугоджар содержат в значительном количестве и цинк с широко распространенным минералом — смитсонитом.

Могильник Сынтас находится в 150—180 км от Южных Мугоджар и приблизительно в 300 км от комплексного медного месторождения Западного и Восточного Каратау (Мангышлак). Весь район Каратау усеян остатками руд медистых песчаников, здесь выявлено большое количество сернистых медных минералов: халькозина, борнита, сопровождаемых окисленными минералами малахита и в меньшей степени азурита. В древности этот район был крупным центром металлургической индустрии. Здесь в многочисленных карьерах и канавах геологами Института геологических наук АН КазССР были найдены древние бронзовые изделия, остатки медеплавильных печей, слитки меди на вывоз. Из сопоставления данных спектрального анализа исследуемых образцов с геохимическим составом руд этого района можно предположить, что в древней металлургии савроматского периода в

³ Руденко Б. М., Нарвайт Г. Э. О закономерностях размещения месторождений и рудопоявлений в Южных Мугоджарах. — «Вестник АН КазССР», 1963, № 6.

данном регионе использовалась как местное сырье именно каратауская медная руда.

На рисунке 1 для сравнения приведены спектры проб медной руды, двух древних минералов (малахита и халькозина), шлака из Каратау и бронзового изделия из могильника Сынтас.

Медные руды Каратау не содержат цинка, что согласуется с данными анализируемых металлических находок. Свинец мог попасть в древний металл с кварцем из свинцовых прожилков, которые встречаются, например, в районе Чаира (Саркабаксай).

Олова в Актюбинской области нет. Маловероятно, что древние люди использовали отдельные оловянные россыпи, вернее всего, олово ввозили из Центрального Казахстана или Рудного Алтая.

Материал по металлическим находкам могильника Сынтас является лишь малой частицей огромного количества неизученных еще казахстанских бронз, металлургическое производство которых к рассматриваемому периоду (I тыс. до н. э.) достигло высокого уровня. В этот период и даже в еще более раннее время (III—II тыс. до н. э.) функционировали в полную силу многочисленные очаги на рудопоявлениях от Мугоджар и Мангышлака до Южного и Среднего Урала. Североказахстанская, среднеазиатская и уральская производственные базы были тесно связаны между собой⁴.

Спектроаналитическое изучение археологических памятников Казахстана позволит решить одну из важных проблем археологии — историю древней металлургии.

---

⁴ Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, стр. 123.

КУРГАННЫЕ МОГИЛЬНИКИ КАРАША I И II

А. Г. Максимова

В 1963—1968 гг. отрядом Семиреченской археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, руководимой К. А. Акишевым, проводились исследования курганных могильников в предгорьях северных склонов Киргизского хребта, на участке от г. Джамбула до ж.-д. ст. Акыр-тобе.

Раскопки производились на могильниках Узун-Булак, Шошкала, Кзыл-Кайнар, Караша I, II и Тъё-тобе.

Дадим характеристику могильникам Караша I и II.

Могильник Караша I находится на левом берегу безымянной речушки, стекающей с гор, и состоит из 95 курганов, расположенных небольшими цепочками ССЗ—ЮЮВ. Диаметр курганов от 3 до 30 м, высота от 0,05 до 2,5 м. Все курганы имеют на поверхности камень, а в основании — кольцо из крупных камней, иногда оно обнаруживается под насыпью на дневной поверхности того времени. Всего в могильнике раскопано 23 кургана.

Курган 20 диаметром 3,2—3,3 м, высотой 0,09 м, выложен камнем, причем по основанию более крупным. На

глубине 0,24 м от вершины в южной части оконтурилась могильная яма, ориентированная по длинной оси З—В, западная стенка ее отклонена к северу. Яма (2,1×0,4×0,74 м) перекрыта каменными плитами. В ее юго-западном углу имеется ниша длиной 0,45 м, глубиной 0,25 м, высотой 0,4 м. В нише стояла глиняная чаша (рис. 1, 1) ручной лепки с округлым дном (дно слегка уплощенное), около нее обнаружены хвостовые позвонки барана — остатки погребальной пищи. На дне ямы лежал скелет человека, вытянуто, на спине, головой на ЗСЗ, левая рука лежала вдоль туловища, а правая слегка согнута в локте, ее кисть покоится на тазовой кости.

Курганы 21, 22, 23, 24, 25 опубликованы, поэтому их описания мы не даем¹.

Курган 29 диаметром 8,8 м, высотой 0,3 м, его поверхность выложена камнем. При снятии насыпи найдено каменное ядро диаметром 7—8 см (рис. 2, 14). На глубине 0,55 м от вершины, в центре, оконтурилась могильная яма (2,5×0,8×0,86 м), ориентированная по длинной оси З—В, с небольшим отклонением западной стенки к северу, перекрытая каменными плитами. При расчистке ямы встречены разрозненные кости человека и барана (хвостовые и спинные) — остатки погребальной пищи. На дне ямы находился неполный скелет человека (в анатомическом порядке сохранились частично кости грудной клетки, рук, тазовые и бедренные). Судя по ним, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на ЗСЗ. Руки вытянуты вдоль туловища. Из вещей ничего не обнаружено. В юго-западном углу имела ниша.

Курган 30 диаметром 4,5—5,2 м, высотой 0,11 м. Его поверхность выложена камнем. На глубине 0,31 м от вершины оконтурилась могильная яма (2,3×0,9×0,7 м), ориентированная по длинной оси ЗСЗ—ВЮВ, перекрытая каменными плитами. При расчистке ямы выявлены лишь обломки глиняного сосуда и обломок косточки.

Курган 31 диаметром 6,8 м, высотой 0,37 м. Поверхность и основание выложены камнем. На глубине 0,57 м от вершины, почти в центре, оконтурилась могильная яма (2,5×0,9×1,15 м), ориентированная по длинной оси З—В, с небольшим отклонением западной стенки к северу, перекрытая каменными плитами. В западной части под южной стенкой устроена ниша длиной 0,4 м, глубиной 0,27 м, высотой 0,4 м, в которой стояла глиняная ваза ручной лепки и лежали хвостовые позвонки барана — остатки погребальной пищи. На дне ямы лежал скелет человека, головой на ЗСЗ, повернутый слегка на правый бок. Левая рука вытянута вдоль туловища, а правая согнута в локте, кисть ее покоится на тазовой кости. Правая нога также согнута в колене и откинута в сторону. Около голеностопного сустава левой ноги обнаружен железный ножичек без вычлененной рукоятки, лежавший острием к восточной стенке (рис. 4, 12).

¹ См.: Максимова А. Г. Цепочка курганов из могильника Караша I. — В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 121—128.

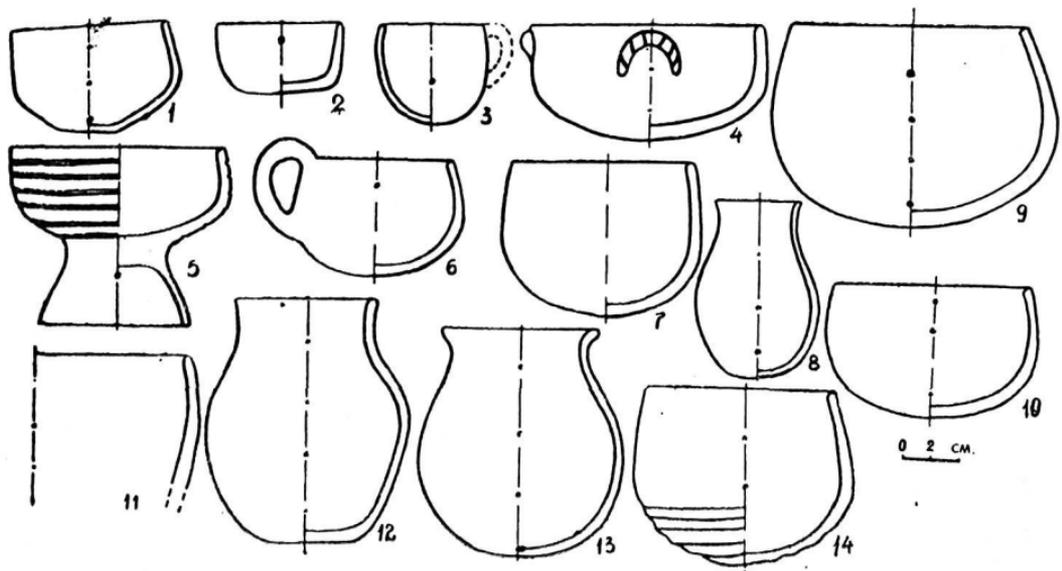

Рис. 1. Глиняные сосуды из мог-ка Караша I: 1 — курган 20; 2, 4 — курган 25, погребение 2; 3 — курган 25, погребение 1; 5 — курган 31; 6, 8 — курган 53, погребение 1; 7, 9 — курган 53, погребение 2; 10 — курган 56, погребение 1; 11 — курган 40; 12 — курган 42; 13 — курган 72; 14 — курган 74, погребение 1.

Курган 42 диаметром 8 м, высотой 0,09 м. Он выложен камнем. На поверхности прослеживается как бы два ряда каменных кругов: один — по центру, другой — по основанию. При снятии насыпи найден обломок глиняного сосуда. На глубине 0,34 м от вершины, в центре, оконтурилась могильная яма (2,7×0,7×0,87 м), ориентированная по длинной оси ЗСЗ—ВЮВ, перекрытая каменными плитами. При расчистке ямы встречены обломки глиняного сосуда. На глубине 0,67 м в западной части ямы стоял глиняный горшок ручной лепки (рис. 1, 12). На дне ямы оказались кости человека. О положении скелета сказать что-либо трудно.

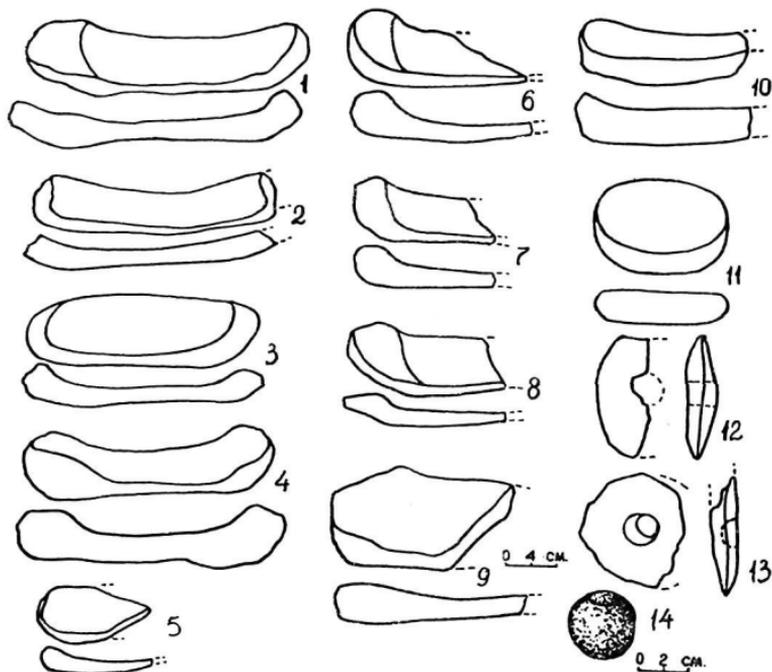

Рис. 2. Каменные земледельческие орудия Мог-к Караша I: 1—курган 25; 2, 9, 11—курган 22; 6—курган 21; 14—курган 29. Мог-к Караша II: 3, 5—курган 22; 4, 7, 10—курган 50; 8—курган 106; 12—курган 66; 13—случайная находка.

Курган 50 диаметром 6 м, высотой 0,5 м. Его поверхность и основание выложены камнем. Почти в центре кургана, на глубине 0,75 м от вершины, оконтурилась могильная яма длиной 1,7 м, ориентированная по длинной оси З—В, с небольшим отклонением западной стенки к северу, перекрытая каменными плитами и камнями. На глубине

0,4 м от края ямы, почти в середине ее, обнаружена впускная яма (2×0,6 м), ориентированная С—Ю. На дне выявлено погребение чело- века, видимо, женщины. Она лежала в вытянутом положении, на спи- не, головой на ССВ, руки вытянуты вдоль туловища. Около черепа найдена стекловидная бусина, а у запястья левой руки с внутренней стороны — каменное пряслице (рис. 3, 25). Около пояса с левой сто- роны скелета обнаружена нога черепахи. При снятии костей в области грудных и шейных позвонков встречены бусы. После снятия костей впускного погребения приступили к расчистке основного.

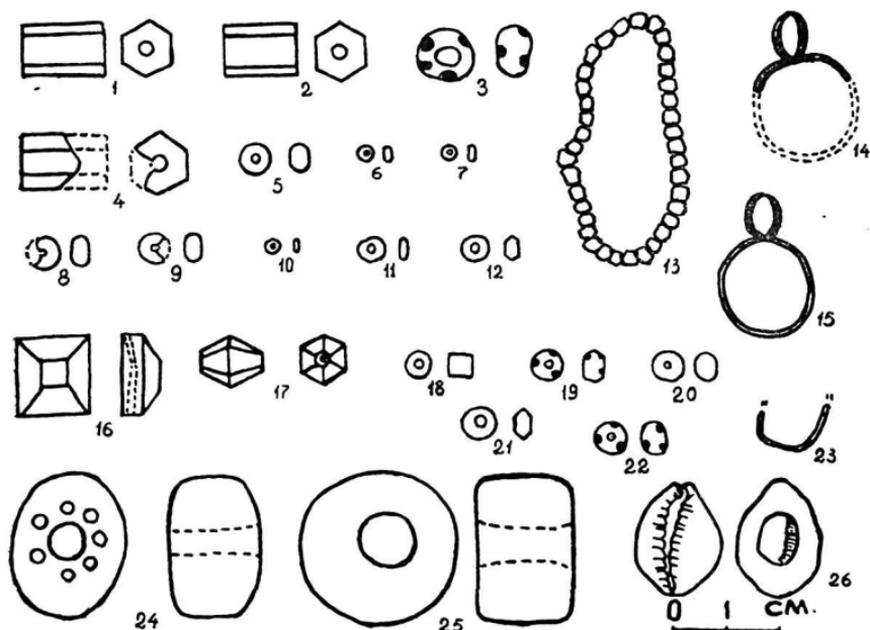

Рис. 3. Украшения. Мог-к Караша I: 1, 2, 3 — курган 53, погребение 2; 4, 5, 6, 7, 10, 14, 15 — курган 56, погребение 2; 11, 12 — курган 50; 18, 19, 20, 21, 22, 25 — курган 50, впускное погребение; 23 — курган 25, погребение 3. Мог-к Караша II: 8, 9 — курган 106, погребение 1; 13, 26 — курган 50; 16, 17 — курган 106, погребение 2; 24 — курган 71, погребение 2.

На глубине 1,05 м от края ямы, в центре ее, выявлен детский че- реп 5—7 лет, остатки перегнившего дерева и золы. На глубине 1,17 м вдоль южной стенки имелась ступенька шириной 0,5 м, высотой 0,13 м. Под северную стенку шел подбой высотой 0,45 м. По всей ве- роятности, он был заставлен деревом (сохранились его следы). В под- бое на глубине 1,3 м находились останки скелета ребенка (тазовая

кость и часть позвонков). Сказать что-либо об ориентировке погребенного трудно. Из вещей ничего не найдено.

Курган 53 диаметром 6,2 м, высотой 0,16 м. Его поверхность выложена камнем. По основанию проходит кольцо из крупного камня (рис. 6,1—5). На глубине 0,36 м от вершины кургана, в центре, оконтурились две могильные ямы, перекрытые каменными плитами.

Яма 1 (детская) длиной 0,9 м, шириной 0,4 м, глубиной 0,6 м. Ориентирована З—В. В юго-западной части ямы вдоль стенки стояло два глиняных сосуда: кувшин (рис. 1, 8) и кубок (рис. 1, 6) ручной лепки с округлым дном. Один из них имел вертикальную петлеобразную ручку. Каких-либо признаков захоронения не обнаружено.

Яма 2 длиной 2,5 м, шириной 0,9 м ориентирована по длинной оси З—В. В юго-западном углу ямы — ниша, в которой стояла глиняная миска (рис. 1, 9) и чаша (рис. 1, 7). В миске оказались хвостовые позвонки барана — остатки погребальной пищи. На глубине 0,9 м, на дне, лежал вытянуто на спине скелет человека, головой на З. Руки покоились вдоль туловища. Выше черепа найдена железная булава длиной 18 см с шариком на конце (рис. 4, 2). При снятии первых шейных позвонков выявлены две цилиндрические шестигранные бусины из голубого стекла (рис. 3, 1, 2) и одна круглая, белая с темными глазками (рис. 3, 3), по всей вероятности, из стекловидной массы. При расчистке могильной ямы встречены обломки трубчатых костей и лопатки коровы или лошади.

Курган 54 диаметром 5,7 м, высотой 0,12 м. На поверхности он выложен камнем. На глубине 0,37 м от вершины, в центре, оконтурилась могильная яма (2,4×0,8×0,8 м), ориентированная по длинной оси СЗ—ЮВ, перекрытая каменными плитами. В юго-западном углу сделана ниша, у края которой обнаружены спинные позвонки барана — остатки погребальной пищи. На дне ямы находился неполный скелет человека (в анатомическом порядке сохранились кости рук и грудной клетки). Судя по ним, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на СЗ. Руки вдоль туловища. При снятии костей в месте предполагаемого черепа найден обломок железной булавки (рис. 4, 4).

Курган 56 диаметром 5,4—5,7 м, высотой 0,12 м. Его поверхность выложена камнем. На глубине 0,32 м от вершины выявлены две могильные ямы, перекрытые каменными плитами, ориентированные З—В.

Яма 1 (северная) размером 1,8×0,8×0,75 м. На дне ямы был скелет ребенка (лет 12—14), лежавшего вытянуто на спине, головой на З. У правого плечевого сустава в небольшой нишке стояла глиняная чаша ручной лепки с округлым дном (рис. 1, 10).

Яма 2 (южная) размером 2×1×1,1 м, ориентированная по длинной оси З—В, с небольшим отклонением западной стенки к северу. На дне ямы покоился неполный скелет человека. Судя по сохранившимся костям (в анатомическом порядке — берцовые кости, половина грудной клетки, частично кости рук), погребенный лежал вытянуто, на спи-

не, головой на ЗСЗ. В области шейных позвонков собраны бусы: одна каменная (рис. 3, 10) и несколько пастовых (рис. 3, 6, 7). При снятии первых шейных позвонков найдена бусина из голубого стекла, шестигранная, цилиндрическая (рис. 3, 4, 5). Около предполагаемого места расположения черепа (черепа отсутствовал) отмечены две серебряные серьги (рис. 3, 14, 15).

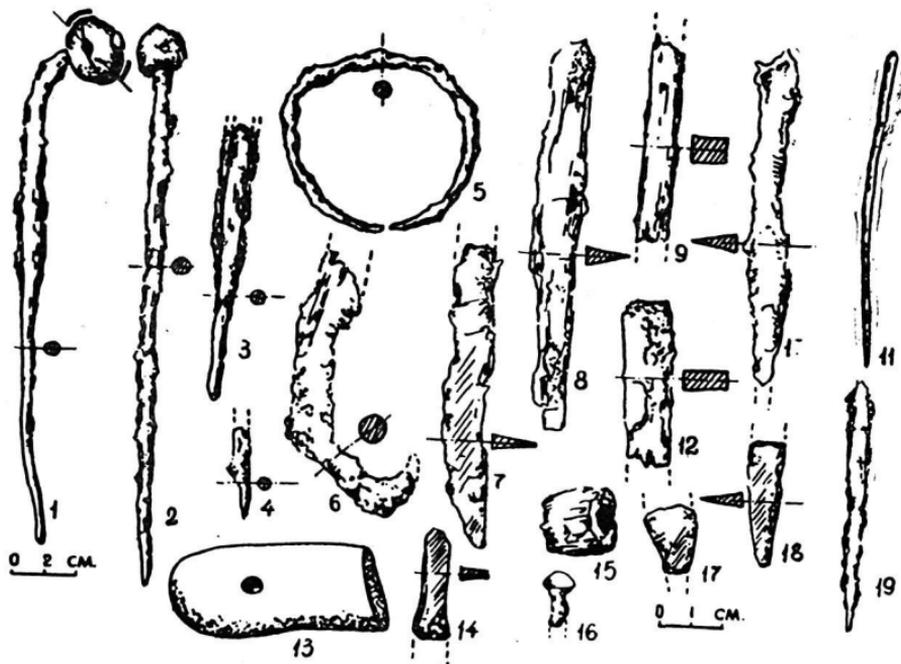

Рис. 4. Погребальный инвентарь. Караша I: 2 — курган 53, погребение 2; 4 — курган 54; 7 — курган 74, погребение 1; 8 — курган 72; 9 — курган 74, погребение 2; 12, 17, 18 — курган 31; 14 — курган 85. Мог-к Караша II: 1 — курган 65, погребение 2; 3 — курган 71, погребение 1; 5 — курган 50; 6, 10, 15 — курган III; 11, 16, 19 — курган 114; 13 — курган 71, погребение 2.

Курган 72 диаметром 6,9—7,7 м, высотой 0,4 м. Его поверхность выложена камнем, а по основанию проходит кольцо из крупного камня (рис. 6, 6—9). На глубине 0,6 м от вершины кургана, к югу от центра, очертилась могильная яма (2,5×1,1×1,2 м), ориентированная по длинной оси З—В, перекрытая каменными плитами. На дне ямы находился скелет человека, лежащий вытянуто на спине, головой на З. Правая рука покоилась вдоль туловища. В юго-западном углу ямы имелась небольшая ниша, в которой стоял глиняный горшок с округ-

лым дном ручной лепки (рис. 1, 13), около него лежал железный нож без вычлененной рукоятки острием к сосуду (рис. 4, 8). Вблизи сосуда собраны хвостовые, спинные позвонки и копытце барана. С левой стороны черепа человека обнаружена голова барана — остатки погребальной пищи. Из вещей при снятии скелета ничего не найдено.

Рис. 5. Глиняный сосуд из мог-ка Караша I кургана 31.

Курган 74 диаметром 5 м, высотой 0,12 м. Его поверхность выложена камнем, а по основанию проходит кольцо из камня. При снятии насыпи найден обломок глиняного сосуда. На глубине 0,32 м от вершины кургана околонурили две могильные ямы, ориентированные по длинной оси З—В, перекрытые каменными плитами.

Яма 1. На дне ямы (глубина 0,75 м) находился скелет человека, лежащий вытянуто, на спине, головой на З. Руки покоились вдоль туловища. В нише, расположенной в юго-западном углу, лежали хвостовые позвонки барана. Около ниши, напротив локтевого сустава, стояла глиняная чаша ручной лепки с округлым дном (рис. 1, 14), закрытая каменной плиткой. С левой стороны черепа отмечены спинные позвонки барана, около которых зафиксирован железный нож без вычлененной рукоятки острием к костям (рис. 4, 7).

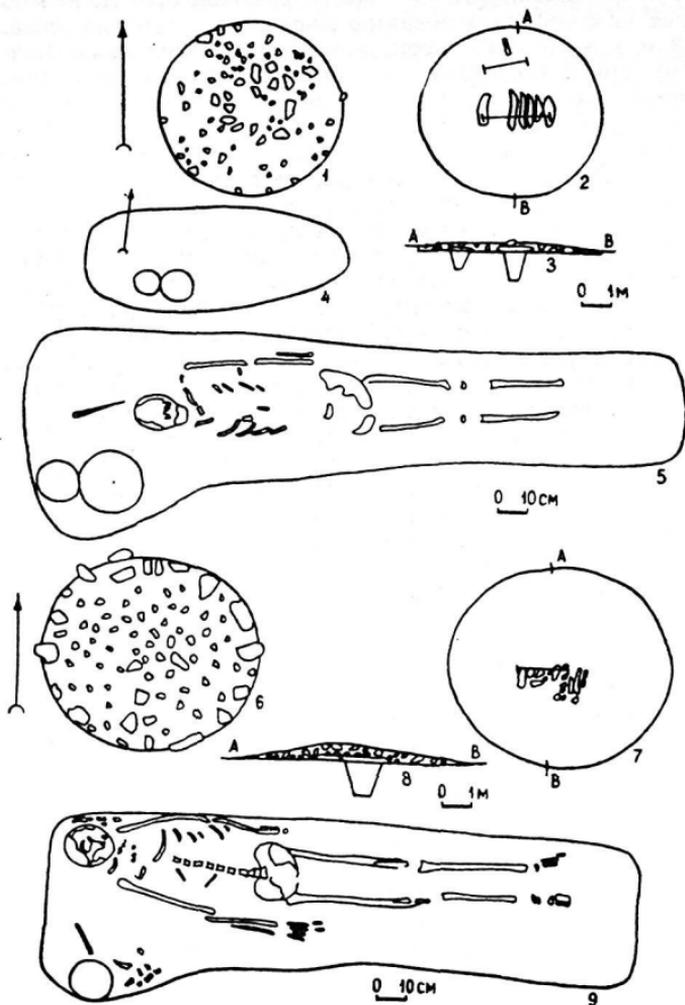

Рис. 6. План, разрез и вид грунтовой ямы могилы Караша I: 1—5 курган 53; 6—9 — курган 72.

Яма 2 (размер $2,2 \times 0,8 \times 0,9$ м). На дне ямы находился скелет человека, неполный. Судя по сохранившимся в анатомическом порядке костям, погребенный лежал головой на З. Руки вытянуты вдоль туловища. В юго-западном углу ямы имелась ниша, в которой оказался железный нож без вычлененной рукоятки (рис. 4, 9).

Курган 79 диаметром 5,3—5,8 м, высотой 0,15 м. Его поверхность выложена камнем, по основанию проходит кольцо из камня. На глубине 0,3 м, в восточной части, оконтурилась могильная яма (2,5×1××0,85 м), ориентированная СЗ—ЮВ и перекрытая каменными плитами. В юго-западном углу сделана ниша. На дне ямы в анатомическом порядке сохранилась бедренная кость, судя по ней, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на СЗ. Из вещей ничего не найдено.

Курган 80 диаметром 5,2—5,8 м, высотой 0,15 м. Его поверхность выложена камнем, по основанию едва прослеживается кольцо из камней. На глубине 0,35 м от вершины кургана оконтурилась могильная яма (2,25×0,9×1,15 м), ориентированная по длинной оси ЗСЗ—ВЮВ. На дне ямы находился скелет человека, лежащий вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. Руки покоились вдоль туловища. Череп отсутствовал, правая лопатка сдвинута. Из вещей ничего не найдено.

Курган 81 диаметром 6—6,5 м, высотой 0,11 м. На глубине 0,36 м обнаружено кольцо из камня, сложенного на дневной поверхности того времени. Почти в центре кольца имелось скопление камней, под которым оконтурилась могильная яма (2×0,65×1,3 м). При расчистке встречены остатки перегнившего дерева, по всей вероятности, от перекрытия, поверх которого лежал камень. На дне находился скелет человека (неполный) вытянуто на спине, головой на З.

Курган 82 диаметром 6,3—6,5 м, высотой 0,1 м. Его поверхность выложена камнем. Под насыпью обнаружено кольцо из камней, внутри которого оконтурилась могильная яма (2,2×0,8×1,1 м), ориентированная по длинной оси ЗСЗ—ВЮВ, перекрытая каменными плитами. На дне ямы обнаружен неполный скелет человека. В анатомическом порядке сохранились кости рук и ног, судя по ним, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. Руки покоились вдоль туловища. Из вещей ничего не найдено.

Могильник Караша II находится на правом берегу безымянной речушки, напротив могильника Караша I, и состоит из 119 курганов, расположенных небольшими, не совсем правильными, цепочками в направлении ССЗ—ЮЮВ. Диаметр курганов от 3 до 15 м, высота от 0,05 до 1,5 м. Курганы имеют земляную насыпь, выложенную камнем. В основании курганов проходит кольцо из крупных камней, иногда кольцо выявляется на дневной поверхности под насыпью вокруг могильной ямы. У некоторых курганов в 4 и более метрах от основания сохранились каменные кольца в один или два ряда камней шириной около 1 м и с входом с востока. Всего в могильнике раскопано 28 курганов.

Курган 10 диаметром 5,3 м, высотой 0,06 м. На его поверхности кое-где были камни. На глубине 0,21 м от вершины оконтурилась могильная яма (2,2×0,5×0,8 м), ориентированная по длинной оси ЗСЗ—ВЮВ, перекрытая каменными плитами. На дне находился скелет человека. Судя по костям ног, сохранившимся в анатомическом порядке, погребенный лежал головой на ЗСЗ. В юго-западном углу, в нише стояла миска (рис. 7, 2) и кубок (рис. 7, 1) с округлым дном.

В миске лежали спинные позвонки барана — остатки погребальной пищи.

Курган 11 диаметром 7 м, высотой 0,18 м. Его поверхность выложена камнем. По основанию проходит как бы кольцо из камней. На глубине 0,43 м от вершины кургана оконтурилась могильная яма (2,25×0,6 м), ориентированная по длинной оси ЗСЗ—ВЮВ, перекрытая каменными плитами. В юго-западной части сделана ниша. При расчистке ямы обнаружены разрозненные кости человека. Вещей не найдено.

Курган 12 диаметром 4,4 м, высотой 0,07 м. Его поверхность выложена камнем. На глубине 0,22 м от вершины оконтурилась могильная яма (1,3×0,4×0,65 м), перекрытая каменными плитами. На дне ямы находился скелет человека, лежащий на спине, головой на СЗ. Правая рука вытянута вдоль туловища, а левая, видимо, согнута в локте. Ноги согнуты в коленях и повернуты в левую сторону. В юго-западном углу ямы в небольшой нише стояла глиняная чаша ручной лепки с округлым дном (рис. 7, 3).

Курган 22 диаметром 6 м, высотой 0,16 м. Его поверхность выложена камнем. На глубине 0,26 м от вершины, к северу от центра, оконтурилась могильная яма (1,8×0,52×1 м), ориентированная по длинной оси СЗ—ЮВ, перекрытая каменными плитами. При расчистке ямы встречены обломки глиняного сосуда ручной лепки. На дне ямы находился скелет человека. В анатомическом порядке сохранились кости ног, судя по ним, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на СЗ. В юго-западном углу устроена ниша. При снятии насыпи найден целый и половина куранта (рис. 2, 3, 5).

Курган 30 диаметром 6,2 м, высотой 0,15 м. Его поверхность выложена камнем. На глубине 0,4 м от вершины оконтурились три могильные ямы, перекрытые каменными плитами.

Яма 1 (северная) ориентирована по длинной оси СЗ—ЮВ. В юго-западной части ямы — ниша. Ничего не найдено.

Яма 2 (центральная) размером 2,5×0,7×0,8 м, ориентирована по длинной оси ЗСЗ—ВЮВ. С глубины 0,8 м начался материковый слой. Ничего не найдено.

Яма 3 (южная) ориентирована по длинной оси ЗСЗ—ВЮВ. В юго-западном углу, на глубине 0,55 м, стояли две глиняные чаши ручной лепки (рис. 7, 4, 6). С глубины 0,6 м начался материковый слой.

Курган 45 диаметром 6,2 м, высотой 0,25 м. Его поверхность выложена камнем (рис. 8, 4—8). На глубине 0,4 м оконтурились три могильные ямы, перекрытые каменными плитами.

Яма 1 (северная) ориентирована СЗ—ЮВ. В юго-западном углу, на глубине 0,5 м в небольшой нише стояли две глиняные чаши (рис. 7, 8, 9) с округлым дном, ручной лепки. Костей человека не обнаружено.

Яма 2 (южная) ориентирована ЗСЗ—ВЮВ размером 2×0,5×0,8 м. На дне находился скелет человека, лежащий вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. Руки покоились вдоль туловища. В юго-запад-

ном углу устроена ниша, в которой стояли глиняная чаша (рис. 7, 11) и миска (рис. 7, 12) с округлым дном ручной лепки.

Яма 3 (центральная) ориентирована по длинной оси СЗ—ЮВ размером $2 \times 0,53 \times 1$ м. На дне ямы находился скелет человека, лежащий вытянуто на спине, головой на СЗ (череп повернут на левую сторону). Руки покоились вдоль туловища. В северо-западном углу, в нише, стояли глиняные чаши (рис. 7, 7) и миска (рис. 7, 10), сделанные ручной лепкой, с уплощенным дном. Чаша со следами раскраски.

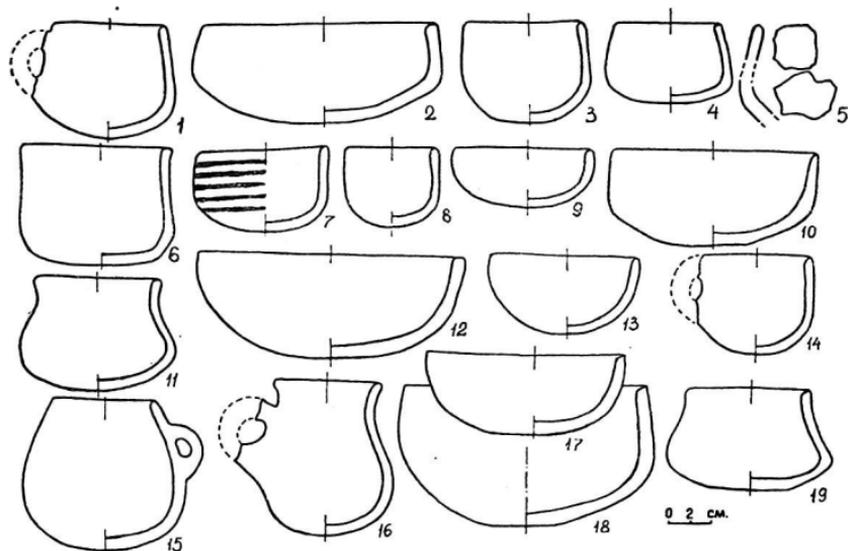

Рис. 7. Глиняные сосуды из мог-ка Караша II: 1, 2 — курган 10; 3 — курган 12; 4, 6 — курган 30; 5 — курган 55; 7, 10 — курган 45, погребение 2; 8, 9 — курган 45, погребение 1; 11, 12 — курган 45, погребение 3; 13, 14 — курган 46; 15, 17 — курган 56; 16 — курган 65, погребение 2; 18, 19 — курган 65, погребение 1.

Курган 46 диаметром 4 м, высотой 0,09 м. Его поверхность выложена камнем. На глубине 0,24 м, в центре, оконтурилась могильная яма ($0,95 \times 0,35 \times 0,65$ м), ориентированная З—В с небольшим отклонением западной стенки к северу, перекрытая каменными плитами. На дне ямы в западной части, вдоль южной стенки, стояли глиняные чаша (рис. 7, 13) и кубок (рис. 7, 14), ручной лепки, с округлым дном. Кубок имел вертикальную ручку (обломана). Костей человека не найдено.

Курган 50 диаметром 7,3—7,75 м, высотой 0,32 м. Его поверхность выложена камнем. В 4 м от основания кургана сохранились камни от кольца. На глубине 0,62 м под насыпью выявлено кольцо диаметром 3 м из крупного камня. Внутри кольца оконтурилась могильная яма, перекрытая каменными плитами. На дне ямы находился

скелет человека в вытянутом положении, на спине, головой на СЗ. Руки лежали вдоль туловища (кисть левой руки под тазовыми костями). Выше черепа обнаружены бронзовые бусы, видимо, от головного убора (рис. 3, 13). На левой руке (выше кисти) был железный браслет (рис. 4, 5). У черепа с левой стороны оказалась раковина каури (рис. 3, 26). При расчистке ямы встречены обломки глиняного сосуда, изготовленного ручной лепкой. При снятии насыпи найдены каменная зернотерка и три обломка от курантов (рис. 2, 4, 7, 10).

Курган 55 диаметром 8,2 м, высотой 0,24 м. Его поверхность выложена камнем. В 3 м от основания с северной стороны сохранилось каменное кольцо из одного ряда камней. При снятии насыпи встречены обломки глиняного сосуда. На глубине 0,49 м от вершины кургана, на дневной поверхности того времени выявлено кольцо диаметром 3 м из крупных камней. Внутри кольцо завалено камнем, под которым и обнаружены каменные плиты, лежавшие ЗСЗ-ВЮВ. Под каменными плитами околонурилась могильная яма (2×0,6×1 м), ориентированная по длинной оси ЗСЗ-ВЮВ. На дне ямы находился скелет человека вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. Руки лежали вдоль туловища (череп отсутствовал). В юго-западном углу устроена небольшая ниша.

Курган 56 диаметром 4—4,3 м, высотой 0,09 м. Его поверхность выложена камнем. На глубине 0,29 м от вершины околонурилась могильная яма (1,7×0,45×0,75 м), ориентированная ЗСЗ-ВЮВ, перекрытая каменными плитами. В юго-западном углу ямы устроена ниша, в которой стояли глиняные кубок (рис. 7, 15) и миска (рис. 7, 17), возможно, нижняя часть кувшина. Сосуды с округлым дном, ручной лепки. В одном из них, миске, были остатки погребальной пищи — хво-

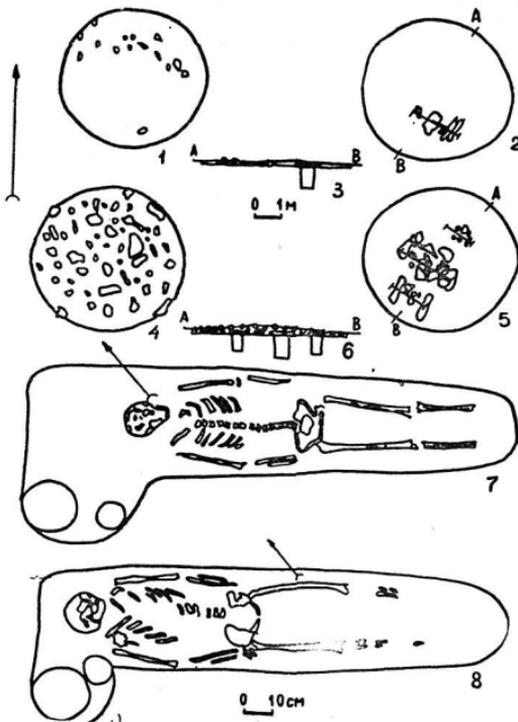

Рис. 8. План, разрез и вид грунтовой ямы могилка Караша II: 1—3 курган 110; 4—8 — курган 45.

стовые позвонки барана. На дне ямы находился скелет человека, лежащий вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. Руки положены вдоль туловища.

Курган 64 диаметром 5—5,2 м, высотой 0,12 м. Его поверхность выложена камнем, по основанию проходит каменное кольцо. На глубине 0,32 м, к западу от центра, околонурилась могильная яма, ориентированная по длинной оси СЗ—ЮВ, с перекрытием из камней. В юго-западном углу устроена ниша. На дне ямы обнаружены берцовые кости ног человека. Судя по сохранившимся в анатомическом порядке костям, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на СЗ. Из вещей ничего не найдено.

Курган 65 диаметром 6,1—6,8 м, высотой 0,15 м. Его поверхность выложена камнем, по основанию проходит кольцо из крупного камня. На глубине 0,35 м от вершины околонурились две могильные ямы, перекрытые каменными плитами.

Яма 1 (южная) ориентирована по длинной оси ЗСЗ—ВЮВ (1,7×0,45×0,7 м). На дне ямы находился скелет человека, лежащий вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. Руки покоились вдоль туловища. В юго-западном углу, в нише, стояли глиняные миска (рис. 7, 18) и чаша (рис. 7, 19) ручной лепки. При расчистке ямы найден астрагал барана.

Яма 2 (северная) ориентирована по длинной оси ЗСЗ—ВЮВ (2,2×0,45×1 м). На дне ямы находился скелет человека, лежащий вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. Руки вытянуты вдоль туловища. Ноги лежат коленями вместе. В юго-западном углу ямы, в небольшой нише, стоял глиняный кувшин (рис. 7, 16). Выше черепа обнаружена железная булава длиной около 30 см, заканчивающаяся полым круглым шариком (рис. 4, 1). С левой стороны плечевого сустава найден древесный уголек.

Курган 66 диаметром 4,2—4,5 м, высотой 0,05 м. Его поверхность выложена камнем. На глубине 0,25 м от вершины околонурилась могильная яма (1,85×0,5×0,9 м), перекрытая каменными плитами. На дне ямы находился скелет человека, лежащий вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. Руки покоились вдоль туловища. В северо-западном углу сделана ниша. При снятии насыпи найден обломок каменной мотыжки с округлым отверстием для крепления рукояти (рис. 2, 12).

Курган 67 диаметром 9,2 м, высотой 0,33 м. Его поверхность выложена камнем. В 7—8 м от основания вокруг кургана проходит каменное кольцо, состоящее из двух рядов камней (ширина кольца 1 м). С восточной стороны кольца имелся как бы вход шириной 1,3 м. Диаметр кургана с кольцом 24,5 м. На глубине 0,58 м от вершины кургана, на дневной поверхности, выявлено два кольца из камней. Внешнее кольцо из каменных плит, поставленных на ребро. В центре внутреннего кольца околонурилась могильная яма, ориентированная по длинной оси СЗ—ВЮВ, перекрытая каменными плитами. В юго-западном углу — ниша. В яме ничего не найдено.

Курган 70 диаметром 6 м, высотой 0,2 м. Его поверхность выло-

жена камнем, по основанию проходит кольцо из крупного камня. На глубине 0,35 м от вершины в восточной части оконтурилась могильная яма, ориентированная З—В, перекрытая каменными плитами. В юго-западном углу сделана ниша длиной 0,6 м, глубиной 0,15 м. На глубине 0,85 м в яме находился скелет человека (без черепа), лежащий вытянуто на спине, головой на З. Руки покоились вдоль туловища. Вещей не найдено.

Рис. 9. Глиняный сосуд из мог-ка Караша II. Курган 45, погребение 2.

Курган 71 диаметром 7 м, высотой 0,3 м. Его поверхность выложена камнем. По основанию проходит как бы кольцо из крупного камня. После снятия насыпи выяснилось, что площадь внутри кольца заполнена камнем. На глубине 0,5 м, под камнем, оконтурились две могильные ямы, перекрытые каменными плитами.

Яма 1 (южная). В юго-западном углу ямы устроена ниша. На дне ямы находился скелет человека, лежащий вытянуто на спине, головой почти на З, с незначительным отклонением к северу. Левая нога немного согнута в колене. За черепом найдена железная булавка (рис. 4, З).

Яма 2 (северная) размером $2 \times 0,3 \times 0,85$ м ориентирована по длинной оси почти точно З—В. На дне ямы находился скелет челове-

ка, лежащий вытянуто на спине, головой почти точно на З. Левая рука покоилась вдоль туловища, кисть правой руки, по всей вероятности, лежала на тазовой кости. Ноги немного согнуты в коленях и повернуты влево. С правой стороны черепа были две глиняные чаши (рис. 10, 1, 2), а на тазовой кости в области пояса — каменная бусина (рис. 3, 24).

Курган 101 диаметром 10 м, высотой 0,41 м. Его поверхность выложена камнем. С северной стороны, у основания кургана, имеются три выкладки из камней, положенных на поверхности, диаметром по 3 м (рис. 11). После снятия камней и зачистки выкладок, на глубине 0,2 м начался материковый слой. Под насыпью на глубине 0,5 м от вершины кургана, на дневной поверхности того времени обнаружены два кольца. Внешнее диаметром 6 м, внутреннее 3 м из крупных камней. Во внутреннем кольце располагались каменные плиты, положенные в направлении З—В. Под каменными плитами оконтурилась могильная яма, ориентированная по длинной оси почти точно З—В. Размер ямы 1,5×0,4×0,95 м. При ее расчистке встречены разрозненные кости человека (молочные зубы ребенка). В юго-западном углу устроена ниша. При снятии насыпи выявлены обломки глиняного сосуда ручной лепки.

Курган 106 диаметром 7 м, высотой 0,11 м. Его насыпь земляная, по основанию кургана как бы проходит кольцо из камня, в центре имеется завал из камней. При снятии насыпи встречены половина куранта (рис. 2, 8) и обломки глиняного сосуда. На глубине 0,21 м от вершины, под насыпью, прослеживается кольцо из камней по основанию. Под завалом из камней оконтурилась могильная яма (1), ориентированная ЗСЗ—ВЮВ. На дне ямы находился неполный скелет человека (ребенка). Судя по сохранившимся костям, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. В области первых грудных ребер найдены две пастовые бусины и бусины из зеленовато-голубоватого стекла (рис. 3, 8, 9). В юго-западном углу устроена ниша, в ней стояли два глиняных горшка, сделанных на гончарном круге (рис. 10, 4, 5).

Яма 2. К югу от ямы 1 отмечено еще одно скопление камней, под которыми на глубине 0,17 м обнаружены в куче череп человека, кости рук и ног. Под костями оконтурилась могильная яма 3 (2,3×0,65 м), ориентированная по длинной оси ЗСЗ—ВЮВ. При ее расчистке выявлены зубы барана. На дне могильной ямы, на глубине 1 м, находился скелет человека, лежащий вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. Левая рука покоилась вдоль туловища, правая согнута в локте. В нише, устроенной в юго-западном углу ямы, стоял глиняный горшок с уплощенным дном, сделанный на гончарном круге (рис. 10, 3). Между черепом и плечевым суставом найдена бусина из горного хрусталя (рис. 3, 16). При снятии скелета в области первых шейных позвонков обнаружена стеклянная фиолетовая бипирамидальная бусина (рис. 3, 17). Западная стенка ямы потревожена грабительским лазом длиной 0,9 м, шириной 0,7 м.

Курган 110 диаметром 6 м, высотой 0,11 м. Его насыпь земляная. На глубине 0,21 м от вершины по основанию проходит кольцо из камня, в центре отмечено несколько камней (рис. 8, 1—3). На глубине 0,45 м околонурилась могильная яма (2,3×0,65 м), ориентированная ЗСЗ—ВЮВ, перекрытая каменными плитами. При ее расчистке встречены разрозненные кости человека и найден обломок толстостенного глиняного сосуда ручной лепки. На дне ямы, в юго-западной части, около ниши стояли глиняные кубок (рис. 10, 9) и горшок (рис. 10, 8). Кубок изготовлен ручной лепкой, горшок — на гончарном круге.

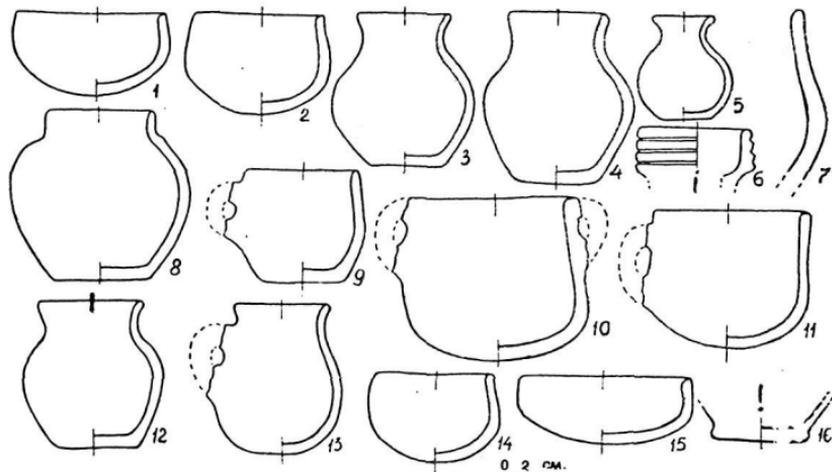

Рис. 10. Глиняные сосуды из мог-ка Караша II; 1, 2 — курган 71, погребение 2; 3 — курган 106, погребение 2; 4, 5 — курган 106, погребение 1; 6, 7 — курган 106, при снятии насыпи; 8, 9 — курган 110; 10 — курган 112; 11 — курган 113; 12 — курган 5, погребение 2; 13 — курган 5, погребение 1; 14, 15 — в 500—600 м от кургана 5; 16 — курган 5, погребение 2.

Курган 111 диаметром 5 м, высотой 0,11 м. Его насыпь земляная, по основанию прослеживается как бы кольцо из камня. На глубине 0,26 м от вершины, в северной части, околонурилась могильная яма, ориентированная ЗСЗ—ВЮВ, перекрытая каменными плитами и камнями. При снятии насыпи собраны обломки глиняного сосуда ручной лепки, толстостенного, розовато-сероватого в изломе. На дне ямы находился скелет человека, лежащий вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. Руки покоились вдоль туловища. На поясе, с правой стороны найден обломок, видимо, железного крючка для подвешивания (рис. 4, 6). Под поясничными позвонками обнаружены железная пронизка (рис. 4, 15), под левой бедренной костью (около фаланг

пальцев левой руки) — железный ножичек, лежащий острием к ступне (рис. 4, 10). В юго-западном углу ямы устроена ниша.

Курган 112 диаметром 7 м, высотой 0,19 м. Его насыпь земляная, в ней кое-где встречались камни. На глубине 0,29 м от вершины выявилась северная часть каменного кольца. По всей вероятности, по основанию курган имел каменное кольцо, внутри которого оконтурилась могильная яма (2,1×0,55×0,85 м), ориентированная по длинной оси СЗ—ЮВ, перекрытая каменными плитами. На дне ямы находился скелет человека, лежащий вытянуто на спине, головой на СЗ. Правая рука согнута в локте, а левая вытянута вдоль туловища. Около правого плечевого сустава в неглубокой нише, устроенной в юго-западном углу ямы, стоял глиняный кубок ручной лепки с двумя петлеобразными вертикальными ручками, отходящими от края венчика (рис. 10, 10). При снятии скелета в области ключицы оказались угольки.

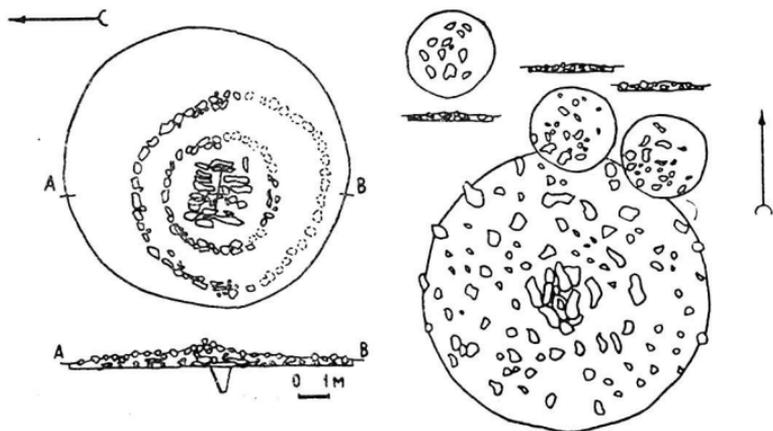

Рис. 11. План и разрез кургана 101 мог-ка Караша II.

Курган 113 диаметром 5 м, высотой 0,1 м. Его насыпь земляная. По основанию кургана проходит кольцо из камня. На глубине 0,3 м от вершины оконтурилась могильная яма (2×0,55×0,75 м), ориентированная по длинной оси ЗСЗ—ВЮВ, перекрытая каменными плитами. В юго-западной части ямы устроена ниша длиной 0,64 м, глубиной 0,25 м. На дне ямы находился скелет человека, лежащий вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. В нише стоял глиняный кубок ручной лепки (рис. 10, 11).

Курган 114 диаметром 5 м, высотой 0,04 м. На его поверхности кое-где имелся камень, а по основанию проходило каменное кольцо. На глубине 0,24 м выявлено кольцо из камней, а в центре в юго-за-

падной части оконтурилась могильная яма, ориентированная по длинной оси СЗ—ЮВ. В яме на глубине 0,35 м находился неполный скелет человека, лежавший вытянуто на спине, головой на СЗ. Левая рука покоилась вдоль туловища. В анатомическом порядке сохранились берцовые кости, бедренная, кости левой руки и левая половина ребер. В области грудных позвонков, с левой стороны, обнаружена небольшая железная шпилька или ножичек (рис. 4, 19). При расчистке ямы найдены обломок железной шпильки с позолоченной головкой (рис. 4, 16) и бронзовая булавка (рис. 4, 11). Четких контуров могильной ямы определить не удалось.

Рассмотренные курганы могильников Караша I и Караша II имеют много общего — поверхность их выложена камнем, по основанию кургана или под насыпью проходит одно — два кольца из камней. В трех случаях (Караша II, курган 50, 55, 67) кроме колец по основанию и под насыпью отмечены кольца из камней в трех и более метрах от основания кургана с входами на восточной стороне. В могильнике Караша II зафиксированы курганы с земляными насыпями, но у них были также кольца из камней под насыпью.

Немало общего у этих могильников и в сооружении погребальных камер. Как правило, это грунтовые могилы с одной, иногда двумя (Караша I, курганы 53, 56, 74; Караша II, курганы 13, 65) и редко тремя (Караша II, курганы 12, 30, 45) ямами, перекрытыми каменными плитами, положенными поперек. Могильные ямы ориентированы (там, где удалось выяснить) по длинной оси СЗ—ЮВ (11 курганов), ЗСЗ—ВЮВ (16 курганов) и З—В (5 курганов) и имеют в большинстве случаев нишу в юго-западной части ямы. К сожалению, погребальные сооружения ограблены еще в древности и порой трудно определить положение погребенного и погребальный обряд. По тем незначительным сохранившимся в анатомическом порядке костям можно сказать, что погребенные лежали вытянуто на спине, головой на З, СЗ, ЗСЗ.

Аналогичен и погребальный инвентарь (сосуды, украшения, предметы быта) курганов. Все это позволяет отнести могильники Караша I и Караша II к одному времени.

Глиняная посуда (миски, чаши, кубки), а также украшения (шпильки, бусы, серьги) находят многочисленные параллели в памятниках Семиречья усуньского времени (I—III вв. н. э.)². Наличие сосудов со следами красного ангоба, получившего распространение с начала нашей эры, подтверждает эту дату³. Широко бытовали в первые

² Агеева Е. И. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области. — «Труды ИИАЭ АН КазССР». Т. 12. Алма-Ата, 1961, с. 21—40; Абегаев А. К., Буруздин Ю. Д. Сако-усуньские памятники Таласской долины. — В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, с. 17—31; Акишев К. А., Кушаев Г. В. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, табл. XI.

³ Тереножкин А. И. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. — «Известия Узбекского филиала АН СССР», 1940, № 9, с. 33; Агеева Е. И. Указ. работа, с. 35.

века нашей эры стеклянные шестигранные цилиндрические бусы⁴. В III—IV вв. стекло получает широкое распространение⁵. Этой датировке не противоречит и характер надмогильных и погребальных сооружений. Наличие ниш в юго-западной части ямы является, по всей вероятности, отличительной чертой этих памятников от памятников, открытых в верховьях Таласа, в которых ниша находится под северной стенкой.

---

⁴ Максимова А. Г. Усуньские курганы левобережья р. Или. — «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1959, вып. 1(9), стр. 92, табл. V, 2.

⁵ Трудновская С. А. Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак-кала. — В кн.: Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг. М., 1952, с. 126.

НОВЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
БРОНЗОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ САКСКОГО
ВРЕМЕНИ

А. К. Акишев

Искусство «звериного» стиля племен Казахстана сакского времени пополнилось новыми оригинальными произведениями: бронзовой пряжкой, на которой представлена сцена терзания пантерами сайгака, и поясной застежкой с изображением единоборства тигра и верблюда.

Изделия обнаружены случайно в отдаленных друг от друга районах Казахстана и относятся к разным стилистическим направлениям скифо-сибирского «звериного» стиля.

Бронзовая массивная пряжка, анализ которой дается в нашей работе, изготовлена техникой литья (расстояние между крайними точками 10—13 см). Она найдена Ф. Х. Арслановой в Павлодарском Прииртышье (рис. 1, а)¹.

Весьма оригинально композиционное построение этого великолепного образца декоративного искусства племен Западной Сибири. Три «пантеры» (название условное) окружают сайгака. Композиция вписана в равносторонний треугольник, по его углам радиально

---

¹ Арсланова Ф. Х. Интересная находка из Прииртышья. — «Вестник АН КазССР», 1963, № 10, с. 100—101.

расположены фигуры трех «пантер» в позе «скребущего» хищника, а в центре — сайгак-рогач в агонии. Все три хищника по трактовке идентичны. Их силуэтам придана округлая форма. Линия крупа плавно переходит в завиток. В орнаментальных целях мастер изобразил задние лапы, поджатыми под брюхо. Создается впечатление, что «пантеры» свернулись в клубок. Пластическая проработка деталей скупа, но выразительна. Глаз у «пантер» выпуклый круглый, обведен кружком и имеет слезницу. Ухо круглое с раковинной, намеченной ямкой. Угол нижней челюсти очерчен резцом. Кончик морды загибается книзу, он передан в высоком рельефе и отделен наклонной впадиной. Клыки выгравированы, между последним и щекой сделано круглое отверстие. Когтистая передняя лапа выдвинута вперед. Между бедром и брюхом имеется полукруглая впадина, заштрихованная насечками. Хвост прижат к крупу и на кончике закручен в узелок.

Сайгак лежит на спине, его задние ноги поджаты к голове. Фигура условно вписывается в овал. Голова сайгака повернута назад к ногам и прижата к груди. Рога плавно изогнуты. Ухо ложечковидное с раковинной, а глаза каплевидные со слезницей. Штрихом намечена ноздря. Выпуклая щека обведена глубоким желобком. Копыто четко вырисовано.

Это изображение высокорельефно и мягко моделировано. Гравировка применена скупно, только для прорисовки важных деталей: глаз, копыта, рога и т. п., а также для контрастности выпуклых частей тела: щеки, бедра. Мелких декоративных деталей нет.

Геральдически силуэты «пантер» размещены в поворотной симметрии, на 120° одна от другой. Изображения строго профильные и статичные.

Две фигуры «пантер» соединены дуговидной пластиной, к которой припаяна застежка в виде копыта лошади. С внутренней стороны пряжка имеет два Т-образных шпилька (высота 15 мм, длина шляпки 27 мм) для крепления на ремне.

Анализ изобразительных приемов данной пряжки и сравнение их с иконографией из «звериного» стиля скифо-сакских племен Евразии выявляют параллели.

Стилистически очень близкие аналогии имеются из раннескифских погребений. На Харьковщине в скифском кургане найдена крестообразная бронзовая бляха с концами в виде свернувшихся в клубок «пантер» (табл. 1, 6)². Они выполнены в такой же манере, что и «пантеры» из Павлодарского Прииртышья. Интересно, что и здесь в контуры хищников включены фигурки козлов, лежащих с повернутыми назад головами. Такое сходство не случайно, как не случайно и похожее композиционное построение бляхи: три «пантеры» по углам.

² Граков Б. Чи мала Ольвія торговельні знанни з Поволжям і Приураллям в архаичну і класичну епохи? — «Археологія». Сб. Інститута археології АН УРСР. Київ, 1947, с. 33, рис. 5.

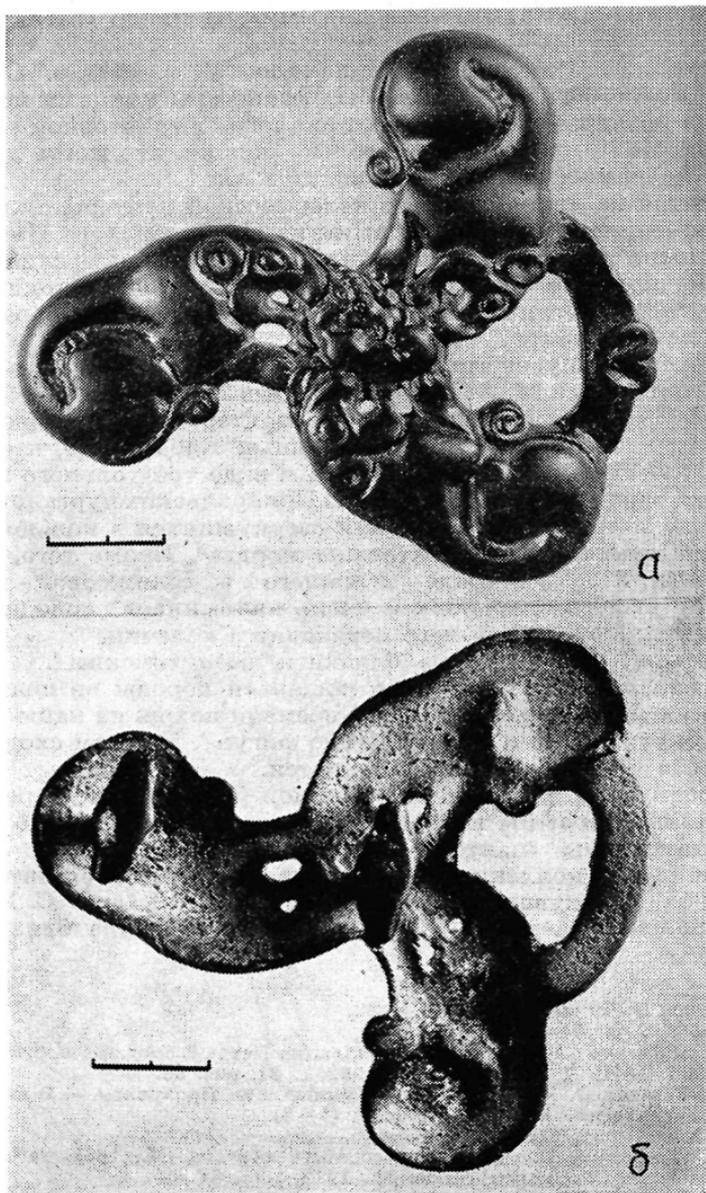

Рис. 1. Бронзовая поясная пряжка; а — аверс; б — реверс (Павлодарское Прииртышье).

и одна в центре с козлами, «вписанными» на манер «загадочной картинки».

Бляху Б. А. Граков датирует началом VI в. до н. э.³ Он считает, что такие крестообразные бляхи были занесены купцами из Ольвии⁴. «Пантеры» из Харьковщины имеют аналогии с трактовкой знаменитой пантеры из Келермеса⁵. Они настолько близки, что могут датироваться, как и келермесская, VII—VI вв. до н. э.

Несмотря на явное сходство келермесской пантеры с харьковскими изображениями и с «пантерами» из Павлодарского Прииртышья, она выполнена грубее и на ней сильнее выражены скифские черты моделировки: круглые поверхности переходят в грани, сходящиеся под прямым углом, в отличие от мягких рельефов лучших образцов «звериного» стиля Сибири.

В коллекции Музея археологии АН Казахской ССР есть каменный алтарик, найденный М. К. Кадырбаевым в Актюбинской области. Алтарик имеет три опоры в виде голов «пантер», иконография которых напоминает изображения из Прииртышья. Характерно, что на донце алтарика нанесена рельефная фигура в виде треугольного креста, повторяющая форму нашей бляхи. Из Приаральских курганов Уйгарака и Тагискена известны изображения свернувшихся в кольцо «пантер», у которых весьма схоже трактованы морды⁶. Кроме того, бляха из Тагискена (к. 31, 45) в виде лежащего в сфинксовой позе льва (табл. I, 3)⁷ своей моделировкой очень напоминает павлодарские изображения, однако лапы у него переходят в колючки.

Приаральские «пантеры» близки к чиликтинским⁸.

Ряд изображений хищников кошачьей породы из центральноказахстанских могильников сакского времени похож на наше мягкостью рельефа, округлостью и статичностью фигур⁹. На этом сходство с тасмолинскими изображениями кончается.

Но восточнее, в Западной и Южной Сибири, мы встречаем ряд мотивов с «пантерами», которые иконографически гораздо ближе, если не аналогичны «пантере» из Прииртышья.

В Сибирской коллекции к ранним вещам относится литая золотая бляха в виде свернувшегося в кольцо зверя¹⁰, которую С. И. Руденко считает поясной застежкой (табл. I, 1). Такого типа бляхи найдены

³ Граков Б. Чи мала Ольвія..., с. 32.

⁴ Там же, с. 34—35.

⁵ См.: Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I. Свод археологических источников (далее: САИ), Д 3—9. М. — Л., 1962, с. 31, рис. 33.

⁶ Вишневская Л. А., Итина М. А. Ранние саки Приаралья. — В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, рис. 7 (1—3).

⁷ Там же, рис. 8(51).

⁸ См.: Черников С. С. Загадка золотого кургана. М., 1965, табл. XV, XVII; Артамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973, илл. 38.

⁹ Там же, илл. 30а, б.

¹⁰ Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I, табл. VI, 1; Артамонов М. И. Сокровища саков, илл. 174.

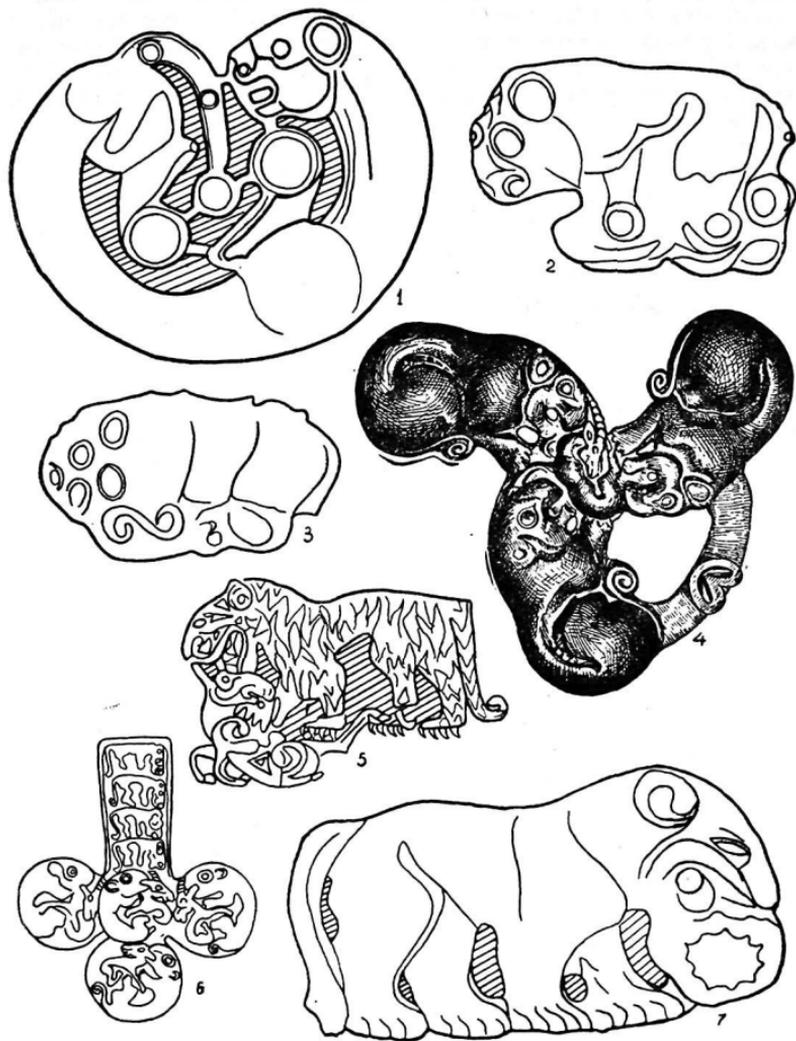

Таблица I. 1 — золотая бляха «пантера» (Сибирская коллекция Петра I); 2 — бронзовая бляха (Тува); 3 — золотая бляха «скребущая пантера» (Тагискен); 4 — бронзовая пряжка «три пантеры» (Павлодарское Прииртышье); 5 — деталь резьбы на саркофаге (Алтай, Вашадар II); 6 — крестовидная бляха (Причерноморье); 7 — бронзовая бляха (Минусинская степь).

в кургане Аржан в Туве (М. П. Грязнов) и на Алтае в Майэмире¹¹. Общая трактовка связывает их с фигурами свернувшихся зверей из Ке-лермеса, Приаралья, Чиликты и с нашими. Последним чрезвычайно близкие аналогии можно подыскать в Минусинской степи¹². Так, у бронзового изображения барса из Красноярского края¹³ с головой барана в пасти (табл. I, 7) сходная с нашими «пантерами» трактовка головы, массивного тела. Подобные черты и сюжеты в изделиях из Восточного Казахстана, Западной и Южной Сибири сохранялись длительное время, уживаясь с новыми декоративными приемами, как, например, в композициях из Ордоса¹⁴ и Башадара II¹⁵ (табл. I, 5).

Замечательно традиционное построение композиций из двух образов: «пантеры» и козла, или барана. В сцене на саркофаге-колоде из Башадара II, где тигры нападают на козлов и лосей¹⁶, последние запечатлены в позе агонии лежащими на спине с головой, обращенной к задним ногам. Несмотря на расчленение фигур завитками и изображение шерсти волнистыми линиями, статичность прототипов сохранена, к ним можно отнести и «пантер» с описываемой пряжки.

Таким образом, пряжку из Павлодарской области можно датировать VII—VI вв. до н. э.¹⁷ Аналогии с ранними образцами скифо-сибирского «звериного» стиля вообще и «звериной» орнаментикой Западной и Южной Сибири в частности свидетельствуют об общих истоках одного из мотивов искусства скифских и сакских племен.

Семантика мотива на пряжке из Прииртышья, вероятно, объясняется существованием древнего культа Солнца и огня. Форма пряжки является вариацией солярного креста или свастики, а сцена пожирания чудовищами сайгака отражает религиозную философию дуализма.

Второе изделие — застежка с изображением единоборства тигра и верблюда (рис. 2) найдена в 0,5 км от с. Тастагым в Западном Казахстане*. По сообщению автора находки, она обнаружена в захоронении человека, ориентированного головой на юг, в могиле, открывшейся при развеивании дюны. В ногах погребенного лежал костяк лошади, а рядом — изящный бронзовый трехлопастный втульчатый наконечник стрелы. Его длина 25 мм, длина выступающей части втулки 7 мм. Наконечник имел треугольную боевую головку и боковое отверстие. Неподалеку от него выявлены обломок прозрачного горного хрусталя и

¹¹ Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I, с. 127—128.

¹² Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, табл. 35, рис. 1, 3; Артамонов М. И. Сокровища саков, илл. 149, с. 111—112.

¹³ Членова Н. Л. Указ. работа, табл. 35, рис. 1, 3.

¹⁴ Артамонов М. И. Указ. работа, илл. 199.

¹⁵ Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. — Л., 1960, рис. 21.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Датировка Ф. Х. Арслановой IV—V вв. до н. э. См.: Арсланова Ф. Х. Интересная находка из Прииртышья. — «Вестник АН КазССР», 1963, № 10, с. 100—101.

* С-з им. Абая Кызылординского р-на Гурьевской обл.

кремневый листовидный наконечник стрелы. Эти вещи к погребению не относятся, они оказались в нем случайно.

Бронзовый наконечник позволяет определить возраст захоронения, а следовательно, и произведение «звериной» торевтики.

Подобный тип трехлопастных с выступающей втулкой наконечников бытовал у савроматов, у них он встречается на протяжении VI—IV вв. до н. э., но чаще в V—IV вв. до н. э.¹⁸, т. е. когда этот тип наконечников стрел широко распространяется по всему Казахстану¹⁹.

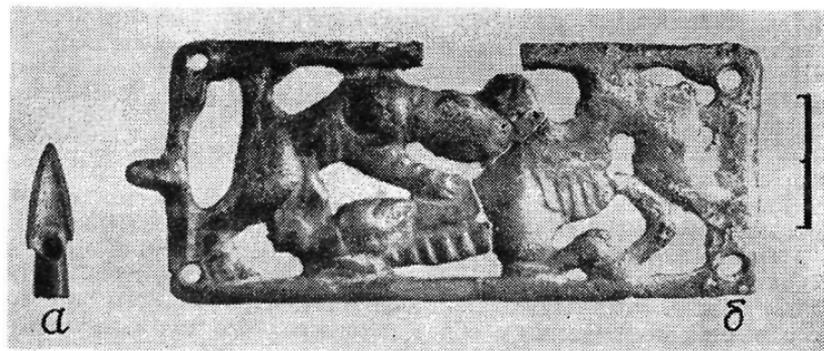

Рис. 2. а — бронзовый наконечник стрелы (пос. Тастагым Казалинского района Кызылординской области); б — бронзовая поясная застёжка (там же).

В Центральном Казахстане аналогичные наконечники, но без отверстия отмечены среди находок в Нурманбете II и Карамуруне II²⁰, а с отверстием — в Тасмоле III (V—III вв. до н. э.)²¹.

Датировка тастагымской пряжки по наконечнику стрелы нуждается в уточнении, причем на основе анализа художественно-стилистических особенностей «звериного» стиля, так как наконечник и пряжка могли оказаться вместе случайно в силу обстоятельств находки.

Пряжка литая, прямоугольной формы (84×32 мм). Композиция заключена в прямоугольную рамку, по углам которой пробиты круг-

¹⁸ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 297, рис. 5 (3г) — VI в. до н. э.; рис. 8(8а), рис. 12(9) — V в. до н. э.; рис. 22(д) — V в. до н. э.; рис. 40(4) — V—IV вв. до н. э.; рис. 42(1) — IV в. до н. э.; рис. 43(1), 44 — начало IV в. до н. э.; с. 41, 42; *его же*. Вооружение савроматов. — МИА, № 101, 1961, с. 17; Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. — САИ, Д. 1—9. М., 1963, с. 26—27, табл. 12, тип 9, 92, 93, 97 — Нижнее Поволжье; табл. 13, тип 9, 125, 128 — Южное Приуралье.

¹⁹ Акишев К. А. Саки азиатские и скифы европейские. — В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с. 48—49, табл. I.

²⁰ Кадырбаев М. К. Памятники Тасмолинской культуры. — В кн.: Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 77.

²¹ Там же, с. 352, 380, рис. 46 (16—20).

лые отверстия, на левой стороне имеется крючок-застежка. Рельеф низкий. Основной мотив — распространенная в скифо-сакское время сцена борьбы зверей, однако сюжет оригинален и редок: тигр напал на верблюда. Хищник привстал на задние лапы, навалился на жертву и, прижимая за шею верблюда лапой к земле, кусает его у основания горба. Верблюд припал к земле, подогнув переднюю ногу, и вцепился зубами в лодыжку задней лапы противника. У него два высоких горба, под животом параллельными желобками изображена шерсть, на шею такими же линиями передана подшейная гривка. Голова трактована схематично, ухо круглое с ложбинкой. Стопа передней ноги положена на тыльную сторону задней. У тигра туловище дано в профиль, морда же en face, т. е. в ракурсе. Плечо подчеркнуто серповидным желобком. Поперечными штрихами на передней лапе показана шерсть, а на брюхе — складки. Короткий хвост поднят вверх.

У обоих зверей по две задние и по одной передней лапе. В целом изображения схематичны и мало стилизованы.

Сцена скомпонована в традициях орнаментальной симметрии. По геральдическому принципу звери расположены друг против друга.

Мотивы терзания и единоборства очень распространены среди повторяющихся сюжетов скифо-сибирского «звериного» стиля. Начиная с VI в. до н. э. они получают широкую популярность. Тем не менее своеобразная композиция и образ такого редкого для «звериной» орнаментаки животного, как верблюд, выделяет сюжет из обычных.

Точная аналогия нашей пряжки найдена в р-не Бухары. По мнению О. В. Обельченко, она принадлежала юзжам²². Почти тождественная пряжка обнаружена в одном из захоронений могильника Карамурун II, датированном III в. до н. э. (табл. II, 1). Она еще более схематична: детали полностью отсутствуют, что подтверждает верность датировки М. К. Кадырбаева²³.

Из савроматского кургана Южного Приуралья происходит условно трактованная бляха с аналогичным сюжетом декора²⁴. Верблюд схватил тигра за заднюю лапу, тогда как хищник, прижимая за шею жертву книзу, словно стремясь сломать ее, вцепился в нее у основания горба.

При сходной компоновке иной сюжет составляют грызущиеся верблюды-самцы на трех идентичных бляхах-пряжках конской сбруи из Пятимар I (табл. II, 2)²⁵. С тастагымским схожа и поза верблюда, кусающего соперника за ногу, и передача шерсти под шеей. Но у верблюдов из Пятимар, как и у тастагымского, перед мордой загнут хохолок. Как любезно сообщил нам М. К. Кадырбаев, сюжеты борьбы

²² Обельченко О. В. Лявандакская пряжка. — «Общественные науки в Узбекистане». Вып. 8. Ташкент, 1968.

²³ Кадырбаев М. К. Памятники Тасмолинской культуры, с. 399—340, рис. 64.

²⁴ Грязнов М. П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. — КСИИ, вып. 61, 1959, с. 14; Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 238, рис. 80(19).

²⁵ Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья, табл. 21(6).

Таблица II. 1 — бронзовая застёжка (Центральный Казахстан, Карамурун); 2 — бляшка «дерущиеся верблюды» (Приуралье); 3 — золотая бляшка (Сибирская коллекция Петра I); 4 — золотая бляшка (Ордос); 5 — бронзовая застёжка (пос. Тастагым).

пары верблюдов и верблюда с хищниками, относящиеся к периоду поздней бронзы и раннесакскому времени, представлены на петроглифах Каратау (Арпаузен, Койбагар, Бес-Арык).

Стилистически близкие к нашему изображения верблюдов известны на изделиях из Минусинской котловины²⁶ и из Ордоса²⁷ (табл. II, 4).

²⁶ Теплоухов С. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. — «Материалы этнографии». Т. IV, вып. 2. Л., 1929, с. 53, табл. 1, 101; Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, с. 286, табл. 36(4) — сильно стилизованное в местных традициях изображение верблюда с всадником.

²⁷ Аргамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973, рис. 201.

В торовитке из Сибирской коллекции известны сцены борьбы верблюда с тигром, скомпонованные аналогично (табл. II, 3)²⁸. В их трактовке проявляется башадарская манера изображения, когда шерсть зверя, чаще хищного, чем травоядного, передана графически²⁹. У верблюда графически изображена только подшейная гривка. Верблюды с изделий из Сибирской коллекции стоят, из их горбов «вырастают» ветви схематизированных деревьев с листьями. Тигры размером превосходят свою жертву, в этом также состоит отличие сибирских украшений от тастагымской пряжки, на которой пропорции зверей больше соблюдены. Трилистники над горбом верблюда напоминают прием трактовки полиморфных изображений из Сибири и Казахстана: гирлянды грифоновых головок над спинами зверей. Примером может быть браслет из Дуздака (Казалинский р-н, Кызыл-Ординская обл.)³⁰. Его концы оформлены в виде фигурок волков с рядом грифоновых головок вдоль спины. Аналогии дуздакскому волку в Сибирской коллекции многочисленны³¹. Несмотря на то, что на ее предметах представлены несколько иные мотивы: борьба фантастического зверя — «волкового грифона» — с тигром или барсом, композиционное построение обнаруживает сходство с тастагымским, а моделировка грифонов — с дуздакским изображениями³². Так, один из хищников давит лапой шею другого, впиваясь клыками в место перед холкой, а другой грызет его лапу. Противопоставление зверей в композиции, как и на тастагымской пряжке, подчеркивает, что происходит единоборство. Напротив, ряд композиций на изделиях из Сибирской коллекции со сценами нападения тигра или барсового грифона на лошадь³³ изображает терзание: жертва лишена движения, безжизненна. Но и здесь звери противостоят друг другу.

У скифов изображения верблюдов до II в. до н. э. неизвестны³⁴.

В сако-савроматское время верблюд в Казахстане был обычным животным. Е. Е. Кузьмина, используя данные археологии, палеозоологии и языкознания, убедительно доказала доместикацию двугорбых верблюдов в европейских степях³⁵. Во второй половине II тыс. до н. э. их ареал охватывал Казахстан и Сибирь, что подтверждают находки

²⁸ Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I. САИ. Д. 3—9. М. — Л., 1962, табл. V, 1—3 и с. 28, 35 (датирует IV—III вв. до н. э.).

²⁹ Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. — Л., 1960, табл. XXVI—XXXI.

³⁰ Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. — Л., 1953, с. 309, рис. 177.

³¹ Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I, табл. VI, 3—5.

³² Много подобных черт с хуннскими художественными вещами. Ордоса, испытавшего влияние искусства Западной Сибири и Алтая. См.: Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М. — Л., 1962, рис. 54, рис. 55, д.

³³ Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I, табл. VIII, 5—8.

³⁴ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 238.

³⁵ Кузьмина Е. Е. Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской области и проблема доместикации бактрианов. — СА, 1963, 2, с. 38—46.

костных останков на андроновских и карасукских поселениях³⁶. В IV—III вв. до н. э. кочевники привели бактрианов в Китай³⁷. Именно этим временем датируется большинство изображений верблюдов в сибирском «зверином» стиле. Следовательно, сюжет имеет глубокие корни и его изображение в искусстве племен, живших на огромном пространстве евразийских степей, говорит о понятности образа.

Вероятное время тастагымской пряжки — рубеж IV—III вв. до н. э. Она принадлежит к кругу савроматских памятников, но стилистически ближе к искусству савроматов Южного Приуралья, а не Поволжья, где при слабой местной основе³⁸ сильнее проявляются черты искусства скифов³⁹.

М. И. Артамонов специфику савроматского «звериного» стиля объяснил расположением савроматов между областью расселения скифов и племен Западной Сибири и потому обоюдосторонним заимствованием⁴⁰. Искусство савроматов отнюдь не было эклектичным, состоящим из чужеродных элементов: заимствованное творчески перерабатывалось и дополнялось местными сюжетами, но оформленными с помощью иконографических приемов искусства племен Западной и Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии.

Мы уже говорили об особенностях трактовки и сюжета тастагымской пряжки, имеющей параллели в «зверином» стиле, племен Южного Приуралья и Центрального Казахстана (тасмолинская культура), а затем Западной Сибири, Алтая, Семиречья, Южного Казахстана и Ордоса. Сюжет борьбы тигра с верблюдом, вероятно, не савроматский. Он — следствие распространения в Западной и Южной Сибири и в Семиречье мотивов «терзания» и единоборства, получивших расцвет в «алтайском» искусстве, содержащим отголоски переднеазиатского мастерства.

Почему во всех описанных сценах верблюд сопротивляется хищнику? Видимо, такое сюжетное решение имело свой смысл, но выявить его пока не удалось. Интересно, что в Авесте, по мнению ряда исследователей⁴¹, включающей элементы сакральных идей, образов пантеона, ритуалов и т. п. племен Ирана, Средней Азии и Казахстана, верблюду-бактриану соответствуют такие эпитеты, как «сильнейший», «злой», «обладающий наибольшей мощью среди всех самцов те-

³⁶ Там же, с. 40—41.

³⁷ Там же, с. 41.

³⁸ Максимов Е. К. О хронологии савроматских памятников Нижнего Приуралья. — «Труды Саратовского областного музея краеведения». Т. III. Саратов, 1960, с. 117.

³⁹ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 242—243.

⁴⁰ Артамонов М. И. Скифо-сибирское искусство «звериного» стиля. — В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 33.

⁴¹ Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963, с. 257; Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, с. 63—64, 187—188; Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. М., 1970, с. 293; Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, с. 151, и др.

лесного мира»⁴². Не случайно в имя пророка Заратуштры входит термин йстра — «верблюд»⁴³. Верблюд был воплощением солнечного бога победы Веретрагны⁴⁴.

Бактриан — действительно могучее и агрессивное животное, что вместе с подобной или близкой семантикой образа могло привести к особому сюжетному построению. Что касается сцен борьбы двух верблюдов, то они отражают весенние сражения самцов и, следовательно, восходят к культуре плодородия, к хтоническим идеям.

Как неумением мастера, так и местной переработкой и схематизацией тастагымского изображения, воспринятого из Сибири, можно объяснить почти полное отсутствие характерной для алтайско-семиреченского стилистического направления стилизации, когда мастер особо выделяет видовые признаки зверя, нередко преувеличивая их, и весьма орнаментально строит фигуры как в отношении формы, так и «внутренней» моделировки. На тастагымской пряжке контуры обобщены, но это не лаконизм, а скорее деградация, вызванная повторением мотива. Отсюда массивность изделия, «увеличение» тяжами, соединяющими фигуры зверей с рамкой. Они огрубляют изображения, и потому малая рельефность не восполняется выразительностью контуров. Графическая подработка и на тастагымской и в еще большей степени на карамурунской пряжках похожа на неумелое подражание лучшим образцам. На карамурунской пряжке схематизация доведена до предела, изображение стало силуэтным. Более ранние бляхи из Лявандака, Тастагыма и Пятимар I моделированы тщательнее.

В Евразии скифо-сибирский «звериный» стиль переродился в основном тремя путями, которые в орнаментике конкретных этносов переплетались и взаимодействовали. Во-первых, под влиянием внешнеполитических факторов отказывались от образов зверей, причем изменялась их семантика; во-вторых, орнаментальная стилизация, доведенная до предела (фигуры превращались в узор), сделала декоративные элементы самостоятельными, вещи все чаще стали украшать ажурными и геометрическими узорами. Такое развитие особо характерно для прикладного искусства Южной Сибири, Семиречья, Средней Азии, а также для торевтики хуннов. В-третьих, форма окончательно схематизируется.

В последние века до нашей эры повсеместно распространяется гунно-сарматский полихромный, инкрустационный стиль, ажурные, растительные, геометрические и прочие беспредметные орнаменты. Семантика звериных образов объединяется и переосмысливается. Раньше оформление вещи было искусством, несущим эмоциональный, эстетический и смысловой заряд, теперь оно стало искусством ювелирной техники.

⁴² Бертельс Е. А. Орывки из Авесты. — В кн.: Восток. Кн. 4. М. — Л., 1924.

⁴³ Кузьмина Е. Е. Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской области..., с. 43.

⁴⁴ Бертельс Е. А. Новые данные по изучению Авесты. — «Ученые записки ИВ АН СССР», Т. III. М., 1951, с. 269.

Вырождение «звериного» стиля из искусства в обычный декор и связанная с ним схематизация изображения наложили отпечаток и на моделировку тастагымской пряжки.

Тастагымская пряжка имеет прямоугольную рамку. В Сибири (Минусинская котловина) прямоугольные ажурные пряжки бытовали в тагаро-таштыкский переходный этап — последние века I тыс. до н. э.⁴⁵ Они перекликаются с ордосскими бляхами хуннов⁴⁶, для искусства которых изображение в рамке было одним из эталонов «звериного» стиля. Рамки представлены и на вещах из Алтая⁴⁷, Семиречья⁴⁸ и из Сибирской коллекции⁴⁹. Причем композиции VI—IV вв. до н. э. в них вписаны более умело, чем поздние.

В период расцвета скифо-сибирского «звериного» стиля — VI—IV вв. до н. э. — в его ранних произведениях и в лучших реминисценциях одним из главных признаков является компактное композиционное построение. Так, излюбленный композиционный принцип искусства Пазырыка, Иссыка, многих художественных вещей из Сибирской коллекции, а также торевтики ахеменидского Ирана — это построение фигуры, при котором она получает S-образную ось и вписывается в овал. Аналогично заполняются вещи четырехугольной и круглой формы (в последнем случае зверь часто «закручивается» в клубок или кольцо). В более сложных композициях, например, как в иссыкской, — барс и скальный пейзаж⁵⁰, — фигуры заключены в треугольник. Перечисленные формы удобны для глаза и использования, а это важно, если учесть утилитарное назначение орнаментированных вещей. Чаще фигуры вносились в условные рамки, но не специальные, как у тастагымской пряжки или в хуннском искусстве. Опять-таки это свидетельство того, что в ранних изделиях доминировал образ, его изображение как своеобразное художественное произведение с его семантикой, и только потом — вещь, предназначенная для удовлетворения практических потребностей.

Нам кажется, что рамка — это признак более позднего происхождения, особенно когда она становится определяющей.

Сопоставление стиля исполнения тастагымской пряжки со стилем близких ей памятников Сибири, Семиречья, Южного и Центрального Казахстана, говорит о связи с мотивами искусства этих районов и об особенностях их «звериной» орнаментики.

⁴⁵ Давлет М. А. О происхождении минусинских поясных прямоугольных ажурных пряжек. — Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. М., 1972, с. 50.

⁴⁶ Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М. — Л., 1962, рис. 54—57; табл. VIII, 5, 6 (сцена нападения тигра на лошадь); табл. II, 9 и др.

⁴⁷ Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. — Л., 1953, табл. XXVIII, 1, 2; табл. XLVIII, 1; табл. LIX, 8, 9 и др.

⁴⁸ Акишев К. А. Курган «Иссык». — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 68—69.

⁴⁹ Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I. САИ. Д. 3—9. М.—Л., 1962, с. 34, табл. VII, рис. 2 и др. (V—III вв. до н. э.).

⁵⁰ См.: Акишев К. А. Курган «Иссык», рис. 8.

КУРГАН РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА У СЕЛА КЕНЕС

М. К. Хабдулина

Северо-Казахстанская археологическая экспедиция в 1974 г. приступила к исследованию могильника у с. Кенес, состоящего из пяти курганов. Памятник расположен на левом берегу р. Ишим, в 170 км южнее г. Петропавловска. В полевом сезоне 1974 г. вскрыто два кургана: один — эпохи бронзы, другой — раннего железного века. Курган 1 имел овальную в плане насыпь, вытянутую по линии СЮ, диаметром 48—54 м, высотой 2 м. Работы велись траншеями шириной 6 м с оставлением бровок. В раскоп площадью 2800 кв. м вошла вся территория памятника и примыкающие к нему конструкции. Поверхность насыпи облицована крупными глыбами белого и розового мрамора. До настоящего времени население окрестных деревень добывает из той «сопки» камень для хозяйственных нужд. Особенно большие (весом до 60 кг) камни лежали у основания насыпи, они образовали мощное кольцо, позволяющее судить о первоначальном размере сооружения. Под каменным покрытием по всей площади насыпи прослежен слой чистой глины толщиной 30—50 см. Ниже идет чернозем, чередующийся с прослойками хво-

роста, бересты и каких-то других органических остатков. Количество прослоек различное: на периферийных участках насыпи — 3—4, в центральной — до 16. Прогибы прослоек свидетельствуют о том, что насыпь осела и в древности имела какие-то полые конструкции.

Под насыпью на уровне древней поверхности расчищено многоугольное в плане деревянное сооружение площадью около 530 кв. м. На периферийных участках кургана конструкция выложена из мелких бревен, бересты, хвороста и проследить ее в деталях не удалось. В центральной части зафиксирована выкладка из березовых бревен диаметром 30—40 см. Нижний слой ее образует вокруг ямы вписанные многоугольники с промежутком через 40—60 см. На них настлан ряд бревен, которые уложены радиально к центру кургана. На радиальной выкладке прослеживается еще несколько бревенчатых многоугольников, повторяющих конструкции нижнего слоя. Поскольку часть бревен лежит на выкиде, то, вероятно, настил сделан после подготовки могильной ямы. Возможно, деревянное сооружение имело над погребальной камерой шатровую форму, от опорных конструкций которой осталось несколько столбовых ямок.

Могила глубиной 1,3 м расположена в центре подкурганной площадки и ориентирована длинными сторонами ЗСЗ—ВЮВ. О первоначальных размерах ее судить трудно, так как она нарушена вертикальным грабительским колодцем. Хорошо сохранился участок дромоса длиной 5,5 м, который наклонно поднимался из могильной ямы до уровня древней поверхности. Насколько можно судить по размерам дромоса, он выходил за пределы кургана у восточной подошвы насыпи. Стенки подземной части коридора обложены вертикальными плахами, от наземной конструкции дромоса остатков нет. Курганную насыпь опоясывал ров диаметром 54—58 м, шириной от 1 до 2 м, глубиной 1,3 м. По размерам рва можно предположить, что он выкопан для закрепления сплошной стены бревен, вершины которых наклонены к насыпи.

Могильная яма полностью ограблена. В ней обнаружены лишь разрозненные кости человека. На древней поверхности у края погребения найдено два фрагмента керамики и каменный жертвенник в виде овального блюда на четырех круглых в сечении ножках. Имеется только одна ножка, остальные три отбиты еще в древности. С внутренней стороны жертвенник имел слабо выраженные бортики, а на внешней стороне дна — яйцевидное углубление (6,5×4,5 см). Размер жертвенника 14×11 см, высота 3,5—4 см. Несмотря на массивность, он выглядит изящным. Это — не единственная находка из курганов раннего железного века Северного Казахстана. Жертвенник без ножек, но с яйцевидным углублением на внешней стороне дна известен из кургана 5 Покровского могильника¹. Жертвенники на четырех ножках, подобные кенесскому, по материалам савроматских курганов датиро-

¹ Зданович Г. Б. Покровский могильник на реке Ишим. — В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 76, табл. III.

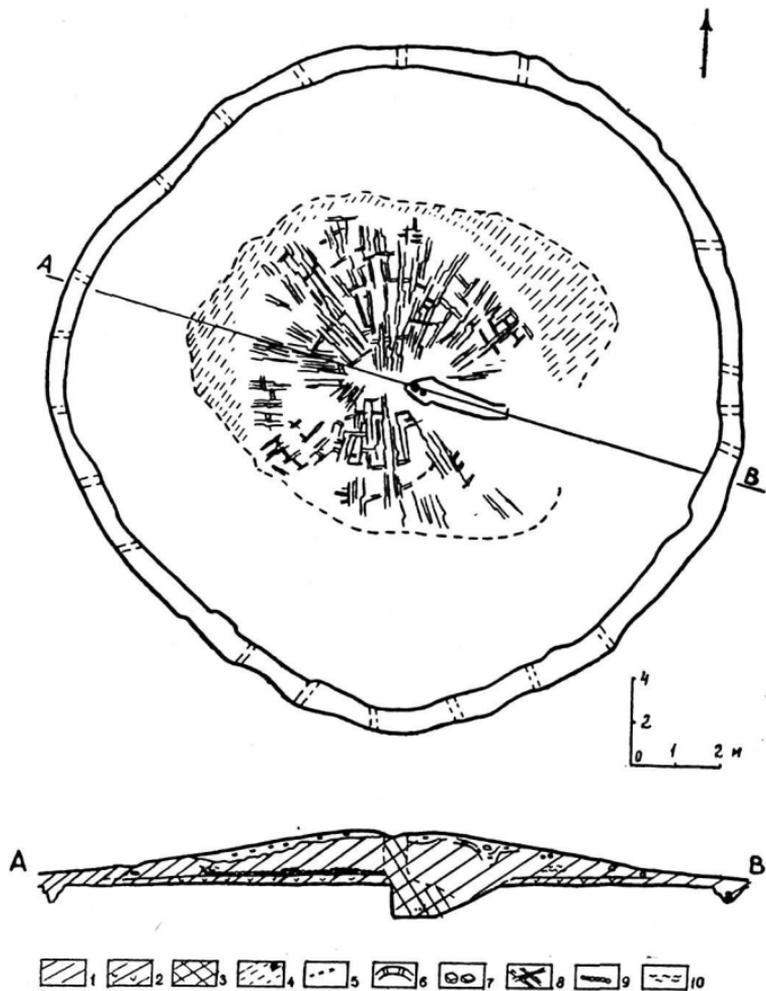

Рис. 1. Погребальное сооружение. План, северный профиль и разрез могильной ямы. Условные обозначения: 1 — черноземный слой; 2 — погребенная почва; 3 — грабительский колодец; 4 — береста и органические остатки; 5 — глина; 6 — разрез рва; 7 — камни; 8 — бревна перекрытия; 9 — дерево в профиле; 10 — граница прослоек в профиле.

ются К. Ф. Смирновым² — V в. до н. э. В Центральном и Южном Казахстане аналогичные жертвенники дал курган 3 могильника Дандыбай³ и курган 47 могильника Уйгарак. Последнее погребение по сопровождающему инвентарю датируется VI в. до н. э.⁴

Своеобразные надмогильные сооружения шатровой конструкции, выложенные из дерева, зафиксированы в скифо-сарматских памятниках Дона, Приуралья и Западной Сибири. Нередко подобные постройки сопровождаются дромосом.

На Среднем Дону деревянные конструкции на столбовых каркасах отмечены в ряде могильников: Частые курганы, Русская Тростянка, Мастюгино. В кургане 29/21 могильника у с. Мастюгино бревенчатое сооружение, судя по публикации, близко к шатровому типу⁵. Диаметр выкладки на древнем горизонте не превышал 4 м, основная часть бревен уложена радиально к центру могильной ямы. Нижние концы настила упирались в вал, сложенный из выкида в виде разомкнутого кольца. Сам «шатер» держался на мощном столбовом каркасе (17 столбов). По богатому вещевому комплексу курган датирован автором V в. до н. э.⁶

Шатровая погребальная постройка вскрыта также в скифском могильнике у с. Дуровка, курган 9. Дерево занимало значительную часть подкурганной площадки. Длина плах достигала 2,5—5 м. Бревна лучами сходились к центру кургана. Все сооружение опиралось на центральный столб, от которого на дне могилы сохранилась ямка диаметром 0,4 м, глубиной 0,7 м. Большую часть инвентаря, обнаруженного в погребении 9, составляют вещи, часто встречающиеся при раскопках в среднедонских курганах. По собранным железным мечам памятник датируется IV—III вв. до н. э.⁷

В раннепрохоровских памятниках Южного Приуралья открыто четыре погребения с деревянными конструкциями и дромосом (длина дромоса до 6 м)⁸. Наиболее ярким по конструкции сооружением является погребальная постройка в кургане 20 могильника Новый Кумак у г. Орска. Широкая могильная яма имеет с южной стороны наклонный выход и типичное шатровое перекрытие. Направление бревен (длина 2—4 м, диаметр 20 см) зафиксировано только в двух первых слоях. Наверху плахи и бревна уложены вокруг ямы. Под ними находится сплошной радиальный настил из дерева. На дне ямы и на ее широких уступах обнаружены ямки от столбовых конструкций, под-

² Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 163.

³ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 322.

⁴ Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. (по материалам Уйгарака). М., 1973, с. 86.

⁵ Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. — В кн.: Свод археологических источников. Д. 1—31. М., 1965, табл. 1.

⁶ Там же, с. 28.

⁷ Пузикова А. И. Раскопки могильника скифского времени у с. Дуровка в 1965 г. — МИА, № 151, 1969, с. 83.

⁸ Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974, с. 18.

держивавших «шатер». По погребальному обряду, предметам культа, оружию данное погребение датируется IV—III вв. до н. э.⁹

На территории Западной Сибири могильные ямы с шатровыми перекрытиями исследованы в конце XIX в. в Исаковском кургане и в

Тюменском могильнике I, а в 60-е годы XX в. — в Царевом кургане и Шмаковском могильнике (курганы 5, 6) на р. Тобол¹⁰. На дневной поверхности Царева кургана дерево перекрытия занимало окружность диаметром 34 м. Сооружение состояло из нескольких рядов бревен, уложенных радиально к центру могильной ямы. К. В. Сальников отмечает, что над могилой, по-видимому, стоял «шалаш» высотой 3 м¹¹.

В Шмаковском могильнике (курган 5, 6) бревенчатый настил в виде многоугольника диаметром 16 м был выложен вокруг могильной ямы, на глиняном выкиде. Остатки настила сохранились почти на всей площади. Нижний слой сооружения образовали короткие толстые березовые бревна, расположенные в 0,5 м друг от друга. Поверх бревенчатого многоугольника радиально к центру кургана уложены тонкие березовые бревна и мощный слой березового хвороста. Шатровое сооружение опиралось

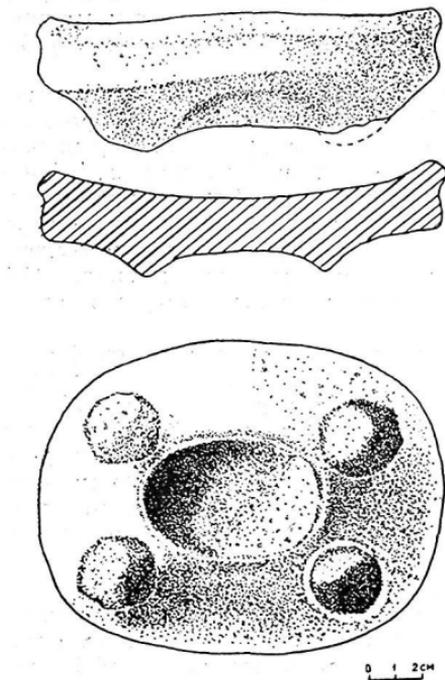

Рис. 2. Каменный жертвенник.

на столбы, ямки от которых сохранились в углах могильной ямы. Датировка захоронений типа Шмаковского могильника в Западной Сибири не вызывает особых затруднений. Она определяется по наконечникам стрел, некоторым типам украшений, которые укладываются в хронологические рамки IV—III вв. до н. э.¹²

⁹ Мошкова М. Г. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска. — МИА, № 153, 1972, с. 30.

¹⁰ Стоянов В. Е. О могильниках Зауральско-Западносибирской лесостепи (ранний железный век). — «Вестник археологии Урала», 1973, № 12, с. 48.

¹¹ Сальников К. В. Царев курган на реке Тобол. — «Вестник археологии Урала», 1962, № 2, с. 38—41.

¹² Генинг В. Ф. Отчет об археологических исследованиях в Курганской области в 1962 г. Архив Института археологии АН СССР, д. 2480, л. 7.

Кенесский курган по своим архитектурным особенностям тяготеет к памятникам Западной Сибири, с ними его объединяют большой размер погребальных сооружений и кольцевой ров вокруг насыпи. Шатровая конструкция кургана у с. Кенес во многих деталях совпадает с сооружениями 5 и 6 курганов Шмаковского могильника. Прежде всего следует отметить трехслойность деревянных построек. В обоих случаях форму перекрытия определяет средний радиальный ряд бревен, два внешних обеспечивают устойчивость. Одной из характерных черт курганов раннего железного века Северного Казахстана и Западной Сибири является кольцевой ров глубиной от 1 до 1,6 м. На территории Северного Казахстана погребальные памятники с кольцевым рвом вскрыты в могильнике у с. Явленка¹³ и в Покровском¹⁴. Отличительным признаком Кенесского кургана считается наличие входа в погребальную камеру, что имеет аналогии в западных памятниках скифо-сарматского мира (Новый Кумаг, курган 20). На данном этапе исследований описываемый курган — самое восточное сооружение с дромосом.

Основным материалом для датировки кургана у с. Кенес служат погребальные комплексы Шмаковского могильника, которые, как указывалось, датируются IV—III вв. до н. э. Несколько не соответствует этому периоду каменный жертвенник. Жертвенники подобного типа (I гр., III тип по классификации К. Ф. Смирнова) из савроматских памятников относят к V в. до н. э. Еще к более раннему времени — к IV в. до н. э. — принадлежит жертвенник из сакского погребения 47 могильника Уйгарак. Однако памятники Северного Казахстана еще недостаточно изучены и вносить коррективы в датировку на основе единичной находки пока не целесообразно.

Большие курганы с земляными насыпями распространены в Северном Казахстане в лесостепной зоне. В настоящее время Северо-Казахстанской археологической экспедицией изучен в Среднем Приишимье ряд поселений раннего железного века — Борки I, II, Карлуга. Вероятно, территориально и хронологически местные памятники — большие курганы и поселения — совпадают и оставлены одним населением. Дальнейшее исследование курганов позволит более детально увязать их с различными поселенческими комплексами и выявить своеобразие материальной культуры оседлых племен лесостепей Среднего Приишимья.

¹³ Зданович Г. Б. Могильник Явленка I. Отчет. — В кн.: Археологические исследования на территории Северо-Казахстанской области в 1968 году. Т. II. Петропавловск, 1969, с. 50—56.

¹⁴ Зданович Г. Б. Покровский могильник на реке Ишим. — В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 69—79.

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ НЕОЛИТА В ДЖЕЗКАЗГАНЕ

А. Х. Маргулан

Несколько лет назад в черте рудника Джезказгана были обследованы многочисленные стоянки с яркой микролитической культурой, характерной для степного неолита. В комплексе стоянок изучены весьма интересные захоронения людей того времени. Погребения представлены каменными курганами.

Одна группа погребений состояла из трех курганов (13, 20, 103) и располагалась на высокой террасе горы Шом, в районе рудного отвода Петрохолм, на площади неолитических стоянок Джезказган V (стоянки 64 и 73). Другая небольшая группа таких же каменных насыпей зафиксирована в северо-западной и северо-восточной части рудного участка Покро (стоянки 13 и 20а), еще две группы древнейших погребений обнаружены в северной и южной частях рудного участка Кресто (стоянки 20 и 36), а также в юго-западной части рудного отвода Анненского (стоянки 96, 111 и 135) и в урочище Милыкудук, возле стоянок 67 и 95. Подобные небольшие насыпи обследованы в районе кварцевой горы возле стоянки 139 и на сопках южнее железнодорожного моста возле стоянок 37 и 88 (рис. 1).

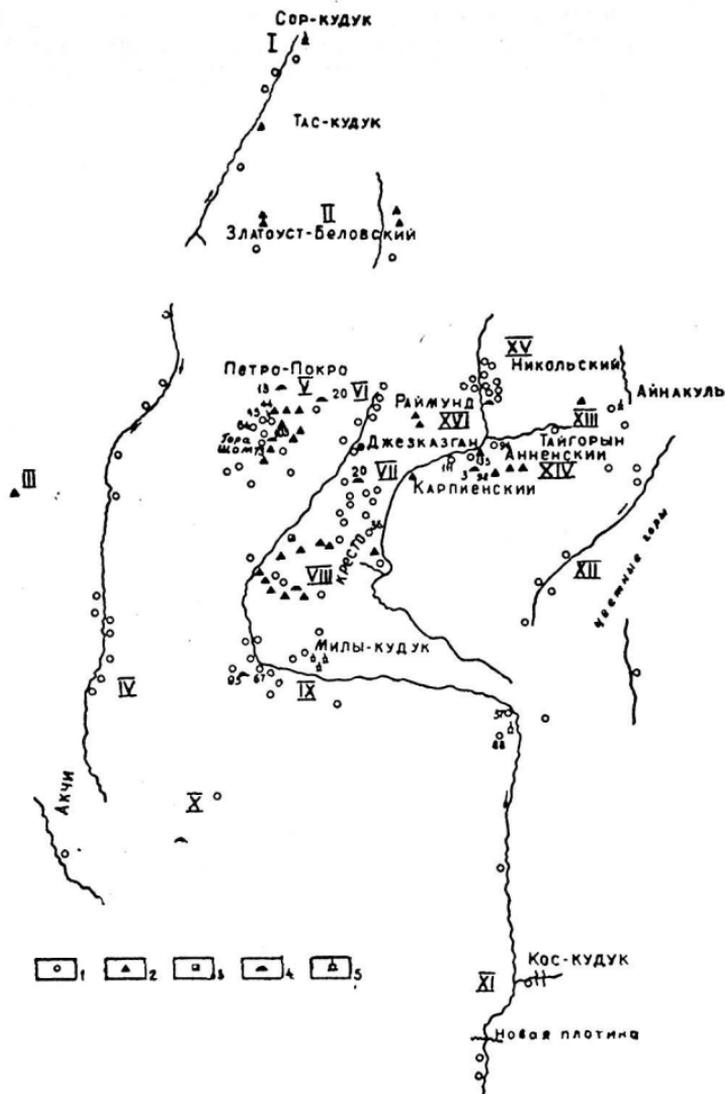

Рис. 1. Схема распространения памятников эпохи неолита в районе ДЖЕЗКАЗГАНА:
 1 — древние стоянки; 2 — места добычи медной руды; 3 — древние каменоломни;
 4 — курганы неолитической эпохи; 5 — древние центры плавки медной руды.

В 1946 г. были начаты открытые горные работы на горе Шом, в процессе которых экскаватором были задеты края курганов 13 и 20. В связи с этим решили обследовать курганы этой группы (13, 20, 103). Первый по описанию в статье (103) и третий (20) курганы исследованы Н. Н. Валукинским, второй (13) — Центрально-Казахстанской экспедицией, руководимой автором этих строк, при участии археологов Г. И. Пацевича, Н. В. Валукинского, художника Ш. Кутходжина.

Курган 1 (на общем плане 103) расположен между стоянками 64 и 73 диаметром около 6 м, высотой 0,6 м с каменной наброской. Он сложен из сланцевых плит методом ступенчатой кладки камней. После снятия насыпи в центре выявлена площадка с могильной ямой, огороженной узкими сланцевыми плитами (высота 1,22 м, ширина 0,5—0,7 м, толщина 4 см), поставленными на ребро. Скромный вид кургана не привлекал внимания кладочискателей и потому он сохранился хорошо. По плану ограда имеет вид продолговатого сооружения размером 2,6×0,85 м с четырьмя тупыми углами.

Могильная яма необычного типа длиной 2,2 м, шириной 0,55 м, глубиной не более 15 см. Своей корытообразной формой она напоминала продолговатый домашний очаг того времени. Яма выдолблена в щебенистом грунте каким-то примитивным орудием, образцы которого найдены в кургане 3. Она перекрыта тонкими сланцевыми плитами, положенными в несколько рядов, наиболее широкие плиты находятся в головной части и в ногах. В яме, огороженной вертикальными плитами, лежал ислевший костяк человека. Сравнительно лучше сохранились кости стопы в восточном конце ямы, а также кисти рук около пятна черепа. По положению конечностей и силуэту скелета нетрудно установить, что он ориентирован головой на запад и вытянут на спине с запада на восток. В западной половине ямы у изголовья кучей лежали куски окисленной медной руды. Из-за присутствия медной руды кости и вся трухлявая масса сильно пропитаны медной окисью. В насыпи кургана и вокруг него обнаружены такие же кремневые орудия, какие найдены в культурном слое стоянок Джезказган V (рис. 4). Другого сопровождающего инвентаря не было. Это свидетельствует об одновременности сооружения курганов 13, 20 и 103 со стоянками Джезказган V и, несомненно, о том, что в кургане 103 погребен один из обитателей стоянки 64 или 73.

Курган 2 (на общем плане 13) расположен севернее первого и по размеру и внешней форме аналогичен ему. Он сложен из сланцевых плит, выходы которых находятся в 50—100 м. Эти плиты содержали примесь медной руды. Каменный покров кургана с боков слабо потревожен геологами. В результате диаметр кургана увеличился до 13 м, высота его 0,8 м. В центре выявлено плиточное ограждение, заключавшее погребальную яму. Ограждение имело продолговатую форму с прямыми углами. Большинство вертикальных плит лежало, в первоначальном положении были только головные плиты. Размер могильной ограды: длина 2,5 м, ширина 0,7 м, глубина около 20 см. Яма не имела четкого перекрытия, как другие курганы, она заполнена

тонкими плитами, положенными в определенном порядке. В яме обнаружен раздавленный костяк, очень плохой сохранности. Лишь по уцелевшим фрагментам можно установить, что в яме находились останки человека очень крупного роста, ориентированного головой на запад. В ногах выявлены куски окисленной медной руды, все кости пропитаны медной окисью. Других предметов материального производства не обнаружено.

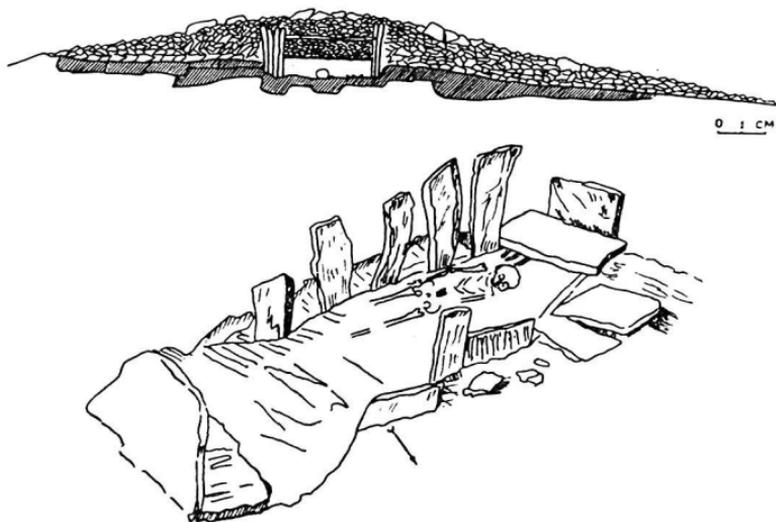

Рис. 2. Разрез кургана 3 и план погребения в нем.

Курган 3. Особо важные результаты получены при раскопках этого кургана, проведенных в 1948 г. Он расположен в юго-восточной части Джекказгана (Джекказган XIV), вблизи стоянок 96, 111 и 135, на высокой террасе. Его диаметр 12 м, высота 0,8 м. Он сложен из крупных и средних обломков песчаных плит, уложенных в определенном порядке, близком к простейшей форме ступенчатой кладки (рис. 2). Снят общий вид кургана, его план и сделан разрез. Внутри курган хорошо сохранился, что позволило зафиксировать форму сооружения и определить площадь между ним и могилой, огороженной тонкими сланцевыми плитами, вертикально врытыми в землю. Большинство плит стояло в первоначальном положении и лишь часть лежала. Ограда представляет собой простейшее сооружение, в плане не имеющее определенного геометрического очертания, с покосившимися боковы-

ми стенками. Она ориентирована продольной осью СЗ—ЮВ. Длина ее 2,8 м, ширина в западной половине 1,64 м, восточной — 0,9 м. Западная половина близка к округлой конфигурации, тогда как восточная напоминает входной коридор в круглое помещение. Несомненно, форма данного погребального сооружения воспроизводит форму жилища неолитических племен Центрального Казахстана, состоявшего из круглого помещения и удлиненного коридора с угловыми завершениями.

В центре ограды выявлена корытообразная яма глубиной лишь 0,25 м, длиной 1,8 м, шириной 0,56 м. Яма перекрыта тонкими плитами, края которых опирались на боковые подставные плиты. На дне ямы обнаружены истлевшие остатки человеческого скелета. В первоначальном виде сохранились кисти рук и кости ног. Погребенный лежал вытянуто на спине с перевесом на левый бок, головой на северо-запад (в дневнике Н. В. Валукинского написано «на север»), руки слегка согнуты в локтях, кисти обращены к западу и чуть выходят за черту головы. Своеобразен обряд. Тело покойника засыпано тонким слоем (2—3 см) земли, снятой сверху почвы при рытье погребальной камеры. Против головы, в юго-западном углу ограды, выше края ямы, обнаружены три каменные орудия разной формы (рис. 3, 1—3). Четвертое орудие (рис. 3, 4), несколько меньшего размера, найдено в черноземном слое над погребенным, пятое (рис. 3, 5) — в насыпи на вершине кургана. Орудия разнообразны. Одно из них мотыговидное с выемкой посередине для привязывания к деревянной рукояти (рис. 3, 2), два в виде четырехгранного лома с лезвием долота (рис. 5, 1), еще два типа кирки с заостренными концами (рис. 5, 3, 4). Они рассчитаны на деревянные рукояти.

Интересно использование в ритуале почвенного слоя земли. Вероятно, это первое проявление культа анимизма — одухотворение живой природы. Согласно верованию, земля была вытянута из почвенного слоя, собрана и положена в могильную яму вместе с инструментом, которым ее копали. Возможно, три орудия, обнаруженные у изголовья, были личными вещами покойника, а встреченные в насыпи принадлежали родственникам, принесшим их в жертву покойнику. Вполне вероятно, что тогда еще существовало поверье, которое запрещало брать домой инструменты, употребленные для рытья могилы.

Орудия, найденные в кургане 3, не единственные в своем роде, точно такие же орудия (кайлы, кирки) встречены в древних стоянках Джекказгана. Кроме каменных орудий, другого инвентаря не обнаружено.

Собранные орудия каменные и довольно мощные, с заостренными рабочими концами. В эпоху неолита и позднее они были основными орудиями, которые применялись при землеройных работах.

Орудия, найденные в погребениях и на стоянках Джекказгана, тождественны. Это дает основание заключить, что стоянки и погребения одновременны. Курган 3 территориально и генетически связан с

ближайшими стоянками 96, 111 и 135, вместе с ними он составляет единый комплекс с ярко выраженной культурой позднего неолита.

Таким образом, в районе Жезказгана выявлены две группы древнейших погребений, доселе неизвестных в науке. По форме сооружений и обряду погребения они отличны от афанасьевских Алтая, Центрального Казахстана и Южной Сибири и тем более андроновских эпохи бронзы.

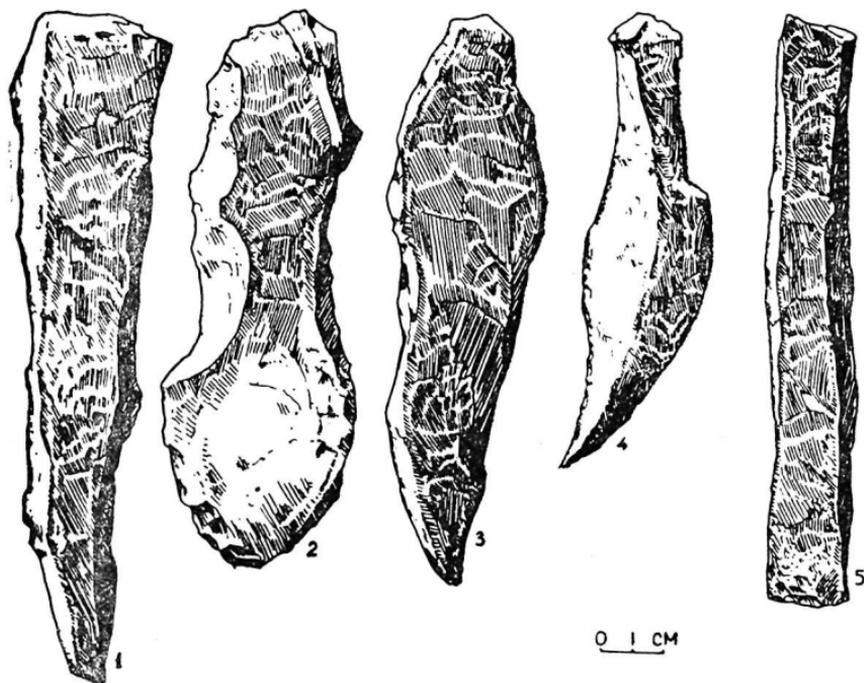

Рис. 3. Каменные орудия, найденные выше головы погребенного. Курган 3.

Исследования погребений эпохи позднего неолита обогатили наши знания о древнейшей культуре Центрального Казахстана, дали редкие материалы для решения вопроса о происхождении культуры бронзы в Евразийской степи. Жезказганские памятники позднего неолита замечательны тем, что познакомили нас с древнейшим погребальным обрядом, существовавшим в Центральном Казахстане еще до металлической культуры. Главнейшие элементы этого обряда — погребение на спине в вытянутом положении, с некоторым уклоном на левый бок, левая рука согнута в локте, ее кисть у головы, отсутствие

скорченности, наличие против головы грубых каменных орудий в качестве сопровождающего инвентаря, а также кусков окисленной руды (малахит, азурит), положенных в головную часть и к ногам. Следовательно, в позднем неолите окисленная медная руда имела

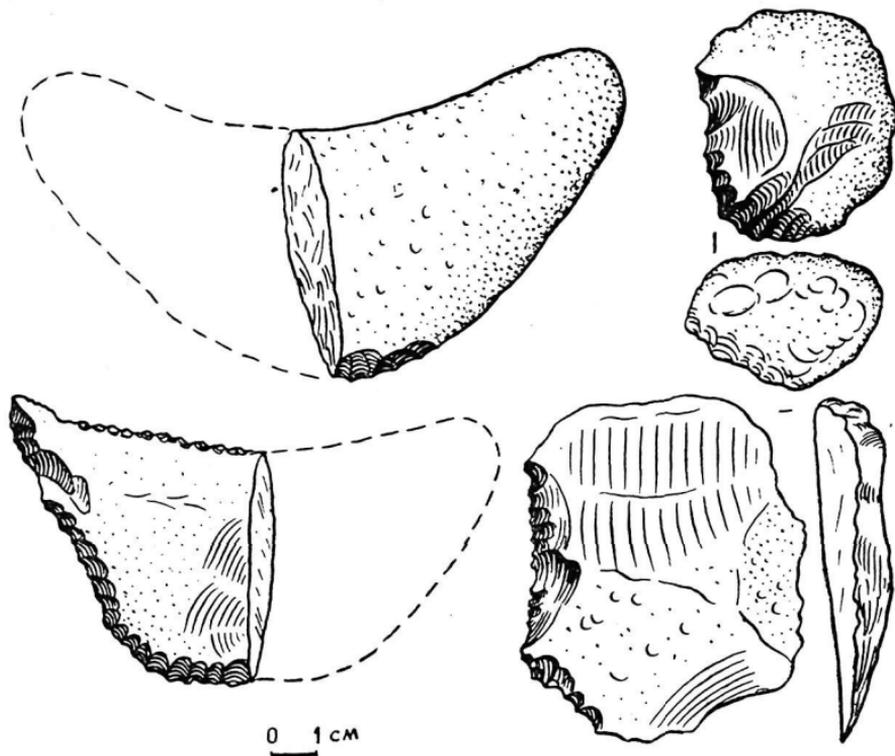

Рис. 4. Каменные орудия со стоянки 96.

магическое значение, ибо своим чудесным цветом она вызывала удивление у людей неолитической эпохи, когда они еще не знали секрета ее плавки. Среди сопровождающего инвентаря нет ни керамики, ни украшений. Внешний вид курганов слабо напоминает афанасьевские погребения Алтая, но они отличаются от афанасьевских отсутствием богатого инвентаря. Такой контраст дает основание говорить, что афанасьевские памятники гораздо поздние, чем джезказганские. Некоторое внешнее сходство погребений Алтая, вероятно, свидетельствует о том, что афанасьевские памятники своим происхождением обязаны более раннему прототипу, каковым являются памятники Джезказгана.

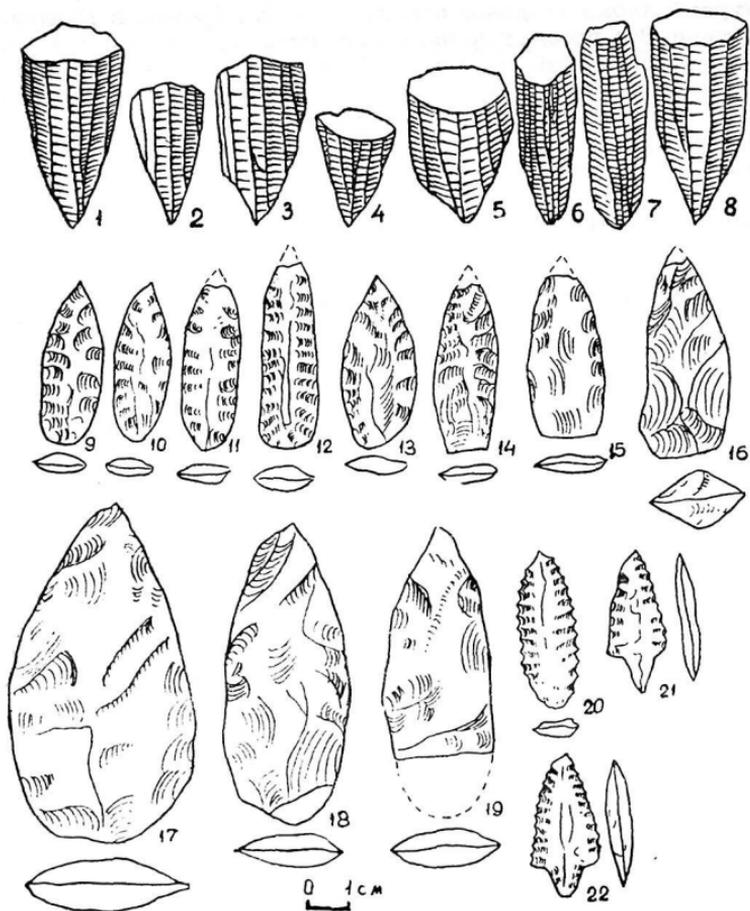

Рис. 5. Каменные орудия со стоянки эпохи неолита из района Дзезказгана: 1—8 — нуклеусы; 16, 21, 22 — наконечники стрел; 17—19 — наконечники дротиков.

Особый интерес представляют первые приемы сложения стен из вертикальных каменных плит, врытых на ребро, и организация плана первых каменных сооружений в продолговатой композиции с зачатками углов. Как известно, эти принципы первых примитивных сооружений впоследствии в эпоху бронзы становятся традиционной формой при строительстве жилища и каменных усыпальниц для населения Центрального Казахстана того периода. Таким образом, выявляется прямая связь и историческая преемственность между

культурами эпохи позднего неолита и эпохи бронзы в Центральном Казахстане. Эта преемственность выражалась не только в возведении каменных сооружений, но и в сходстве типов каменных орудий. Научно установлено, что древние погребальные сооружения часто воспроизводят форму жилища. В этой связи интересна организация плановой основы погребения кургана 3. По своей конфигурации она округлая в западной части и узкая, удлинённая в восточной. Несомненно, это имитация округло-продолговатой формы наземного жилища, характерного для Центрального Казахстана эпохи неолита и энеолита. Незначительные остатки подобных жилищ прослежены на ряде неолитических стоянок Джезказгана. Характерную принадлежность этих первобытных жилищ составляют костры или каменные очаги, выложенные из крупных плит песчаника и всегда расположенные не в коридоре, а в центре округлого помещения. От этих очагов сохранились обожжённые округлые ямы, нередко с плитами, возле которых часто находят значительное количество кремневых орудий и кости животных. Керамика встречается здесь крайне редко. Следует заметить, что в планировке и расположении первобытных жилищ учтено, что ветер, господствующий в Центральном Казахстане, в основном дует с запада. Поэтому вход в жилище в виде узкого коридора обращен на восток. Значит этой идеи выражены в погребении кургана 3.

В заключение можно констатировать, что культурный комплекс стоянок и погребений Джезказгана однороден, между ними много общего и близкого. Это видно в форме жилых и погребальных сооружений, в сходстве орудий труда, найденных там и здесь. Несомненно, что в этом комплексе отразилась ранняя история Джезказгана, совпадающая с эпохой перехода от неолита к меднокаменному веку (энеолиту).

ХАРАКТЕРИСТИКА КОСТНОГО МАТЕРИАЛА ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ САРГАРЫ

Л. А. Макарова

Расширяющиеся из года в год археологические раскопки пополняют остеологический материал по домашним и диким животным из различных древних поселений Казахстана. Всестороннее углубление археологических исследований предполагает более объективное изучение животного мира древности по костным остаткам. Если до недавнего времени определение костного материала ограничивалось установлением его видовой принадлежности и подсчетом особей, то теперь необходимо проведение остеометрических измерений соответствующего материала, сравнение биометрически обработанных данных измерений аналогичных костей из хронологически близких поселений. Это позволит установить уровень развития той или иной отрасли животноводства и проследить эволюцию скотоводческой деятельности жителей древних поселений в определенную эпоху.

В палеозоологической коллекции отдела археологии ИИАЭ АН КазССР накоплен некоторый материал по костям животных из поселений эпохи бронзы Северного и Центрального Казахстана.

В данной статье изложены результаты остеометрической обработки костей домашних животных из поселения Саргары, относящегося к эпохе поздней бронзы¹.

Поселение Саргары находится в Атбасарском районе Целиноградской области, на левом берегу р. Жабай, в 30 км к северу от г. Атбасара. Костный материал собран археологической экспедицией в 1973—1974 гг. под руководством Г. Б. Здановича. Автор в 1974 г. принимал участие в работе экспедиционного отряда, выполнил видовое определение более пяти тысяч костных остатков в полевых и лабораторных условиях. В результате изучения собранного за два года остеологического материала выявлены следующие виды домашних и диких животных на поселении Саргары (табл. 1).

Таблица 1

Видовой состав животных

Вид	Количество костей и зубов	Примерное количество особей
Крупный рогатый скот	1867/502*	96
Мелкий рогатый скот	1024/239	104**
Лошадь	1407/588	87
Собака	26	3
Сайга	6	5
Свинья дикая	1	1
Волк	7	2
Лисица	2	2
Заяц	5	3
Бобр	1	1
Сурок	32	7

* Первая цифра — количество костей, вторая — зубов.

** Количество особей мелкого рогатого скота несколько увеличено вследствие обнаружения в скоплении 72 астрагалов (таранная кость).

Как видно из данных, 98,6% костей принадлежит домашним животным и лишь 1,4% — диким млекопитающим. Наименование костей домашних животных приведено в таблице 2.

ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ

Крупный рогатый скот (*Bos taurus*)

Среди костных остатков, собранных на поселении Саргары, к крупному рогатому скоту относятся 2369 костей от 96 особей. Они

¹ Зданович Г. Б., Зданович С. Я., Зайберг В. Ф., Войко Т. А., Хабдулина М. К. Работы в Северном Казахстане. — В кн.: Археологические открытия 1972 года. М., 1973, с. 447; Зданович С. Я., Малютина Т. С. Саргары — культурный комплекс финальной бронзы. — В кн.: Археологические открытия 1974 года. М., 1975, с. 488.

Таблица 2

Состав костных остатков домашних животных

Кость	Крупный рогатый скот	Мелкий ро- гатый скот	Лошадь
Рога	2	4	—
Мозговая часть черепа	6	9	7
Лицевая часть че- репа	23	36	25
Нижняя челюсть	51	99	45
Отдельные зубы	502	239	588
Позвонки	198	76	108
Ребра	303	102	197
Лопатка	54	63	29
Тазовые кости	48	38	42
Плечевая	81	41	96
Лучевая-локтевая	93	65	75
Бедренная	51	43	46
Берцовая	164	89	92
Пяточная	43	39	40
Таранная	64	37	52
Мелкие кости запястья и предплюсны	280	32	180
Пястная	167	52	126
Плюсневая	147	37	88
1-я фаланга	64	38	63
2-я фаланга	57	21	33
3-я фаланга	23	3	13
Грифельная	—	—	33
Всего	2369	1263	1995

составляют 42,6% от всего количества остатков домашних животных. В очень фрагментарном материале имеются все кости скелета, однако численно преобладают отдельные коренные зубы, выпавшие из альвеол при разрушении челюстей, позвонки, ребра и мелкие кости запястья и предплюсны (табл. 2). Большинство метаподий представлено обломками верхних или чаще нижних концов пясти или плюсны. Целых бедренных костей нет, мало и их обломков. Чаще встречаются нижний суставной блок плечевой, верхний конец лучевой, нижний конец берцовой костей. Целыми, как обычно на поселениях, оказываются пяточные, таранные кости и фаланги пальцев, больше первые и вторые. В коллекции имеются кости как взрослых, так и молодых особей. На многих нижних челюстях сохранились молочные предкоренные зубы, а отдельные длинные трубчатые кости без нижних эпифизов, тело некоторых пяточных костей лишено бугра или еще хорошо видны швы срастания. Из 10 целых нижних челюстей с полным рядом коренных зубов шесть принадлежат особям старше двух- и трехлетнего возраста (табл. 3).

Из-за отсутствия роговых стержней и недостаточного для измерения количества крупных фрагментов черепа краниологическая харак-

Возрастной состав крупного рогатого скота

Состояние системы ко- ренных зубов нижней челюсти	Возраст живот- ного в ме- сяцах	Кол-во челюс- тей	%
М ₁ отсутствует	До 6	1	10
Есть М ₁ , отсутствует М ₂	6—18	1	10
Есть М ₂ , отсутствует М ₃	18—24	2	20
Есть М ₃	Старше 28	3	30
РМ ₃ постоянный	Старше 34	3	30

теристика не дается. Измерено лишь небольшое число целых нижних челюстей. Приводимая остеометрическая характеристика крупного рогатого скота построена, главным образом, на измерениях единичных экземпляров целых трубчатых костей, дистальных или проксимальных концов от разрушенных костей конечностей, а также таранных, пяточных костей и фаланг пальцев. Биометрические данные этих измерений показаны в таблице 4.

Дадим краткую характеристику остеологическим особенностям крупного рогатого скота из поселения Саргары и сравним их с ранее опубликованными данными о костях крупного рогатого скота из других одновременных памятников.

К поселению Саргары территориально близки поселения эпохи поздней бронзы Алексеевское и Садчиковское в Кустанайской области и Чаглинка в Кокчетавской области. В известной литературе по двум первым поселениям остеометрические данные о найденных там костях крупного рогатого скота отсутствуют. Поэтому при сравнении приходится ограничиваться только теми общими характеристиками скота этих поселений, которые приведены авторами. О. А. Кривцова-Гракова говорит о наличии в Алексеевском комплексе² и Садчиковском поселении³ костей овцы, коровы, лошади и о численном преобладании в алексеевском стаде овец над лошадьми и крупным скотом. Как видно из нашего материала, видовой состав домашних животных поселения Саргары такой же, но в нем другое соотношение этих видов. Здесь больше костей крупного рогатого скота, чем лошади и мелкого рогатого скота (табл. 1, 2). Как показали результаты исследования костных остатков, в количественном соотношении в видовом составе домашних животных крупный рогатый скот из поселения Саргары сходен со скотом поселения Чаглинка. Сравним некоторые остеометриче-

² Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник. — «Труды ГИМ». Вып. XVII. М., 1948, с. 75.

³ Кривцова-Гракова О. А. Садчиковское поселение. — МИА, № 21, 1951, с. 152—181.

Размеры и пропорции костей крупного рогатого скота

Признак	n	Lim	M	±m	σ
Длина альвеолярного ряда коренных зубов нижней челюсти, мм	2		155		
Длина альвеолярного ряда моляров, мм	5	88,0—93,0	91,5		
Длина M ₃ , мм	5	37,0—39,5	38,3		
Ширина нижнего конца плечевой кости, мм	12	70,0—96,0	84,33	2,38	7,89
Длина лучевой кости, мм	1		280,00		
Ширина верхнего конца лучевой кости, мм	5	79,0—99,0	88,50		
Индекс ширины верхнего конца лучевой кости, %	1		28,20		
Ширина нижнего конца берцовой кости, мм	12	56,0—70,0	62,88	1,66	4,55
Длина пяточной кости, мм	18	128,0—170,0	151,22	3,12	12,86
Длина таранной кости, мм	38	51,0—78,0	68,75	0,89	5,42
Длина пясти, мм	3	180,0—210,0	196,00		
Ширина верхнего конца пясти, мм	12	48,0—68,0	57,88	2,12	7,00
Ширина нижнего конца пясти, мм	12	55,0—80,0	66,88	2,58	8,54
Индекс ширины верхнего конца пясти, %	3	29,3—32,4	30,87	2,58	8,54
Индекс ширины нижнего конца пясти, %	3	29,3—35,8	31,90		
Индекс ширины диафиза пясти, %	2	19,5—20,2	19,85		
Длина плюсны, мм	2	223,0—245,0	234,00		
Ширина верхнего конца плюсны, мм	6	48,0—58,0	53,02		
Ширина нижнего конца плюсны, мм	8	53,0—78,1	64,03		
Индекс ширины верхнего конца плюсны, %	2	22,0—23,6	22,80		
Индекс ширины нижнего конца плюсны, %	2	21,0—28,5	27,25		
Индекс ширины диафиза плюсны, %	1		17,90		
Длина больших фаланг, мм	28	48,1—72,0	65,83	1,02	5,29

ские показатели размеров костей крупного скота поселений Саргары и Чаглинка⁴ (табл. 5).

Отметим, что в размерах ширины нижних концов плечевой и берцовой костей, а также в общей длине таранной, пяточной костей и больших фаланг пальцев изменчивость имеет диапазон варьирования, относительно одинаковый для костей из этих поселений. Например, ширина нижнего конца плечевой кости у саргаринского скота изменяется от 70 до 96 мм, а у четырех экземпляров этих же костей скота

⁴ Макарова Л. А. Предварительное сообщение о животных эпохи бронзы поселения Чаглинка. — В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 269.

Чаглинки — от 81 до 115 мм. Но ширины 115 мм нижний суставной блок достигает только у одной кости, у остальных ширина этого блока в верхнем пределе не превышает 98,8 мм. Ширина нижнего конца берцовой кости у скота поселения Саргары варьирует от 56 до 70 мм, а у пяти экземпляров этих костей чаглинского крупного скота — от 59 до 73 мм. Наибольшая длина таранной кости у скота поселения Саргары (75—78 мм) была только у четырех костей, а наименьшая (51—52 мм) — у двух, остальные экземпляры имеют диапазон изменчивости от 62 до 74 мм.

Таблица 5

Размеры костей крупного рогатого скота двух поселений

Признак	Саргары		Чаглинка	
	п	Lim	п	Lim
Длина альвеолярного ряда коренных зубов, мм	2	155	4	135—145
Длина альвеолярного ряда моляров, мм	5	88,0—93,0	2	80,0—93,0
Длина М ₃ , мм	5	37,0—39,5	4	37,0—39,0
Ширина нижнего конца плечевой кости, мм	12	70,0—96,0	4	81,0—115,0
Ширина нижнего конца берцовой кости, мм	12	56,0—70,0	5	59,0—73,0
Длина пясти, мм	3	180,0—210,0	4	188,0—210,0
Длина таранной кости, мм	38	51,0—78,0	24	58,5—72,0
Длина пяточной кости, мм	18	128,0—170,0	12	126,5—162,0
Длина больших фаланг, мм	28	48,1—72,0	45	54,0—69,0

Общая длина пяточной кости колеблется у саргаринского скота от 128 до 170 мм, а у крупного рогатого скота поселения Чаглинка — от 126,5 до 162 мм, т. е. увеличение в размерах в верхнем пределе у скота поселения Саргары такое же, как и в отношении длины таранной кости. Широкий диапазон варьирования устанавливается в размерах длины больших фаланг, особенно у скота поселения Саргары, их длина изменяется от 48,1 до 72 мм, тогда как у скота поселения Чаглинка длина больших фаланг не превышает 69 мм в верхних пределах. Наименьшая длина этой кости у крупного рогатого скота обоих поселений почти одинаковая, так как у саргаринского скота наименьшие размеры длины фаланг (у нескольких экземпляров) 55,7 мм и только одна фаланга длиной 48,1 мм.

Как видно из сравнения приведенных размеров костей конечностей крупного рогатого скота из поселений Саргары и Чаглинка, разница диапазона изменчивости крайних пределов не обнаруживает большие отличия в размерах этих костей. Этот вывод подтверждается и биометрически обработанными данными измерений длины пяточной кости из поселений Саргары и Чаглинка:

Саргары	n	Lim	M	$\pm m$	σ
Пяточная кость	18	128,00—170,0	150,000	3,12	12,86
Чаглинка					
Пяточная кость	12	128,00—162,00	139,00	3,56	11,79

Сравнение длины пяточной кости крупного рогатого скота из этих поселений позволяет заключить, что статистически достоверных различий между ними по данному признаку не обнаружено. Нормированная разность равна 2,64. Длина пяток у скота обоих поселений варьирует примерно в одних и тех же пределах. Различие в средних, возможно, обусловливается неравным соотношением костей коров и быков. Для выяснения этого вопроса необходимо измерения большего числа пяточных костей. К сожалению, мы располагаем очень малым количеством костей крупного рогатого скота из поселения Садчиковское. Приведем размеры имеющихся костей: длина пяти экземпляров таранной кости варьирует от 61 до 71 мм, длина трех пяточных костей — от 118 до 140 мм, длина четырех больших фаланг пальцев — от 58 до 62 мм. По этим данным измерений невозможно дать какую-либо характеристику их остеологическим особенностям. Можно лишь отметить, что размер длины таранной кости и больших фаланг находится в пределах изменчивости размеров у этих костей крупного рогатого скота поселений Саргары и Чаглинка и только длина пяточной кости отличается малым размером в своих верхних пределах.

Если О. А. Кривоцова-Гракова⁵ указывает на неоднородность костей коровы в Алексеевском поселении, что якобы свидетельствует о наличии здесь малорослой и крупной пород крупного рогатого скота, то сделать какие-либо выводы о размерах, породности и численности поголовья крупного рогатого скота на поселении Саргары можно будет после накопления данных об изучении костного материала из этого поселения. Однако широкий диапазон изменчивости в размерах некоторых костей не исключает наличия на поселении мелкой и крупной породы скота или, что вероятнее, отдельных малорослых и рослых особей в саргаринском стаде.

Мелкий рогатый скот (*Capra et Ovis*)

Кости мелкого рогатого скота по сравнению с костями крупного скота и лошади собраны на поселении Саргары в значительно меньшем количестве (1263 определяемых кости от 104 особей). Число особей увеличилось после включения в подсчет найденных в скоплении 72 таранных костей.

Данное обстоятельство, по всей вероятности, искажает истинное число особей мелкого рогатого скота, ибо в этом количестве могли

⁵ Кривоцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник. — «Труды ГИМ». Вып. XVII. М., 1948, с. 75.

оказаться особи, учтенные по другим костям скелета. По нашему мнению, число, близкое к истинному количеству, должно быть выражено несколько меньшей цифрой.

Степень сохранности костей мелкого рогатого скота очень плохая, что обычно присуще кухонным остаткам, все они сильно раздроблены и мало пригодны для остеологической характеристики. Длинные трубчатые кости конечностей (плечевые, лучевые, бедренные, берцовые) сохранились лишь в виде обломков верхних или нижних эпифизов. Из четырех черепов один принадлежал козлу. Нижние челюсти почти все разрушены, немало отдельных коренных зубов и резцов, выпавших из альвеол. Вследствие сильной измельченности костей возможность видового дифференцирования их ограничена. В нашем материале кости с наиболее выраженными диагностическими признаками принадлежат овцам. Есть кости, свидетельствующие о наличии в стаде молодых животных: нижние челюсти с молочными зубами и длинные трубчатые кости без верхних или нижних эпифизов. По состоянию зубной системы⁶ небольшого числа целых нижних челюстей нами установлено, что 50% нижних челюстей принадлежат особям старше двух лет и столько же — животным моложе этого возраста (табл. 6).

Таблица 6

Возрастной состав мелкого рогатого скота

Состояние системы коренных зубов нижней челюсти	Возраст животного в месяцах	Кол-во челюстей	%
М ₁ отсутствует	До 3	1	8,3
Есть М ₁ , отсутствует М ₂	3—12	2	16,7
Есть М ₂ , отсутствует М ₃	12—24	3	25,0
Есть М ₃	Старше 24	6	50,0

Состав костных остатков мелкого рогатого скота, как и других домашних животных, представлен различными костями из всех отделов скелета (табл. 2). Биометрические данные костей, оказавшихся пригодными для измерений, приведены в таблице 7.

Наиболее показательными, несомненно, являются данные измерений, полученные на большом количестве костей. Лучшие результаты дает изучение пястных, плюсовых и таранных костей, но лишь последней несколько больше других костей мелкого рогатого скота в нашем материале. Пригодными для биометрической обработки оказались нижние концы плечевой, берцовой и верхний конец лучевой костей, а также пяточные, таранные кости и большие фаланги пальцев.

⁶ Определение возраста по состоянию зубной системы приводится из работы В. И. Цалкина. (См. Цалкин В. И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М., 1966, с. 8, 28).

Размеры и пропорции костей мелкого рогатого скота

Признак	n	Lim	M	$\pm m$	σ
Длина альвеолярного ряда коренных зубов нижней челюсти, мм	11	71,0—84,5			
Ширина нижнего конца плечевой кости, мм	26	29,5—38,5	35,17	0,46	2,28
Длина лучевой кости, мм	2	180—197	188,50		
Ширина верхнего конца лучевой кости, мм	10	34,0—41,5	31,16	0,50	1,49
Индекс ширины нижнего конца лучевой кости, %	2	19,3—19,7	19,50		
Индекс ширины диафиза лучевой кости, %	2	10,7—10,8	18,75		
Ширина нижнего конца берцовой кости, мм	17	30,0—34,5	32,21	0,26	1,03
Длина пяточной кости, мм	15	56,0—73,0	67,77	1,14	4,27
Длина таранной кости, мм	32	40,0—37,0	33,48	0,32	1,76
Ширина верхнего конца пясти, мм	6	25,5—31,0	26,83		
Ширина нижнего конца пясти, мм	3	29,0—33,0	30,83		
Длина плюсны, мм	1		170,00		
Ширина верхнего конца плюсны, мм	8	22,0—27,0	24,69		
Индекс ширины верхнего конца плюсны, %	1		13,50		
Индекс ширины нижнего конца плюсны, %	1		16,45		
Длина первого фаланга, мм	10	38,5—52,5	44,33	1,31	3,94

Из анализа измерений видно, что в размерах костей нет большой вариации между крайними пределами изменчивости. Обратимся к сравнительным данным по костному материалу мелкого рогатого скота из поселений Чаглинка и Садчиковское. Приведем данные измерений аналогичных костей из трех поселений (табл. 8).

Как видно из данных, диапазон изменчивости размеров костей мелкого рогатого скота из поселений Саргары и Чаглинка почти одинаков по всем измерениям. Так, ширина нижнего конца плечевой кости у мелкого скота с поселения Саргары варьирует от 29 до 38,5 мм, у мелкого скота Чаглинки размер этих костей только несколько выше в своих крайних пределах, но диапазон изменчивости одинаковый. Ширина нижнего конца берцовой кости у мелкого рогатого скота сшиваемых поселений имеет почти равные нижние и верх-

Размеры костей мелкого рогатого скота из трех поселений

Признак	Саргары		Чаглинка		Садчиковское	
	п	Lim	п	Lim	п	Lim
Ширина нижнего конца плечевой кости, мм	26	29,0—38,5	23	32,0—42,0	5	34,0—37,0
Ширина нижнего конца берцовой кости, мм	17	30,0—34,0	9	29,2—35,5		
Ширина верхнего конца пясти, мм	6	25,5—31,0	5	24,8—29,5	1	23,8
Ширина нижнего конца пясти, мм	3	29,0—33,0	4	29,0—34,5	1	25,2
Длина плюсны, мм	1	170,0	6	153,0—185,0	1	115,00
Ширина верхнего конца плюсны, мм	8	22,0—27,0	7	22,0—27,5	1	20,0
Длина пяточной кости, мм	15	56,0—73,0	12	67,5—77,0		
Длина таранной кости, мм	32	30,0—37,0	12	34,5—36,5	3	31,5—34,0
Длина больших фаланг, мм	10	38,5—52,5	16	38,6—50,0		

ние пределы. Изменчивость ширины верхних и нижних концов пясти, а также длины таранной кости колеблется почти в том же диапазоне. Ширина верхнего конца плюсны (у равного числа измеренных костей) варьирует от 22 до 27 мм, т. е. у мелкого скота поселений Саргары и Чаглинка она в одинаковых пределах. Несколько большую изменчивость имеет длина пяточной кости и больших фаланг у мелкого рогатого скота поселения Саргары: длина пяточной кости — от 56 до 73 мм, длина фаланги — от 38,5 до 52,5 мм. Аналогичные кости у чаглинского мелкого скота несколько отличаются в абсолютных размерах их длины, но несущественно, это может быть следствием неравного числа измеренных костей из этих поселений.

Приведенные данные измерений единичных экземпляров костей мелкого рогатого скота из поселения Садчиковское затрудняют их остеологическую характеристику. Но следует отметить, что почти все кости мелкого скота из этого поселения имеют размеры меньше нижних пределов, чем выявленных у мелкого рогатого скота Саргаров и Чаглинки.

Таким образом, по данным измерений небольшой серии костей мелкого рогатого скота из поселений Саргары и Чаглинка выяснено, что больших различий по отмеченным признакам между аналогичными костями нет. Незначительный диапазон изменчивости абсолютных размеров, еще раз подтверждающая сходство костей мелкого рогатого скота сравниваемых поселений, в то же время свидетельствует о некоторой однородности стада в обоих поселениях.

Очень малое число сохранившихся длинных трубчатых костей из поселения Саргары не дает пока возможности составить представление о росте его мелкого скота. Не имеем мы и данных измерений этих костей с других поселений эпохи поздней бронзы указанного географического района.

По количеству остатков кости лошади в остеологическом материале из поселения Саргары занимают второе место. Имеется 1995 костей приблизительно от 87 особей. Сохранность костного материала плохая, мало костей, пригодных для характеристики остеологических особенностей лошадей этого поселения. Найден только один череп лошади, измерения его мы не приводим. Крупных фрагментов мозговой и лицевой частей черепа не обнаружено, есть лишь незначительные по размерам обломки верхних и нижних челюстей, не пригодные для измерений. Отдельных коренных зубов и резцов, выпавших из альвеол верхних и нижних челюстей, по сравнению со всеми костными остатками лошади довольно много. Длинные кости конечностей почти все разрушены по середине или вдоль кости, в материале в основном имеются их проксимальные или дистальные концы, что влияет на получение соответствующего числа измерений, необхо-

Таблица 9

Размеры и пропорция костей лошади из поселения Саргары

Признак	n	Lim	M	$\pm m$	σ
Ширина нижнего конца плечевой кости, мм	3	62,0—78,0	71,33		
Ширина нижнего конца берцовой кости, мм	5	48,0—53,0	50,50		
Длина пясти, мм	2		235,00		
Ширина нижнего конца пясти, мм	5	48,0—53,0	50,50		
Ширина диафиза пясти, мм	2	33,2—33,7	33,45		
Индекс ширины диафиза пясти, %	2	14,1—14,8	14,45		
Длина плюсны, мм	5	250,0—278,0	269,20		
Индекс ширины верхнего конца плюсны, %	3	17,4—19,5	18,50		
Индекс ширины нижнего конца плюсны, %	3	18,0—18,3	18,33		
Индекс ширины диафиза плюсны, %	4	11,2—12,8	12,10		
Длина пяточной кости, мм	8	104,0—117,0	112,94		
Длина передней путовой кости, мм	18	77,2—95,0	87,43	0,98	4,16
Индекс ширины верхнего конца передней путовой кости, %	18	53,0—65,0	60,54	0,67	2,84
Индекс ширины диафиза передней путовой кости, %	18	35,2—43,5	41,30	0,52	2,21
Длина задней путовой кости, мм	10	80,0—91,5	84,90	1,23	3,48
Индекс ширины верхнего конца задней путовой кости, %	10	57,4—71,2	66,12	1,11	3,51
Индекс ширины диафиза задней путовой кости, %	10	36,6—45,7	42,44	0,85	2,68

димых для выяснения высоты в холке, и на типологическое деление лошадей.

Нами дается остеометрическая характеристика наиболее многочисленным среди остатков костям конечностей или неповрежденным длинным трубчатым костям лошади с ярко выраженными диагностическими признаками, какими являются метаподии или их эпифизы, пяточные и путовые кости, а также нижние концы плечевой и берцовой костей.

Биометрически обработанные данные измерений абсолютных размеров и некоторых пропорций костей лошади из поселения Саргары приведены в таблице 9.

Сравним данные измерения отдельных костей лошади из поселений Саргары, Чаглинка и Садчиковское. Имеющиеся в нашем материале две целые пясти имеют длину 235 мм, ширина диафиза у них колеблется от 33,2 до 33,7 мм. Длина двух пястных костей из Чаглинки⁷ равна 230 и 240 мм, ширина их диафизов — соответственно 32 и 35,5 мм, а длина одной пясти из поселения Садчиковское — 220 мм, ширина диафиза — 30,5 мм. Длина плюсневых костей саргаринской лошади варьирует от 250 до 278 мм, у двух плюсневых костей лошади из Чаглинки длина 230 (ширина диафиза 32 мм) и 240 мм (ширина диафиза 35,5 мм). Для лошади Садчиковского поселения О. А. Кривцова-Гракова⁸ указывает длину двух плюсневых костей, равную 275 мм.

По относительной ширине диафиза пястных и плюсневых костей А. А. Браунер⁹ делит лошадей по типу «тонконогости» на несколько групп:

По пястной кости, %		Саргары	Чаглинка	Садчиковское
Крайне тонконогие	Менее 13,5			13,4
Тонконогие	13,6—14,5	14,1	14,1	—
Полутонконогие	14,6—15,5	14,8	14,7	—
По плюсневой кости, %				
Тонконогие		11,2	11,3	—
Полутонконогие		12,0; 12,2; 12,8	12,5	—

На основании этих данных возможно отнести метаподии лошадей из указанных поселений к типу тонконогих и полутонконогих лошадей, лишь одна пястная кость лошади из поселения Садчиковское принадлежала к крайне тонконогой лошади.

Из-за отсутствия в специальной литературе биометрических данных о костях лошади из Алексеевского и Садчиковского поселений

⁷ Макарова Л. А. Предварительное сообщение о животных эпохи бронзы поселения Чаглинка, с. 273.

⁸ Кривцова-Гракова О. А. Садчиковское поселение. — МИА, № 21, 1951, с. 152—181.

⁹ Браунер А. А. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губернии. — «Записки Об-ва сельского хозяйства Южной России», 1916, т. 86, кн. 1.

и вследствие этого из-за невозможности сравнения их с костями лошади поселения Саргары приведем сравнительную характеристику биометрически обработанных данных измерений путовых костей чаглинской лошади (табл. 10).

Таблица 10

Размеры и пропорции путовых костей лошади из двух поселений

Признак	Саргары					Чаглинка				
	n	Lim	M	$\pm m$	σ	n	Lim	M	$\pm m$	σ
Длина передней путовой кости, мм	18	77,2—95,0	87,43	0,98	4,16	12	83,5—95,0	87,83	1,17	4,06
Индекс ширины верхнего конца передней путовой кости, %	18	53,0—65,0	60,54	0,67	2,84	12	55,6—66,0	60,24	1,29	4,46
Индекс ширины диафиза передней путовой кости, %	18	35,2—43,5	41,3	0,52	2,21	12	37,9—45,9	42,05	0,58	2,00
Длина задней путовой кости, мм	10	80,0—91,5	84,9	1,23	3,48	9	83,0—88,5	86,70	0,80	2,40
Индекс ширины верхнего конца задней путовой кости, %	10	57,4—71,2	66,12	1,11	3,51	9	63,2—66,7	65,00	0,43	1,30
Индекс ширины диафиза задней путовой кости, %	10	36,6—45,7	42,44	0,85	2,68	9	37,8—42,7	40,27	0,58	1,75

Проанализируем данные таблицы. Цифры показывают, что различия в размерах длины передних путовых костей наблюдаются лишь в нижних пределах. Разница в среднем арифметическом длине путовой кости несущественна. Величина нормированной разности средних значений длин путовых костей составляет 0,261. Статистически достоверных различий по этому признаку не выявлено.

В размерах передней путовой кости и по некоторым пропорциям различий не наблюдается. Индекс ширины верхнего конца передней путовой кости лошади из сравниваемых поселений варьирует в близких пределах и, несмотря на различия в диапазоне изменчивости данного признака, статистически достоверных различий по этому признаку не обнаружено. Величина нормированной разности для средних значений и индексов ширины верхних концов равна 0,207. Относительная ширина диафиза передней путовой кости изменяется в одинаковых пределах, нормированная разность их средних значе-

ний составляет 0,970, т. е. и по данному признаку статистически достоверных различий между передними путовыми костями не отмечено.

Длина путовой кости задней конечности варьирует от 80 до 91,1 мм у лошади поселения Саргары и от 83 до 88,5 мм — у чаглинской. Как видно, диапазон изменчивости более широкий у лошади из Саргаров, однако разность средних значений длины задних путовых костей равна 1,32, т. е. по данному признаку нет статистически достоверных различий. Не обнаруживается различий и в размерах задней путовой кости по соответствующим пропорциям. Несмотря на более широкий диапазон изменчивости индексов ширины верхнего конца и ширины диафиза, между задними путовыми костями у лошади поселений Саргары и Чаглинка статистически достоверных различий не установлено. Величина нормированной разницы для средних значений индекса ширины верхних концов составляет 0,95. Для средних значений индекса ширины диафиза значение нормированной разницы равно 2,04.

Таким образом, биометрически обработанные данные измерений длины передней и задней путовых костей и их пропорций позволяют заключить, что по указанным признакам статистически достоверных различий между этими костями у лошадей из поселений Саргары и Чаглинка не обнаружено.

Пользуясь данными определения В. О. Виттом¹⁰ высоты в холке по некоторым длинным трубчатым костям, отметим, что лошадей из указанных поселений по имеющимся в нашем материале пястным и плюсневым костям можно отнести к средним по росту, т. е. их высота в холке достигает 136—144 см. Приведем из сравниваемых поселений данные измерений пястных и плюсневых костей лошадей и соответствующей им высоты ее в холке.

Длина пясти по В. О. Витту, мм	Высота в холке, см	Саргары	Чаглинка	Садчиковское
		По длине пясти, мм		
250—235	152—144			
235—220	144—136	235	230,240	220
220—205	136—128			220
		По длине плюсны, мм		
Длина плюсны по В. О. Витту, мм				
290—275	152—144	250,278		275
275—260	144—136		255,260	
260—245	136—123			

Как видно из немногих данных, длина метаподий находится в пределах, указываемых В. О. Виттом для средних по росту лошадей, с некоторыми отклонениями в верхних или нижних границах их размеров.

¹⁰ Витт В. О. Лошади Пазырыкских курганов. — СА, XVI, 1952, с. 172.

Кости этого вида домашнего животного встречены на поселении в довольно ограниченном количестве, они плохой сохранности. Из 26 костей обнаружены фрагменты черепа, кости конечностей и отдельные зубы. Все кости мало пригодны для остеологической обработки.

ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ

На поселении Саргары наряду с костями домашних животных собраны, хотя и в очень незначительном количестве, различные кости остатков млекопитающих дикой фауны.

Сайга (*Saiga tatarica*). Найдены шесть роговых стержней.

Свинья дикая (*Sus scrofa*). Встречена одна кость — вторая фаланга от молодой особи.

Волк (*Canis lupus*). Его остатки представлены обломками черепа и костей конечностей.

Лисица (*Vulpes vulpes*). Выявлены всего две нижние челюсти, принадлежавшие двум разным особям.

Заяц (*Lepus sp.*). Имеется пять обломков костей конечностей.

Бобр (*Castor fiber*). Встречена одна пяточная кость.

Сурок (*Marmota bobac*). Костей этого грызуна по сравнению с остальными костями диких животных довольно много. Среди них есть нижние челюсти с зубами (5), две лопатки, плечевые, лучевые, локтевые и берцовые кости.

Подведем некоторые итоги изучения животных из поселения эпохи поздней бронзы Саргары по их костным остаткам.

Из определения видовой принадлежности костей видно, что на поселении преобладают кости домашних животных. Количественное сравнение костных остатков позволяет сказать о некотором преимущественном значении крупного рогатого скота в животноводческой деятельности древних поселенцев.

Сравнительное изучение размеров костей крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота и лошади из поселений эпохи бронзы Саргары и Чаглинка не выявило существенных остеологических различий между этими видами домашних животных. Для отдельных костей крупного рогатого скота и лошади по ряду признаков сходство установлено с высокой достоверностью. Это предполагает сходство стад и в породном отношении. К сожалению, мы пока не располагаем данными биометрической обработки костей мелкого рогатого скота поселения Чаглинка, а также данными измерений костей из поселения Садчиковское по всем сравниваемым видам домашних животных.

Сопоставление результатов измерений костей крупного скота из поселения Саргары с аналогичными данными по скоту из других памятников эпохи бронзы показало, что скот изучаемого поселения

наиболее близок к скоту из памятников срубной культуры Среднего Поволжья¹¹. Такое же сходство в абсолютных размерах у мелкого рогатого скота.

Результаты остеологического исследования позволили отнести лошадей из описываемого поселения к типу тонконогих и полутонконогих (по классификации А. А. Браунера). Высота этих лошадей в холке соответствует размерам, указываемым В. О. Виттом для средних по росту лошадей. Однако на основе незначительного количества определений нельзя утверждать, что все лошади поселения Саргары имели высоту в холке, равную указанным размерам.

Дальнейший сравнительный обзор остеологических особенностей крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота и лошади поселения Саргары и данных размеров этих видов домашних животных из других географически близких памятников эпохи бронзы позволит сделать более определенные выводы о породном составе стада описываемого поселения, а также других одновременных памятников изучаемого района Северного Казахстана.

Дикие млекопитающие — сайга, дикая свинья, волк, лисица, заяц, бобр и сурок, остатки которых обнаружены на поселении, являются охотничье-промысловыми животными. Находки их костей свидетельствуют о распространении данных видов в рассматриваемом районе и не исключают возможность охоты на них в прошлом. Почти все названные представители дикой фауны в той или иной мере встречаются в этом регионе в настоящее время. Что касается бобра, то находки его остатков известны из антропогенных отложений Кокчетавской, Северо-Казахстанской и некоторых других смежных областей, в частности из андроновской стоянки у с. Алексеевка Кустанайской области¹².

¹¹ Цалкин В. И. Фауна из раскопок археологических памятников Среднего Поволжья. — МИА, № 61, 1958, с. 224, табл. 1, 21.

¹² Кожамкулова В. С. Антропогенная ископаемая териофауна Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 23.

ОХРАНА И ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНОСТЕЙ КАЗАХСТАНА ТУРКОМСТАРИСОМ (СРЕДАЗКОМСТАРИСОМ)

Т. В. Савельева

В 1976 г. исполняется пятьдесят пять лет со времени создания научной организации Средней Азии и Казахстана — Туркестанского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис).

В результате победы Октябрьской революции произошли изменения в значении науки в жизни нового государства. Ей стала отводиться решающая роль в формировании социалистической идеологии и культуры. В. И. Ленин указывал, что стать сознательным строителем нового общества можно «лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»¹.

Уже в ноябре 1917 г. при Наркомпросе была организована Коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины. К работе в ней были привлечены крупнейшие ученые И. А. Орбели и Н. Я. Марр².

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 305.

² Смирнов К. А. Ленин и охрана исторических памятников. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 225.

В годы тяжелой хозяйственной разрухи и борьбы за новый строй законодательным актом от 10 октября 1918 г. Совнарком РСФСР положил начало государственной охране и учету предметов старины и искусства, имеющих музейное значение. Одновременно с декретом был создан Главный комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы, который регистрировал и охранял памятники.

Бережное отношение к памятникам прошлой культуры Советская власть проявляла везде: в центре и на окраинах. Так, первый состав Комиссии ВЦИК по делам Туркестана, получив в 1920 г. сообщение о тяжелом состоянии исторических памятников мусульманского зодчества, предложил заняться вопросом организации охраны памятников старины и искусства в Туркестане.

Первым шагом по организации будущего Комитета по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы было издание Центральным Исполнительным Комитетом Советов Туркестанской республики декрета от 30 января 1920 г., последовавшего после предварительной работы уполномоченного Главархива РСФСР и Турккомиссии по охране памятников старины и искусства, по научному исследованию научных и художественных материалов. В нем говорилось, что на данном этапе развития советского общества возникла необходимость в создании организации, способной наладить работу в области охраны, расширения и создания музеев естественно-исторических и художественных, а также в проведении разнообразнейших научных, естественно-исторических и археологических экспедиций.

Затем по декрету Совета Народных Комиссаров Туркестанской республики от 23 мая 1921 г. такая организация была создана. В декрете об этом сказано: «Для объединения и управления всем музейным делом и для охраны и реставрации памятников старины, искусства и природы Туркестанской республики в составе Народного комиссариата просвещения учреждается Комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис)»³. Возглавлял Туркомстарис совет, в который вошли представители организаций и учреждений, заинтересованных в развитии музеев и охраны памятников старины.

Со времени опубликования декрета Совнаркома Туркестанской республики «Комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы Туркестанской Республики» начинает свое существование как самостоятельная организация. Так было создано первое научное государственное учреждение в Туркестане, которое должно было не только сохранять памятники старой культуры, но и показывать их значение и роль в развитии новой культуры.

---

³ См.: Организационная, научная и практическая деятельность Средазкомстариса. — «Известия Средазкомстариса», 1926, вып. 1, с. 20.

Основными задачами Комитета являлись охрана памятников старины, искусства и археологии в Средней Азии, охрана памятников природы и музейное дело.

С 1924 г. после национального размежевания⁴ происходит дальнейший рост музейной сети (реорганизация музея в г. Чимкенте в 1926 г.), становится более интенсивной деятельность научных обществ, в частности Общества по изучению Казахстана. В этот период в полевую археологическую деятельность включается Музей восточных культур в Москве и Государственная Академия истории материальной культуры (ГАИМК).

Туркомстарис — Средазкомстарис в вопросе об археологических раскопках проявлял большую осторожность. Не имея в своем составе высококвалифицированных специалистов, владевших новейшей методикой раскопочных работ, он воздерживался от проведения сколь угодно значительных раскопок. Декретом от 31 июля 1921 г. какие-либо раскопки без особого на то разрешения Туркомстариса были запрещены.

После размежевания в союзных республиках были приняты соответствующие постановления о Туркомстарисе. Так, в постановлении Совета Народных Комиссаров Казахстана от 3 сентября 1925 г. признавалось, «что Средазкомстарис является учреждением, призванным к обслуживанию в научно-исследовательском и культурно-просветительном отношениях всех государственных образований Средней Азии, включая и Казахстан в целом»⁵.

Начиная с 1921 г. Туркомстарис ведет в Средней Азии и Казахстане планомерную работу по обследованию, учету, охране, ремонту и реставрации памятников старины. Теснейшим образом с ней связано также и археологическое изучение Средней Азии и Казахстана. За это время экспедициями и отдельными лицами были собраны разнообразные материалы прошлого: отчеты, описания, обмеры, чертежи, планы и фотографии. Результаты обследований легли в основу научно-исследовательских работ над памятниками старины и искусства и способствовали выявлению связи сохранившихся памятников прошлого с общей культурной жизнью страны. В обследовательской деятельности Туркомстариса не малое место занимают экспедиции, работавшие на территории Южного Казахстана и Семиречья.

В 1923 г. здесь побывал П. П. Иванов. Он обследовал развалины городищ Сайрама и Актепе в долине Таласа⁶. В 1924 г. в Джетысу приезжал В. Д. Городецкий. Он изучил курган в с. Ново-Покровское, где ранее были найдены серебряные сосуды, а также крепостное соо-

⁴ С 1924 г. Туркомстарис переименован в Средазкомстарис (Комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы Средней Азии).

⁵ См.: Организационная, научная и практическая деятельность Средазкомстариса. — «Известия Средазкомстариса», 1926, вып. 1, с. 22.

⁶ Массон М. Е. Краткий очерк истории Средней Азии в археологическом отношении. — «Труды САГУ». Археология Средней Азии. Новая серия». Вып. LXXXI. Исторические науки, кн. 12. Ташкент, 1956, с. 5—40.

ружение в с. Старо-Покровское, осмотрел башню Бурана. В. Д. Городецкий посетил также Талгарское городище, сделал фотоснимки и подробно его описал⁷. Кроме того, он высказался за необходимость охраны Талгарского городища, которому грозило разрушение. Именно первой публикации о городище, в которой ставился вопрос о его охране, мы в значительной степени обязаны сохранности городища до нашего времени.

Археологическая экспедиция В. Д. Городецкого и Э. А. Шмидта в 1925 г. обследовала долину р. Чу и западную оконечность озера Иссык-Куль. Они проследили пути, сообщаемые арабскими географами IX в., в Чуйской долине и определили местонахождение некоторых из древних городов этого маршрута. Ими выявлены и осмотрены в прибрежной полосе озера остатки городов на Торайгыре и Койсу. Собранные материалы позволили выявить причины нахождения в водах Иссык-Куля древних городов, располагавшихся прежде на его побережье⁸.

В том же году проводила свои работы археологическая экспедиция проф. Б. П. Денике и архитектора М. М. Логинова в Семиречье и городе Туркестане. Они обследовали мазар Айша-Биби (XII в.) близ Аулие-Ата (Джамбула), произвели архитектурный обмер и фотосъемку мечети Ахмеда Ясеви (XIV в.) и приняли меры к охране этих памятников⁹.

В 1925 г. Чимкентский и Аулиеатинский районы посетил М. Е. Массон. Недалеко от г. Чимкента он обследовал одно из крупнейших городищ Южного Казахстана — Сайрам, снял его план и выяснил историческую топографию¹⁰. Это городище находится в 8—12 км восточнее Чимкента, в центре одноименного села. В свое время В. В. Бартольд высказал предположение о тождестве Сайрама и средневекового Испиджаба¹¹. Поэтому интерес, который проявили многие исследователи к развалинам данного городища, понятен. М. Е. Массон охарактеризовал также памятники архитектуры на территории городища и среди них — мавзолей Падшах Малик-баба и мазар Мириам-биби. Он подробно описал и древнюю каменную колонну из Сайрамской мечети и предложил ее датировать X—XI вв. Особо следует сказать о его квалифицированном и тщательном описании самого городища и верном замечании, что так называемая кала (территория городища) представляет собой шахристан. М. Е. Массон обнаружил остатки стен, которые окружали округу Испиджаба, кроме того, высказался о некоторых находках на городище. Статья М. Е. Массона о Сайраме до сих

⁷ Городецкий В. Д. Талгарское городище. — «Известия Средазкомстариса», 1928, вып. 3, с. 49—55.

⁸ Умняков И. И. Археологическая и ремонтно-реставрационная работа Средазкомстариса в 1927 году. — «Известия Средазкомстариса», 1928, вып. 3, с. 265—275.

⁹ Данные обследования вошли в книгу: Денике Б. П. Искусство Средней Азии. М., 1927.

¹⁰ Массон М. Е. Старый Сайрам. — «Известия Средазкомстариса», 1928, вып. 3, с. 23—42.

¹¹ Бартольд В. В. — Соч. Т. IV. М., 1966, с. 3.

пор является единственным подробным описанием городища. Ценность ее велика еще и потому, что в ней упомянуты топографические детали, которые к настоящему времени утрачены. Давно исчезли остатки длинных стен, нарушены контуры самой калы, сnivelирована ее поверхность и частично застроена.

В течение 1925—1928 гг. М. Е. Массон, выполняя поручения Среднеазиатского комитета, неоднократно обследует некоторые районы Южного Казахстана, и в частности городище Беш-Агач, чтобы выяснить местонахождение древнего города Талас. Он одним из первых подтверждает на археологическом материале точку зрения В. В. Бартольда о тождестве Аулие-Аты с Таразом. Им с несомненной очевидностью установлено, что древний Тараз, известный в исторической литературе с VI в., находится на месте города Аулие-Ата (Джамбул). Он выявил древнюю крепость, места древних керамических заводов, зороастрийских, христианских и мусульманских кладбищ, выяснил приразлицительные границы густо населенной части города и пригородов, окруженных тройным кольцом стен, обнаружил остатки наружного вала на правом берегу р. Талас в урочище Акбулум, открыл подземный ход, надмогильную плиту 1261—1262 гг. и неповрежденный погребальный хум (корчага) с костями неполного человеческого скелета¹².

В результате разведывательных шурфований в разных местах древнего Тараза был получен археологический материал: строительные и архитектурные образцы, обломки глиняной утвари домусульманского периода и стеклянная, глиняная и каменная утварь мусульманского периода до XIV в.

М. Е. Массоном также проводилась работа по регистрации монетных находок из различных районов Средней Азии и Казахстана, среди них наиболее интересны находки монет караханидов из Семиречья и джагатаидского чекана из Тараза и Отрара¹³.

Кроме обследования памятников прошлого, Туркомстарис вел работы по ремонту и реставрации монументальных памятников мусульманского зодчества. В первые годы своего существования он проявлял заботу о ремонте памятников, находившихся в наиболее угрожаемом состоянии.

В 1922 г. была организована специальная экспедиция для осмотра и принятия мер к охране и ремонту мечети Ахмеда Ясеви. В ней участвовали проф. А. А. Семенов, проф. А. Э. Шмидт и инженер С. А. Орлов. Экспедиция произвела фотосъемку и архитектурный обмер этой уникальной мечети. Результаты осмотра памятника изложены в статье А. А. Семенова¹⁴, в которой он отмечал, что в сводах коридоров, в

¹² Массон М. Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении. — «Труды САГУ. Археология Средней Азии. Новая серия». Вып. LXXXI. Исторические науки, кн. 12. Ташкент, 1956, с. 5—40.

¹³ Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 г. — «Известия Среднеазиатского комитета», 1928, вып. 3, с. 280—293.

¹⁴ Семенов А. А. Мечеть Ходжи Ахмеда Есевичского в г. Туркестане. — «Известия Среднеазиатского комитета», 1926, вып. 1, с. 121—130.

куполах и арках имеются опасные трещины, а в самом здании — сдвиги кирпичей, провалы, оседание южной стены. В удовлетворительном состоянии находилась лишь центральная часть сооружения — усыпальница Ходжи Ахмеда. Кроме того, все надписи мечети, по его мнению, следовало основательно пересмотреть в смысле копировки и перевода, чтобы сделать эпиграфику Туркестанской мечети доступной для науки. Во время ремонтных работ проводились различные историко-археологические исследования памятника. В 1924 г. ремонтировались перекрытия мавзолея Ходжи Ахмеда, крыша и лестница и в то же время изучался фундамент здания.

Туркомстарис — Средазкомстарис работал с 1921 по 1928 г. Позднее в каждой из среднеазиатских республик были созданы свои Комстарисы с теми же целями и задачами, что и Туркомстарис.

В Казахской ССР был организован Казахский комитет по охране природы, памятников старины и искусства (Казкомпристарис). В «Положении» о нем сказано, что «Казкомпристарис имеет целью объединение, согласование и регулирование деятельности различных ведомств в отношении охраны природы, памятников старины, искусства на территории КССР, их научного изучения и охраны...»¹⁵. В задачу комитета входили: «Сбор сведений о местных памятниках старины, искусства, их научное описание и охрана, а также ремонт и реставрация наиболее выдающихся из них. Производство археологических раскопок и разведки с целью выявления и собирания предметов древности, искусства и народного быта»¹⁶.

Подытоживая результаты деятельности Комитета с 1921 по 1928 г., необходимо отметить, что в 1921—1924 гг. вся работа по охране, изучению и регистрации памятников проводилась местными силами. За это время Туркомстарис совершил экспедиционные выезды для обследования архитектурных памятников в Туркестане (А. А. Семенов, А. Э. Шмидт и др.). Хотя главной функцией археологии Средней Азии в данный период была организация охраны памятников, но уже намечалось исследовательское направление в его деятельности. В. Д. Городецкий осуществил несколько археологических поездок по Семиречью; П. П. Иванов обследовал городище Актепе у Дмитриевки в долине Таласа; М. Е. Массон изучил городища Сайрам и Тараз.

С 1925 г. полевая экспедиционная деятельность Комитета усиливается. В нее включаются и некоторые центральные организации, ведущей тематикой становятся вопросы исторической географии и исторической топографии городов.

К концу 1928 г. Средазкомстарис был упразднен. Таким образом, первый среднеазиатский — казахстанский научный центр, под руководством которого проводились местные археологические работы, прекратил свое существование.

¹⁵ См.: Положение о Казахском комитете по охране природы, памятников старины и искусства (Казкомпристарис). — «Вестник Центрального музея Казахстана». Вып. 1. Алма-Ата, 1930, с. 14.

¹⁶ Там же, с. 15.

Работа комитета по результатам обширна и плодотворна. Она носила уже научно-исследовательский характер, и в то же время обогатила музеи новыми многочисленными и ценными материалами обо всех сторонах прошлой жизни огромного края и активно содействовала охране памятников старины и искусства.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<i>К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович.</i>	Отчет о раскопках на городище Отрар в 1974 году	5
<i>В. А. Грошев.</i>	Водохранилище средневекового Отрара	36
<i>С. Жолдасбаев.</i>	Типы оседлых поселений казахов по данным археологических исследований Южного и Центрального Казахстана (XV—XIX вв.)	46
<i>Р. З. Бурнашева.</i>	Два клада джанидских тенег XVII века с территории Южного Казахстана	59
<i>С. М. Ахинжанов.</i>	Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана	81
<i>Д. Г. Савинов.</i>	Расселение кимаков в IX—X веках по данным археологических источников	94
<i>Т. Н. Сенигова.</i>	Уникальное культурное сооружение Аулие Кумчик-Ата в районе г. Туркестана	105
<i>Н. И. Синенькая.</i>	К вопросу о технике изготовления и приемах оформления дастарханов из Отрара (X—XII вв.)	122
<i>Б. Н. Нурмуханбетов</i>	Могильник Мардан — погребальный памятник ранних земледельцев Отрарского оазиса	130

ПЕРВОБИТНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<i>М. К. Кадырбаев, Ж. К. Курманкулов.</i>	Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек	137
<i>Э. Ф. Кузнецова.</i>	Бронзовые предметы из могильника Сынтас по данным спектрального анализа	157

<i>А. Г. Максимова.</i>	Курганные могильники Караша I и II	163
<i>А. К. Акишев.</i>	Новые художественные бронзовые изделия сакского времени	183
<i>М. К. Хабдулина.</i>	Курган раннего железного века у села Кенес	196
<i>А. Х. Маргулан.</i>	Погребения эпохи неолита в Джебказгане	202
<i>Л. А. Макарова.</i>	Характеристика костного материала из поселения Саргары	211
<i>Т. В. Савельева.</i>	Охрана и изучение древностей Казахстана Туркомстарисом (Средазкомстарисом)	227

ПРОШЛОЕ КАЗАХСТАНА
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

*Утверждено к печати Ученым советом Института истории, археологии
и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР*

Редактор *Н. Н. Королева*
Худож. редактор *А. Б. Мальцев*
Оформление художника *А. Б. Мальцева*
Техн. редактор *Л. И. Шашкова*
Корректор *М. И. Безматерных*

* * *

Сдано в набор 26/IV 1976 г. Подписано к печати 23/VI 1976 г.
Формат 70×90¹/₁₆. Бумага № 1. Усл. печ. л. 17, 3.
Уч.-изд. л. 18. Тираж 2500. УГ10554.
Зак. 64. Цена 2 р. 15 к.

* * *

Издательство «Наука» Казахской ССР.
Типография издательства «Наука» Казахской ССР.
Адрес издательства и типографии: 480021, г. Алма-Ата,
ул. Шевченко, 28.

